КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал
в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 204
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также
в Издательском доме «МИРС» по адресу:
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать
в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-квартире
РОПРЯЛ по указанным адресам.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» – 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки
и доставки журнала за пределами
СНГ обращайтесь к нашим
дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы”»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ”»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

МИРС

№ 3
2010

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: editor@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 Всемирный фестиваль русского языка
5 «Дни русской словесности». Интервью с Е. Е. Юрковым

[фразеология]

6 В. М. Мокиенко
Современная паремиология (лингвистические аспекты)
21 А. В. Жуков
О системности фразеологии
27 Й. Я. Русецкая
Фразеологические соматизмы русского и литовского языков
31 Л. И. Степанова
Проблемы эквивалентности субстандартных фразеологизмов
в Русско-чешском фразеологическом словаре

[лингвистические заметки]

36 Е. В. Быкова
Высказывания в модульном мемориальном тексте:
предикативность и субъективная модальность
43 О. А. Селюнина
Скрепа *поэтому* как средство оформления вторичной связи
49 Н. А. Енина
Варианты союза *не то что(бы) … а (но)*

[культура речи]

53 О. В. Трофимова
Районные газеты
64 Т. С. Борщевская
Идиоматика в языке менеджмента

[взаимосвязь литературы и языка]

69 Л. В. Бармина
Затекстовый комментарий и время
(на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»)
74 Н. В. Русанова
Поэтическая риторика раннего символизма

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
А. М. Осипова
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 09.09.2010
Отпечатано в типографии «Невская жемчужина», Санкт-Петербург

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией и списком ключевых слов просьба представлять только в электронном виде.
Требования к оформлению статей:
http://www.spbmirs.ru/magazine/rules.html

79 Э. К. Александрова
Дискурс слуховой памяти в романе Газданова «Вечер у Клэр»
87 Ю. В. Стрельченя
Ситуация как форма реализации и инструмент анализа этических концептов в художественном тексте (на материале повести Ю. Трифонова «Дом на набережной»)
93 Л. Д. Бугаева
Экфрасис в романе Пелевина «Generation „П“»

[методика преподавания русского языка]

102 А. Н. Ременцов, А. Л. Кузнецов, М. Н. Кожевникова
Использование учебного пособия «Из истории России XX века» в целях межкультурной адаптации иностранных учащихся
106 Я. В. Клепацкая
Принципы и приемы обучения лексико-грамматическим явлениям русского языка студентов-иностранцев на основном этапе изучения РКИ (на примере глагольного управления)

[представляем новые книги. рецензии]

30 Н. Н. Маевский —
Захарова А. И, Лукьянов Е. Н., Парецкая М. Э., Савченкова И. Н., Шакирова Г. Р. Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 1. Грамматика. Лексика; Вып. 2. Чтение; Вып. 3. Письмо: уч. пос. / Под общ. ред. М. Э. Парецкой. СПб.: Златоуст; Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. 320 с.

[хроника]

20 «Каким я вижу русский язык завтра»
42 Недели русского языка и российского образования в странах Африки
42 XI Всероссийская Олимпиада для студентов по русскому языку как иностранному
73 Международная научно-исследовательская конференция «Иосиф Бродский в XXI веке» (Санкт-Петербург, 20–23 мая 2010 года)
110 Международная конференция «Русский язык вне России: русскоговорящие сообщества и национальное самосознание» (Эдинбург, Великобритания, 1–3 апреля 2010 года)
111 IV Международная конференция «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8–11 июня 2010 года)
86 «Русский язык и современная Россия»
92 II Конгресс РОПРЯЛ «Русский язык и культура в пространстве Русского мира» (Санкт-Петербург, 26–28 октября 2010 года)

[россия... народы, языки, культуры]

112 Аляска
113 А. Кристенсен
Анна Николаевна и Иван Васильевич Фуругельм в Русской Америке

ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК ОБЪЕДИНЯЕТ!

Впервые Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке фонда «Русский мир» и Министерства образования и науки Российской Федерации проводит в 2010–2011 гг. **Всемирный фестиваль русского языка.**

Фестиваль призван объединить и поддержать всех тех, кто увлечен изучением русского языка, литературы и культуры, кто его преподает и популяризирует.

Успешный опыт проведения фестивалей в России и Европе показал, что участие в конкурсе дает участникам возможность не только продемонстрировать свои знания и творческие возможности, но и обрести новых друзей, а финалистам — и совершить увлекательное путешествие в Санкт-Петербург!

К участию во Всемирном фестивале приглашаются иностранные граждане, владеющие русским языком, в том числе и преподаватели русского языка.

В течение **2010** года пройдет отборочный Интернет-тур конкурса на лучшее владение русской речью. Конкурсные задания будут размещены не позднее 15 июня 2010 года на сайте МАПРЯЛ (http://www.mapryal.org) и на сайте Всемирного фестиваля русского языка (http://mirfest.russkoeslovo.org).

Конкурс проводится для **4 категорий иностранных участников, для которых русский язык не является родным:** 1) школьники; 2) студенты; 3) все желающие (без возрастных ограничений); 4) преподаватели-русисты.

Победители I тура будут приглашены к участию во втором, творческом туре, финалисты которого получат возможность приехать в Санкт-Петербург на финал Фестиваля за счет организаторов.

В рамках подготовки к Фестивалю также планируется организация Праздников русской словесности, которые будут проведены в США, Казахстане, Словакии, Китае, Марокко. На Праздники русской словесности будут приглашены победители I тура, которые получат шанс попасть на финальные мероприятия в Санкт-Петербург. Кроме того, в рамках Праздников русской словесности будут проводиться конкурсы русской песни и викторины на знание русской культуры, литературы, истории. Среди участников конкурса песни и викторины будут разыграны дополнительные путевки на финал в Санкт-Петербург.

Также в рамках Праздников русской словесности запланировано проведение круглых столов, мастер-классов, открытых уроков, книжных выставок. Эти мероприятия позволят расширить методические знания школьных учителей и вузовских преподавателей-русистов, познакомить их с новинками научной и методической литературы, обменяться опытом преподавания и изучения русского языка. К участию в мероприятиях Фестиваля будут привлекаться известные ученые, политики, журналисты, общественные деятели, писатели.

Организаторы надеются, что мероприятия Фестиваля позволят участникам ближе познакомиться с богатством и многообразием культурной и духовной жизни России, получить стимул для дальнейшего изучения русского языка, а также совершенствования педагогического мастерства.

Желаем успехов и побед!

http://mirfest.russkoeslovo.org/
mirfest@russkoeslovo.org

«ДНИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»
ИНТЕРВЬЮ С Е. Е. ЮРКОВЫМ

Евгений Ефимович Юрков — директор Института русского языка и культуры, зав. кафедрой русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического ф-та СПбГУ, вице-президент РОПРЯЛ, заместитель генерального секретаря МАПРЯЛ, доцент, канд. филол. наук

— Евгений Ефимович, какова цель проведения «Дней русской словесности»?

— Так сложилось исторически, что по Конституции государственным языком в нашей стране является именно русский язык. Он наделен важной интегрирующей функцией. Он объединяет всех нас в составе одного государства, и это при том, что все мы разных конфессий, национальностей, культур. И русский язык — единственный язык, способный такую функцию выполнять. А поскольку язык и культура неразрывно связаны между собой, то у языка есть еще и культурообразующая функция. Действительно, в силу сложностей исторического процесса, который мы сейчас проходим, на русский язык сейчас ложится и функция «окультуривания», поскольку сегодня в обществе мы наблюдаем определенную культурную деградацию.

При помощи русского языка, обучения русскому языку и культуре мы можем повышать не только культуру речи, но и культуру в целом, ведь не может человек, неспособный чувствовать слово, воспринимать изобразительное или, например, театральное искусство.

«Дни русской словесности» — это инструмент, призванный привлекать внимание к проблемам русского языка и его роли как средства поддержания культуры. Поскольку мы проводим в рамках «Дней…» мониторинг, мы измеряем уровень речевой культуры журналистов, учителей-словесников, студентов-филологов, чтобы определять болевые точки, точки роста, поддерживать сегодняшних и будущих профессионалов в области русского языка. Мы хотим показать им, что у нас есть общая роль, и их предложения не канут в лету. Важно поднять значение профессионального сообщества в поддержании достойного уровня русской культуры. Поскольку «Дни русской словесности» уже проходили во многих регионах России, я уверен, что мысль проводить такие мероприятия была правильной. Синтез исследовательского потенциала и фестивального начала «Дней русской словесности» позволяет продемонстрировать роль русского языка в поддержании русской культуры и единства россиян, привлечь внимание профессионалов к исполнению ими профессионального долга. Не вызывает сомнения тот факт, что они в большей степени, чем простые граждане, отвечают за состояние русской культуры.

— Какие тенденции в развитии русского языка Вы сейчас наблюдаете?

— Сегодня мы наблюдаем тенденцию демократизации русской речи. С одной стороны, это хорошо: речь стала более разнообразной. Но у этой медали есть и обратная сторона: отмечается вульгаризация речи, связанная с использованием немотивированных заимствований, жаргонизмов, ненормативной лексики. Конечно, и жаргонные слова, и мат тоже являются частью языка, но вести себя надо адекватно! Ведь речь — это тоже деятельность со своими правилами, так почему мы не боимся нарушать эти правила? Надо знать, когда, что, как и с кем говорить, и в особенности это касается школьников и молодежи. Нам не хватает ответственности перед нашими предками, нашей культурой и историей. И ключевую роль в преодолении этих негативных тенденций должны играть не запреты, а демонстрация лучшего, что есть в языке. Приятно слышать, когда молодежь говорит образно, ярко, красиво. Вот поэтому на «Дни русской словесности» мы и приглашаем творцов слова, которые способны продемонстрировать лучшие образцы русской речи. На этот раз открытую лекцию читает писатель Андрей Битов.

— Ваше мнение о перспективах подобных мероприятий.

— Поскольку «Дни русской словесности» проводятся под эгидой Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), эти мероприятия можно назвать частью государственной языковой политики. Подобных мероприятий в последние годы проводится много, и это обнадеживает. Мы пробуждаем интерес и находим живой отклик в самых разных слоях российского общества, поэтому наши усилия не напрасны.

Конечно, пока еще рано говорить о том, что мы на пути к выздоровлению языкового сознания нации в целом, но уже есть и школьники, и студенты, являющиеся подлинными носителями русского языка как части русской языковой культуры, национального языкового сознания, а в конечном итоге — того интегрирующего потенциала, который способен служить единению России.

Беседу вел Александр Коротышев

В. М. Мокиенко

СОВРЕМЕННАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

VALERIJ M. MOKIENKO
THE MODERN PAREMYOLOGY (LINGUISTIC ASPECTS)

В статье представлен развернутый обзор состояния изучения паремий, которые за последние три десятилетия стали объектом не только этнографии и фольклористики, но и лингвистики. Автором обозначены исторические вехи в изучении пословиц и поговорок славянских языков, поставлен ряд актуальных вопросов, касающихся лингвистического статуса паремий, паремиологической терминологии, а также характера функционирования, прежде всего в текстах художественной литературы и СМИ.

Ключевые слова: паремиология, паремиграфия, пословица, поговорка, фразеологизм, идиома, паремия, трансформации пословиц и поговорок, антипословицы, трансформации паремий.

In the article it is offered an extensive survey of condition of proverbs learning which for the period of three decades had become the object not only of ethnography and study of folklore but of linguistics. The author points the historical period in the Slavonic proverbs and sayings learning, some relevant questions are being set which touch the linguistic status of proverbs, proverbs terminology and the character of its functioning primarily in the texts of fiction and mass media.

Keywords: paremiology, proverb, saying, a phrase, an idiom, a paremy, the transformation of proverbs and sayings, antiproverbs, the transformation of paremys.

Валерий Михайлович Мокиенко

Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
► mokienko40@mail.ru

Паремиологический бум в лингвистике, который фразеологи предсказывали 30 лет назад, превзошел все ожидания. Динамизация современного общества вызвала активизацию национального сознания, а с ним и интерес к такому малому жанра фольклора, как пословицы и поговорки. Освобождение от цензуры, свобода слова, востребованность в рекламе и открытый доступ любого «острослова» в интернетное пространство и средства массовой информации обеспечили пословицам столь мощное функционирование, о котором не могли и мечтать в эпоху Возрождения или становления наций такие пассионарии европейской паремиологии, как Эразм Роттердамский, Ян Амос Коменский, Вук Караджич, Ф. Л. Челаковский, В. И. Даль, М. Номис, И. И. Носович и др. Не могли мечтать, но именно они заложили материальную основу паремиологии как фольклористической и этнографической дисциплины, дав нам, лингвистам, возможность спустя несколько веков наконец заняться не только анализом их концептуальной основы, но и чисто языковой природы.

Фразеологи с готовностью откликнулись на этот императив времени и с присущей им пассионарностью изучают самые разные аспекты пословиц. Многие из них посвятили паремиологии часть своей фразеологической жизни, а некоторые давно уже отдали предпочтение именно

пословицам, не дав полного «развода» фразеологии в узком смысле слова.

Каковы же наиболее актуальные проблемы, решаемые современной паремиологией в лингвистическом ключе?

1. Традиции и современность в паремиологии и паремиографии

Дань уважения к традиции паремиологов — одно из органических свойств этой дисциплины. Ведь сам жанр пословицы предполагает бережное сохранение культурных и языковых традиций, и это в полной мере относится и к тем, кто до нас трудолюбиво и самоотреченно припасал жемчужины народной мудрости в своих паремиологических сусеках. Вот почему обращение к опыту предшественников и постоянное использование в наших исследованиях материала, собранного патриархами паремиологии, — одна из важнейших задач современной паремиологии.

Нужно сказать, что в славистике эта задача постоянно выполняется. В Чехии после войны появилось осовремененное переиздание классического собрания Франтишека Ладислава Челаковского «Mudrosloví národu slovanského ve přísloví́ch» [83], в котором собрана славянская паремиология на период до середины XIX века. Оно издано и в сокращенных, популярных вариантах и широко используется славистами — например, с должным вкусом и тактом учтено в современном «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой [28]. Интерес к паремиографии характерен сейчас практически для всех славянских стран и можно долго перечислять переиздания классиков национальной паремиологии, которые именно в последние десятилетия вновь увидели свет. Так, недавно во Львове вторично увидел наконец свет фундаментальный словарь пословиц Галицко-Волынской Украины, созданный Иваном Франко в начале прошлого века на основе гнездового принципа, разработанного классиком немецкой паремиологи К. Ф. В. Вандером [78; 118]. Это переиздание — образец бережного отношения к своему национальному пармиологическому наследию, ибо при новой нумерации, обновленной орфографии и пунктуации и т. д. издатели воспроизвели и оригинальную нумерацию страниц, что позволяет любому исследователю пользоваться этим собранием, возвращаясь ad fontes.

Тем не менее пока еще при переизданиях славянской классической паремиографии не хватает продуманных и облегчающих поиск указателей по разным аспектам и глубоких лингвистических, историко-этимологических, этнографических и фольклористических комментариев. В самом деле: взгляните на самые роскошные переиздания собраний В. И. Даля, М. Номиса, Вука Караджича и других зачинателей нашего жанра в Славии. Их постоянно переиздают. Но попробуйте, например, в обрамленной золотом полоске издания «Српске пословице» Вука Караджича найти нужную Вам паремию или доискаться до значения какого-либо сербского диалектизма, и Вы увидите, что это — задача поистине для Шерлока Холмса.

Пора, как кажется, паремиологам взяться за это многотрудное дело. Создание добротных лингвистических и культурологических комментариев и указателей к классическим собраниям паремиологической классики — неотложная задача, и чем скорее мы ее выполним, тем скорее удовлетворим интерес многих любителей славянской паремиологии. Выполнение этой задачи интенсифицирует и столь «запущенный» пока аспект исследования русской и славянской паремиологии, как историко-этимологический, о котором будет сказано ниже.

2. Современная паремиография славянских языков

Патриархи славянской паремиологии оставили нам хорошее наследство. И — и к счастью, и к сожалению — мы все до сих пор в основном питаемся за его счет. Не секрет, например, что практически все изданные в советское время собрания русских пословиц и поговорок «вышли из Далевской шинели». Большинство из них даже не содержит точных ссылок на источники, ибо так легче прикрыть отсутствие собственного одеяния под широкой и добротной Далевской шинелью. Но это было бы еще полбеды. Увы, наша

послереволюционная паремиография (за исключением, пожалуй, сборника М. А. Рыбниковой [55] и академического собрания «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков», подготовленного М. Я. Мельц, В. В. Митрофановой и Г. Г. Шаповаловой [50]) достаточно вольно обращалась с далевским наследием, «переводя» весьма вольно диалектные компоненты пословиц на современный советский язык, заостряя атеистическое жало народных пословиц или даже создавая весьма хлесткие якобы советские паремии. Вот несколько из таких «обогащений» далевского паремиологического корпуса: *В колхоз вступил — сапоги купил* [37: 55]; *В колхоз пришел — кафтан нашел* [37: 55]; *В колхозе язык не в зачет, кто работает, тому и почет* [37: 55; 55: 53; 53: 54]; *Ленин нашу долю выпустил на волю* [49: 31]; *Ленина указ что отцовский наказ* [49: 31]; *За партией идти — в счастье жить и цвести* [49: 30]; *Набирайся силы у груди матери, а ума у Коммунистической партии* [49: 31]; *Партия и народ едины, друг от друга неотделимы* [49: 30]. Я специально привожу в тексте статьи точные источники этих пословиц, чтобы читатель не подумал, что они взяты из устного анекдотического обихода. А ведь эти сборники издавались и переиздавались многотысячными тиражами, закрепляя идею о единстве народа и партии в фольклорном перевоплощении.

В 80-е годы прошлого века, правда, увидели свет 3 обширных собрания русских пословиц и поговорок, во многом очищенные от идеологической примитивизации. В 1986 году в Нью-Йорке вышел «Сборник пословиц русского языка», составленный Владимиром Танчуком [73]. Пословицы здесь расположены по строгому алфавиту первого компонента, в словарь включены и материалы старинных сборников, и некоторая часть современного устного паремиологического фонда. Спустя 2 года в Москве вышел словарь «Русские пословицы и поговорки», редактором и одним из составителей которого является известный фольклорист В. П. Аникин [54]. Пословицы здесь также даются в алфавитном порядке по первому компоненту, словник (в котором к корпусу В. И. Даля добавлены и пословицы из других сборников) очищен от многих случайных и искаженных паремий, унифицирована орфография и пунктуация. К сожалению, в этих полезных собраниях русской паремиологии не указываются источники материала, что лишает их координат во времени и пространстве и хотя бы имплицитной информации об их употребительности.

Далевскую традицию тематических собраний русских пословиц и поговорок в 80-е годы прошлого века продолжил и А. С. Спирин [70], увлеченно их собиравший всю свою жизнь. Позднее к работе по улучшению и некоторому расширению книги присоединился А. И. Зимин. О популярности их собрания свидетельствуют его переиздания [21; 20; 19].

Конечно, в разных славянских странах «модернизация» традиционных паремий, уточнение их источников, хронологии, региональной маркировки и расширение паремиологической базы данных протекает по-своему. Но тем не менее процесс этот давно уже пошел и к нему паремиологи должны прислушаться. Точная идентификация подлинности той или иной пословицы в паремиографии невозможна без точной ее паспортизации во времени и пространстве.

Вот почему задачей современной славянской паремиографии является и создание паремиологических сводов пословиц разных языков. Образцом такого свода является монументальный труд, созданный под руководством и редакцией акад. Ю. Кжижановского «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich» [107]. Для русского языка такую работу проделал наш фразеологический семинар при Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (СПбГУ). На нее ушло почти 40 лет, и первые два тома — «Большой словарь русских народных сравнений» [36] и «Большой словарь русских поговорок» [35] уже увидели свет, а третий — «Большой словарь русских пословиц», в котором описано около 80 тысяч паремий, уже лежит в типографии. В последнем словаре мы постарались отразить и точно паспортизировать русский паремиологический фонд, начиная с «Изборника» великого князя Святослава 1073 года до наших интернетных дней.

Если по каждому славянскому языку мы получим подобные своды национальной паремиологии, то многие аспекты исследования паремиологии станут на надежную основу и мы сможем наконец объективно отделить национальное от интернационального, европейское от «чисто» славянского, индивидуальное от общего. Главное же — мы получим надежную базу для проверки весьма высоких и часто абстрактных когнитивистских идей и выводов, сделанных концептологами за последние два десятилетия.

Для славянской паремиографии такие своды дадут богатый и корректный материал для паремиологических собраний и словарей самых разных типов — как одноязычных и двуязычных, так и многоязычных. Необходимость создания возможных и востребованных временем типах таких словарей несомненна.

Кстати, несмотря на весьма существенную помощь, которую нам, паремиографам, может оказать компьютерная технология, здесь пока полностью на нее полагаться рано. Как метко и честно призналась одна из активных создательниц национального чешского корпуса, сотрудница Фр. Чермака Рената Блатна [82], именно пословицы как более компликативные языковые единицы имеют загадочную способность «исчезать в черной дыре» необъятного корпуса, создавая поисковые сложности искателям паремий. Да и многие из нас по собственному опыту знают, насколько трудоемки и «хронофагны» попытки найти в корпусах или в Интернете нужные пословицы. Будем надеяться, что в недалеком будущем появятся и специализированные корпуса славянских пословиц, которые облегчат нам эту задачу.

3. Пословица и поговорка: статус, терминология, аспекты исследования

Составление паремиологических словарей и собраний пословиц и поговорок издавна поставило весьма неоднозначную проблему разграничения разных типов паремий и в то же время поисков их tertium comparationis.

С течением времени точка зрения на термины *пословица* и *поговорка* менялась. Так, древнерусское слово *пословица* было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще — согласие, мир. Одним из таких значений было и ‘краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция’. Прежде пословиц и поговорок не различали. Знаменитое устойчивое сравнение из «Повести временных лет» — *погибоша яко обри*, например, летописец называет именно *пословицей*.

До сих пор в народной речи, у писателей и журналистов и у носителей языка, неискушенных в терминологических нюансах паремиологии, термины *пословица* и *поговорка* употребляются недифференцировано. Иное дело — употребление всем привычных слов *пословица* и *поговорка* в качестве фольклорных, этнографических и лингвистических терминов. В европейской паремиологии уже давно возникла необходимость их строгого разграничения. В русской и зарубежной филологической и фольклористической традиции эти термины также постепенно стали различаться достаточно четко. В. И. Даль выразил это, принятое уже в его время, разграничение четко и лапидарно. *Пословица*, по его мнению, — это «коротенькая притча», суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», *поговорка* же — «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения… это одна первая половина пословицы» [13: 13–14]. К последним, следовательно, отнесены такие народные речения, как *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый теленок две матки сосет*, а к поговоркам — *погибоша яко обри, сваливать с больной головы на здоровую, чужими руками жар загребать*, то есть такие единицы, которые многими лингвистами называются теперь фразеологизмами.

Конечно, и сейчас не все ученые и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно. Один из известных лингвистов и лексикографов В. П. Жуков в своем «Словаре русских пословиц и поговорок» [18: 11] предлагает, в частности, весьма оригинальное их толкование. Под *пословицами* он понимает краткие на-

родные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под *поговорками* — лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. К первым отнесены речения типа: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*, ко вторым — *Деньги — дело наживное* или *Коса — девичья краса*. Некоторые современные русские паремиологи-лингвисты принимают такое нетрадиционное разграничение пословиц и поговорок (напр.: [58]), большинство же следует давно принятой терминологической традиции.

По нашему мнению, такое терминологическое новшество у В. П. Жукова неоправданно, ибо безóбразные пословицы, именуемые им *поговорками*, сохраняют все основные признаки паремий с законченной синтаксической структурой. Так, хотя в паремиях типа *Учиться — всегда пригодится*; *Труд кормит, а лень портит*; *Ученье лучше богатства* образ и отсутствует, их афористичность, ритмичность и смысловая емкость делает их пословицами, вполне адекватными образным — типа *Ученья корень горек, да плод сладок*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *Ученье — свет, а неученье тьма*. Именно так трактует разграничение пословиц и поговорок европейская традиция — ср. термины англ. *proverb* и *saying (idiom),* фр. *proverbe* и *dicton,* нем. *Sprichwort* и *Redensart* и т. п.

Следовательно, пересмотр традиционного термина *пословица* следует признать неоправданным. Во избежание терминологической путаницы лучше, как кажется, понимать его традиционно — как логически законченное образное или безóбразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией (ср. принятое нами толкование пословицы и поговорки в кн.: [52: 222, 211; 68: 276–277, 272–273]). Фольклорно-этнографический же термин *поговорка* многими из нас давно уже понимается как фразеологизм в узком смысле слова, включая и устойчивые сравнения.

Разумеется, каждый составитель большого словаря пословиц и поговорок постоянно сталкивается как с практической трудностью четкого, «классического» разграничения некоторых паремий на эти две группы, так и с искусом включения в словари или собрания близких по структуре и семантике языковых единиц, в принципе имеющих паремиологический статус, но не полностью соответствующих любому избранному определению пословицы или поговорки. Такому искусу поддался и великий В. И. Даль, включивший в «Пословицы русского народа» и праностики (приметы), и скороговорки, и некоторые загадки, и многое другое. До сих пор ни одно масштабное паремиологическое собрание не может полностью элиминировать этого «многого другого» из своих словников. Отсюда — попытки детализировать терминологический аппарат наименований описываемого объекта. Таково, например, подключение к тематической классификации русских пословиц и поговорок в сборнике В. И. Зимина и А. С. Спирина [21] и «жанрового» распределения некоторых из них на *молвушки, приговорки, присловья, дразнилки, загадки, скороговорки, считалки, приметы, слова привета и ответа* и др. (ср. анализ этого терминологического аппарата в рецензии: [33]).

Паремиологи-лингвисты уже немало сделали для определения статуса паремий, их разграничения и выявления функциональных потенций, исследования их синтаксических, лексических, стилистических и социолингвистических параметров, жанровой специфики и др. — ср. известные обобщающие работы Г. Л. Пермякова [47; 45; 46 и др.], З. К. Тарланова [74], Л. Б. Савенковой [57; 58 и др.], М. Ю. Котовой [27; 29], П. Дюрчо [85], С. Вйейяра [116], Е. И. Селиверстовой [62; 61], Г. Д. Сидорковой [67] и С. В. Сидоркова [66]. В Остраве, ставшей по инициативе Евы Мргачевой одним из активных центров по исследованию славянской паремиологии, регулярно проводятся конференции, посвященные различным аспектам этой дисциплины. Приятно ответить, что в этом мы, слависты-паремиологи, не только не отстаем от романистов и германистов, но и кое в чем их опережаем, в чем легко убедиться, просматривая тома фундаментальных паремиологических библиографий американского паремиолога В. Мидера [97; 98; 99] и издаваемый им в Вермонте ежегодник «Proverbium».

Статус паремий разного типа и их терминологическая и классификационная интерпретация постоянно обсуждаются и будут обсуждаться. Как кажется, при этом и здесь следует поверять любую паремиологическую теорию алгеброй практики, т. е. составлением словарей. Ведь теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремии — от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста. Но лексикографическая практика вынуждала и вынуждает нас так или иначе сокращать границы изучаемого паремиологического объекта, что и должно найти отражение в корректной терминологии.

4. Функционирование паремий в современных литературных языках, средствах массовой информации и живой речи

Одной из проблем, бумерангом вернувшихся к нам из паремиологии XIX века, является функционирование пословиц и поговорок в речи и языке. Речевой характер паремий, собственно, не только обеспечивает их функционирование в языковой системе, но и создает всю палитру художественно-эстетических свойств, благодаря которым они становятся востребованными художниками слова и творцами текстов разного типа. В то же время их речевой, якобы исключительно «изустный» характер еще недавно был одним из важнейших аргументов для констатации «несовременности», фольклористичности пословиц. Некоторые паремиологи даже предсказывали неминуемое снижение их функционирования в современной речи уже потому, что они являются языковыми слепками отживших фольклорных стереотипов и не соответствуют реалиям современной жизни. Так, известный американский фольклорист Дж. Спирс [113] 36 лет назад высказал мнение, что современная городская цивилизация не порождает фольклора, в том числе пословиц, поговорок или народных сравнений. Любопытно, что уже спустя 5 лет в России была защищена диссертация С. И. Вяльцевой [10], где именно на английском материале показывается активное речевое использование пословиц. Исследования паремиологов последнего времени окончательно рассеяли сомнения в фольклорной креативности современных городских социумов, в том числе и славянских. Наоборот, как уже подчеркнуто в начале статьи, сейчас наблюдается мощное возрастание продуктивности употребления пословиц во всех разновидностях национальных языковых систем.

Социолингвистические исследования показывают, что в реальном речевом узусе пословицы продолжают оставаться весьма актуальными составляющими живого дискурса. На чешском материале, например, такую работу проделал немецкий паремиолог Франц Шиндлер, в книге которого «Sprichwort im heutigen Tschechischen: empirische Untersuchungen und semantische Beschreibung» [111] дается детализированная статистическая обработка материалов широкого анкетирования и опросов носителей чешского языка разного социального статуса и возраста. Оказалось, что в речевом узусе многие традиционные паремии не только хорошо узнаваемы, но и активно используются в трансформированном виде. На основе такого обследования Фр. Шиндлер создал совместно с чешской лингвисткой Даной Биттнеровой [110] новаторский словарь чешских пословиц, отразивший в какой-то мере реальную частотность употребления паремий в современной языковой среде. По материалам чешского национального корпуса член нашей фразеологической комиссии Фр. Чермак также констатирует достаточно активное функционирование чешских пословиц в разных типах текстов. В монографии известного словацкого германиста П. Дюрчо [85] убедительно показывается реальная жизнь пословиц в современной немецкой и словацкой живой речи.

Конечно, во многом употребление паремий обусловлено личностным выбором, языковой избирательностью индивидуума. В изучении и этой проблемы паремиологи уже сказали свое весомое слово. Московская ориенталистка Г. Ф. Благова издала оригинальную книгу «Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе» [2], где скрупулезно и любовно описала паремиологический фонд своей матери, прожившей всю (в основном советскую) жизнь в Подмоскове. Оказалось, этот

фонд весьма велик и полифункционален. Близкий по жанру словарь, отразивший паремиологический фон своей матери, — «Фразеология диалектной личности», издал недавно и уральский исследователь В. П. Тимофеев [75].

Исследований, в которых убедительно показывается многоаспектное функционирование пословиц, уже немало. Особенно, конечно, привлекает паремиологов анализ функционирования пословиц в художественном тексте и в средствах массовой информации. На материале русского языка это сделано, например, Т. А. Наймушиной [38], Е. И. Селиверстовой [61; 60], Л. Б. Савенковой [57], М. В. Саблиной [56], на болгарском — М. Ю. Котовой и Е. Е. Саковцевой [30], на чешском — Марией Новаковой [106] и др. Спектр различных возможных аспектов функционирования пословиц весьма велик. Одной из «изюминок» здесь я бы назвал оригинальный анализ использования советских пословиц, представленный В. Хлебдой [79]. Специфично и достойно специального изучения (ср., напр.: [117]) функционирование пословиц в рекламе.

Причины экспансии паремий в тексте различны. Они определяются и собственно эстетическими и культурологическими качествами паремий, и теми социальными условиями, которые «возбуждают» языковую креативность. Как верно подметили Г. Миронова и Е. Купцевич [32], активизация национального паремийного фонда во многом связана и с тем, что он отражает кризисные явления в обществе.

При всей активности и многоаспектности исследования данной проблематики, здесь, как кажется, все еще не хватает, с одной стороны, взгляда «с высоты птичьего полета», с большой степенью теоретического обобщения, с другой — более строгой специализации объекта анализа. Что касается первого, теоретического подхода, то, пожалуй, мы, паремиологии, так до сих пор и не достигли синтетического подхода к функционированию пословиц, который предложил в объемной штудии о паремиологии «Пословица как составная часть контекста» один из представителей пражской лингвистической школы Ян Мукаржовский [105]. Такого рода исследования не мешает читать и перечитывать, чтобы не терять стратегических целей изучения функциональных свойств паремий.

Что же касается специализации, то, увы, многие работы по анализу использования пословиц в тексте недостаточно раскрывают их специфику по сравнению с фразеологией и даже с лексикой. Немало, как кажется, предстоит еще сделать для специализированного анализа функционирования пословиц в разных жанрах литературы, в поэзии, разных типах публицистики, радио- и телепередачах. Неплохо было бы создавать и специализированные словари, где на основательном конкретном материале такое функционирование демонстрировалось.

5. Вариантность паремий как отражение их динамики

На вариантность пословиц и поговорок как их важнейшее динамизирующее свойство паремиологи давно уже обратили внимание. Детализированные и оригинальные классификации паремиологических вафриантов, предлагаемые Й. Млацеком [103], В. Н. Вакуровым [7], Е. И. Дибровой [15], Е. К. Николаевой [41], Е. И. Селиверстовой [61; 60; 62; 63] и др., применимы ко многим языкам, что свидетельствует об универсальном характере самого явления.

Особым аспектом этой проблемы вариантности, восходящим к общелингвистической теории А. А. Потебни о свертывании текста в пословицу, пословицы в поговорку, а поговорки в слово, является взаимодействие пословиц и поговорок. Часто оно, к сожалению, рассматривается односторонне — именно как реализация принципа языковой экономии, сформулированного Андре Мартине. Тем самым более пространная единица — пословица квалифицируется как непременный «донор» единицы меньшего размера — поговорки. В иерархии «пословица — поговорка» поэтому первая интерпретируется почти всегда как источник второй, или, иными словами, поговорка (фразеологизм в узком смысле) объявляется имплицитным вариантом пословицы. Так, русская идиома *ни Богу свечка, ни черту кочерга* интерпретируется В. П. Аникиным и Л. С. Паниной

как эллипсис пословицы *Упрямый, что лукавый, ни Богу свечка, ни черту кочерга* [1: 48; 44: 130]. При этом интерпретаторы совершенно упускают из виду широкий славянский ареал поговорки и чрезвычайно суженный, чисто русский ареал пословицы. Действительно, именно поговорка известна многим славянским и балтийским языкам, причем — в различных вариантах, напр., бел.: *ні Богу свеча, ні чорту ражон, ні Богу свечка, ні чорту галавешка;* укр. *ні Богу свічку, ні чортові угарка (огарок), ні Богові свічка, ні чортові ожог (гожуг, ожуг);* пол. *ani Bogu świeczki, ni diabłu ożoga (ożeg);* чеш. *i Bohu svíčku i čertu oharek;* лит. *nei dievui žvakė nei velniui šakė* и др. Это показывает, что взаимодействие пословицы и поговорки в этом конкретном случае шло не по линии языковой экономии, а, наоборот, по пути развертывания поговорки в пословицы, эксплицирования первой во вторую. Этот процесс паремиологического варьирования, как показывает конкретный анализ, столь же интенсивен, как и имплицирование [34] и еще ждет обстоятельного исследования.

Современные исследователи паремиологической вариантности обратили особое внимание на такое динамическое явление, как **антипословицы.** Этот термин, предложенный В. Мидером при исследовании немецких и английских паремий [94; 95; 96; 97; 101; 102], был использован и внедрен Х. Вальтером и автором этих строк в славистический обиход. Откровенно говоря, составив и издав свой словарь «Антипословицы русского народа» [8], мы были поражены положительной реакцией на него как наших коллег-лингвистов, так и массового читателя. Лестно признаться, что на его материале уже написаны и успешно защищены целые диссертации [77; 5], а американский исследователь А. Резников [109] в Вермонте опубликовал монографию, детально исследующую разные типы русских антипословиц и виды их функционирования. Этим явлением уже занимаются многие наши коллеги [42; 3; 4; 9; 93; 65; 64]. Характерно, что близкие к созданию антипословиц динамические процессы происходят и в других жанрах фольклора. Так, псковская исследовательница Анна Викторовна Насыбулина [39] посвятила монографию подобным трансформациям современной загадки.

6. Когнитологические аспекты исследования пословиц

Отражение пословицами реалий окружающего мира и основных концептов национальной и общечеловеческой культуры издревле интересует паремиологов. Для нас, славистов, особое значение имеет сборник чешских пословиц, составленный в середине XVII века Яном Амосом Коменским — «Мудрость древних чехов, выставленная потомкам как зеркало» [92], где паремии распределены именно по тематическому, или, говоря современной терминологией, когнитивистскому принципу. Да и сам термин *картина мира,* три десятилетия назад запущенный в свет Анной Вежбицкой, как кажется, прямо связан с дидактической системой Я. А. Коменского, книга которого (изданная в 1658 г.) так и называется — «Svět v obrazech», т. е. «Мир в картинах».

Что греха таить: любые собрания европейских паремий, выстроенные по доброму старому тематическому принципу («Семья», «Любовь», «Труд», «Война» и т. д.), давно уже укладываются в русло самых новейших наших теорий, и уже потому классическая их систематизация может считаться прототипом когнитологии как таковой. И действительно, просматривая многочисленные труды по этой дисциплине, легко узреть те же самые концептные доминанты, которые интересовали паремиологов искони и были детально уложены в прокрустово ложе собраний пословиц и поговорок. Не случайно, например, монография петербургской исследовательницы Е. В. Ивановой «Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц)» [23] весьма точно воспроизводит тематические рубрикации английских и русских паремийников. Даже такой, казалось бы, инновативный жанр современной паремиологии, как антипословицы, вполне укладывается в классическую «картинную» структуру паремий [31]. Вот несколько тематических блоков, описанных современными паремиологами-когнитивистами и наугад выбранных мною из мощного потока подобных исследований: паремиологическая философия жизни [14]; пословицы как отражение жизни и образа мышления дулебов [90]; духовный мир русского крестьянина [51]; образ

женщины в пословицах [6]; психологический портрет диалектоносителя в пословицах и поговорках [40]; лингвокультурная доминанта «Дом» — «Родина» — «Чужбина» в русских и английских пословицах [59]; концепт «Молчание» в русских и английских пословицах [43]. Не правда ли: пока не ознакомишься с терминологическим аппаратом, с помощью которого такие блоки описываются, трудно отличить паремиолога-традиционалиста от современного интерпретатора-когнитолога? Чем изощреннее и усложненнее терминология, тем обычно автор той или иной работы ближе ко второй фаланге исследователей.

Один из дискуссионных вопросов паремиологии — соотносимость когнитологической информации «по горизонтали» и «по вертикали», т. е. в общем паремиологическом значении пословицы и в концептах, заложенных в ее стержневых компонентах. Паремиологи давно уже занимаются и «вертикальным» срезом паремиологического пространства. Так, например, имена собственные в составе пословиц и поговорок основательно исследованы Т. Н. Кондратьевой [26 и др.], Л. И. Степановой [72, 71 и др.], Р. Шрамеком [114], Т. Шутковским [115] и др.; соматизмы — Ю. А. Долгополовым [16], М. Тунси [76], И. С. Козыревым [24], А. Спагиньской-Прушак [112], Д. Балаковой [81] и др.; зоонимы — Е. Гурбишем [11], Е. Мргачовой [104] и др.; имена живой и неживой природы — А. В. Егоровой [17] и т. д.

Проблема состоит в том, как соразмерить семантические доминанты «горизонтального» и вертикального срезов паремиологии. От этого, между прочим, зависит решение одного из кардинальных вопросов когнитологии — вопроса о квоте национального и интернационального в паремиологическом фонде каждого языка.

7. Паремиологический минимум: конструкт или реальность?

Одна из актуальнейших проблем лингвистической паремиологии, поставленная московским паремиологом-ориенталистом Г. Л. Пермяковым [48; 46], — проблема так называемого паремиологического минимума. Заманчивая идея нащупать такой минимум из России быстро перенеслась в Европу. На материале чешского языка ее инструментализировал Фр. Чермак [84], на материале немецкого — Петер Гржибек [87 и др.], хорватского — Петер Гржибек в соавторстве с Даницей Шкарой и Зденкой Хайкен [88], на английском — Вольфганг Мидер [100] и Хетер Хаас [89]. Появились и попытки установить паремиологический минимум даже для таких экзотических для славян языков, как сомалийский [91]. Для нас, славистов, ценным опытом учета относительной частотности пословиц в современном употреблении стал словарь славянских пословиц М. Ю. Котовой [28], материалы которого выверялись автором прямыми опросами и анкетированием информантов.

Паремиологический минимум — это не только «живой фольклор», но и та заповедная часть образного и экспрессивного национального языкового фонда, которую следует рекомендовать иностранцам, желающим постичь нашу загадочную славянскую душу. Это и та группа пословиц, которую следует рассеивать в качестве «разумного, доброго, вечного» в школах и вузовских учебниках, особо комментировать в пособиях по культуре речи и культурологических справочниках.

Энтузиазм, с которым была встречена идея паремиологического минимума и его русская версия, разработанная Г. Л. Пермяковым, вполне объясним не только обозначенными выше заманчивыми перспективами, которые они сулили, но и общим состоянием паремиологии и паремиографии конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века по сравнению с лексикологической лексикографией. Ведь к началу 70-х годов лексика большинства европейских языков была статистически просчитана, ее ядро и периферия были частотно измерены как в синхронии, так и в диахронии, а на многие языки (русский, немецкий, английский, французский) уже приходилось по несколько частотных лексических словарей разного типа и объема.

Пословичный же и фразеологический материал ни одного из европейских языков не был измерен даже приблизительной частотной мерой. Да и до сих пор мы так и не имеем ни одного частотного фразеологического или паремиологиче-

ского словаря, отчего их корпуса количественно колеблются от 300 до 50 000 фразеологизмов или паремий.

Характерно при этом, что и словари с количественно небольшим объемом фразеологического и паремиологического материала отбирают далеко не самые употребительные паремии и потому уже не претендуют на роль частотных словарей. Именно поэтому идея Г. Л. Пермякова нашла горячих приверженцев во многих странах.

Что же дал нам опыт наших отечественных и зарубежных коллег и собственный опыт?

Увы, при всей эвристичности и кажущейся перспективности «паремиологического эксперимента» он не только не подтвердил, но скорее опроверг самые основы идеи паремиологического минимума, выдвинутой Г. Л. Пермяковым. Общего минимума, минимума «для всех» носителей конкретного языка, видимо, не существует. Существует лишь «зона узнавания», которая определяет более или менее условное ядро национальной паремиологии. Но и это ядро колеблется в языковом сознании конкретных носителей языка в зависимости от индивидуального восприятия Слова, его образных и экспрессивных потенций и личного речевого опыта. Независимо от социального статуса и образовательного ценза люди с развитым чувством слова широко пользуются пословицами и поговорками, люди же рационального, рассудочного склада характера и мышления их почти не употребляют. Такой вывод можно сделать не только при анализе фразео- и паремиоупотребления у писателей, поэтов или журналистов, но и при наблюдениях над живой речью жителей наших городов и деревень, больших и малых социумов. Употребление паремий избирательно, оно регулируется не их общей частотностью в языковой системе, а индивидуальными предпочтениями говорящих.

Наложив русский паремиологический минимум, составленный Л. Г. Пермяковым, на словники большинства вышедших словарей русских пословиц (особенно тех, которые отбирались на основе классических и современных текстов — [18; 80; 69]), следует констатировать их разительное несоответствие.

Весьма аргументированному критическому анализу подверг паремиологический минимум Л. Г. Пермякова Е. Е. Иванов. В своем докладе на XI Международном конгрессе МАПРЯЛ [22] он продемонстрировал несоответствие этого минимума реальным весьма употребительным блокам русской паремиологии, отраженным современными словарями и паремиологическими собраниями. Так, в паремиологический минимум не вошли столь употребительные, «знаемые» (по терминологии Л. Г. Пермякова) пословицы, как *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Пар костей не ломит; Ворон ворону глаз не выклюет; По Сеньке и шапка* или *Хороша Маша, да не наша.* Вслед за А. Крикманом Е. Е. Иванов отметил количественную и качественную несбалансированность персонального состава информантов Л. Г. Пермякова и территориальную ограниченность проведенного эксперимента. Вот почему белорусский паремиолог предложил заменить поиски «паремиологического минимума» выявлением и скрупулезным описанием «основного паремиологического фонда» славянских языков. Последний, по его мнению, можно выявить на основе точных подсчетов фиксаций той или иной паремии в соответствующих источниках. Обсуждение доклада Е. Е. Иванова заставило многих участников признать его критику паремиологического минимума в целом справедливой, как и предложенную им идею основного паремиологического фонда.

Как единомышленник Е. Е. Иванова я недавно был порадован рекламным новшеством петербургского метро: на щитах большинства эскалаторов было вывешено 12 пословиц поучительного содержания. Соотнесение всех их с паремиологическим минимумом Г. Л. Пермякова, т. е. с 500 наиболее употребительных русских паремий, рекомендованных им для активного пользования и лексикографической обработки [46: 154–166], привело к поразительному результату: лишь одна (!) из 12 вывешенных в метро пословиц входит в этот минимум. А именно — пословица о знаменитом русском *Авосе: Авось да как-нибудь до добра не доведут* [46: 157].

Значит ли это, что все 12 пословиц, вывешенных в метрополитене, нечастотны и отно-

сятся к периферии русского паремиологического фонда?

И да, и — нет.

Да, — потому что все они действительно не относятся к ряду пословиц, «узаконенных» большинством русских паремиологических собраний, — т. е. не соответствуют ни критерию частотности употребления по «минимумной» шкале Г. Л. Пермякова, ни альтернативному критерию паремиологической «фондовой» частотности, предложенному Е. Е. Ивановым. Нет, потому что они в первое же утро после их вывешивания на эскалаторных щитах, прочитанные миллионами пассажиров, сделались частотными и тем самым стали претендентами на включение их в минимум.

Таким образом, не отрицая принципиальной полезности поисков паремиологического минимума, следует, как кажется, учитывать его ограничения. Пословица — это минимальный художественный текст и как таковой она, в отличие от такой строевой единицы языка, как слово, воспринимается индивидуально, избирательно. Пословиц «для всех» нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории.

8. Межъязыковое сопоставление и историко-этимологический анализ славянских пословиц

Одна из доминант исследования и лексикографического описания пословиц — их межъязыковое сопоставление и связанные с этим поиски их первоисточника. Уже библейская паремиологическая традиция и комментарии к Ветхому и Новому Завету были связаны с этими двумя проблемами. В эпоху расцвета интереса к национальному культурному самосознанию эта линия исследования паремий стала особенно востребованной. Начиная с собрания европейской паремиологии Эразма Роттердамского, межъязыковое сопоставление стало одним из лексикографических приоритетов. В славянской паремиографии оно достигло своего апогея в середине XIX века, подпитываемое идеей славянской взаимности и тесного языкового родства. Монументальные собрания пословиц Фр. Лад. Челаковского, В. Флайшганса, Ив. Франко, М. И. Михельсона проводят линию сопоставления чрезвычайно последовательно, во многих других она выступает пусть спорадическим, но весьма существенным подспорьем для экспликации материала. В уже упомянутом словаре М. Ю. Котовой такого рода межславянское сопоставление произведено с учетом опыта предшественников, но опирается на современные эмпирические данные.

Особо популярны и востребованы в Славии такие собрания славянских паремий, которые предлагают широкие европейские параллели. И многие общеевропейские собрания пословиц и поговорок включают в разных пропорциях славянский материал. Не буду злоупотреблять вниманием слушателей, перечисляя такие сборники пословиц — библиография их дается в уже упомянутом монументальном справочнике В. Мидера. Вспомню сейчас лишь двух пассионариев этого дела — болгарского лексикографа С. И. Влахова, издавшего целую серию сопоставительных словарей пословиц, и венгерского паремиографа Г. Пачолая, создавшего уникальный по своим масштабам свод общей европейской паремиологии, где представлены 55 языков, в том числе и все славянские, да еще с эквивалентами на арабском, персидском, санскрите, китайском и японском [108].

Такие труды дают огромный материал для межъязыковых сопоставлений. В отличие от фразеологии исследований на эти тему маловато. Здесь нам, славистам, следует равняться на опыт балтийских коллег, где такие паремиологи, как К. Григас [86], Э. Я. Кокаре [25] и их последователи, многое сделали и для теоретического осмысления этой проблемы.

Межъязыковое сопоставление, как и детализированное исследование и описание диалектных паремий современных славянских языков, может многое дать для одной из самых «запущенных» в европейской паремиологии проблем — историко-этимологического анализа пословиц на основе строгой лингвистической методики. Если во фразеологии здесь достигнуты определенные успехи, то в паремиологии мы до сих пор довольствуемся фольклорно-этнографическими комментариями, нередко имеющими ценность

лишь исторических анекдотов на уровне народной этимологии. Мы убедились в этом, разрабатывая историко-этимологические комментарии к нашему коллективному школьному словарю русских пословиц [80] и составляя краткий историко-этимологический словарь русских пословиц в серии «Давайте говорить правильно!» [12]. Многие из паремиологов и фразеологов, конечно же, уже немного надкусили яблоко этой проблематики, анализируя ту или иную славянскую паремию диахронически. В работах В. Айсмана, Б. Татара, Р. Эккерта, Й. Матешича, А. К. Бириха, И. Г. Добродомова, Х. Вальтера, А. Менац, Ж. Финк, Э. Кржишник, Д. Мршевич-Радович, А. А. Ивченко, И. В. Кузнецовой, Л. И. Степановой, Е. К. Николаевой, Е. В. Ганапольской и других славистов можно найти весьма ценные расшифровки той или иной паремиологической загадки. Отточенной методики лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте, однако, нам очень не хватает и, судя по всему, она еще не скоро появится — как и современные историко-этимологические словари таких языковых единиц.

Но поскольку нельзя объять необъятное, приходится довольствоваться и теми инновативными паремиологическими очерками, которые могут стать мозаичными камешками будущей общей картины.

Понятно, что, именно в силу невозможности охватить необъятное, в моей статье не затронуты многие другие проблемы нашей дисциплины, которые заслуживают и научного рассмотрения, и плодотворной дискуссии. Я же попытался обратить особое внимание лишь на 8 наиболее «провокативных» вопросов, которые поставило перед нами бурное развитие лингвистической паремиологии. И чем больше будет на них разных ответов, тем лучше для нашей древней и молодой филологической дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.

2. *Благова Г.Ф.* Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

3. *Бондаренко В. Т.* Дед Пихто после дождичка в четверг (об ответных репликах в диалогической речи) // Грани слова: Сб. научн. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 30–34.

4. *Бурыкин А. А.* «На чужую кровать рта не разевать». Русская речь иностранцев, пословицы в художественном тексте и некоторые соображения о прецедентах феноменах антипословиц // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13. Спец. вып. К 70-летию проф. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова Н. С. Ганцовской. С. 103–108.

5. *Бутько Ю. В.* Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов: Автореф. дис. канд. филол. наук. Ярославль, 2009.

6. *Быкова А. С.* Оценочная объективизация образа женщины в пословицах и афоризмах русского и английского языков. — http://frgf.utmn.ru/last/No18/text02.htm

7. *Вакуров В. Н.* Основы стилистики фразеологических единиц. М., 1983.

8. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб., 2005.

9. *Вельмезова Е.* 'Новые русские пословицы' и проблема смысловой противопоставленности паремий (crossing of proverbs) // Slavic Almanac. 2006. Vol. 12. N 2. P. 164–174.

10. *Вяльцева С. И.* Речевое использование английских пословиц: Дис. … канд. филол. наук. М., 1977.

11. *Гурбиш Е.* Сопоставительный анализ анималистической паремиологии русского и польского языков: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1982.

12. Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: Краткий словарь-справочник. СПб., 2006.

13. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. (1-е издание 1861–1862).

14. *Демидкина Е. А.* «Паремиологическая» философия жизни в немецкой языковой картине мира // Вестн. СамГУ. 2007. № 1 (51). С. 119–126.

15. *Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-н/Д., 1979.

16. *Долгополов Ю. А.* Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 1973.

17. *Егорова А. В.* Имена живой и неживой природы в аксиологическом и концептологическом аспектах (на материале пословично-поговорочного фонда английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2006.

18. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966; 4-е изд., испр. и доп. М., 1991.

19. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2009.

20. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Ростов-н/Д.; М., 2006.

21. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 1996.

22. *Иванов Е. Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка с «паремиологическим минимумом». Докл. к XI Межд. конгресс МАПРЯЛ. Могилев, 2007.

23. *Иванова Е. В.* Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб., 2002.

24. *Козырев И. С.* Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970.

25. *Кокаре Э. Я.* Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978.

26. *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопр. грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1964. С. 98–188.

27. *Котова М. Ю.* Очерки по славянской паремиологии. СПб., 2003.

28. *Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. СПб., 2000.

29. *Котова М. Ю.* Славянская паремиология: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2004.

30. *Котова М. Ю., Саковцева Е. Е.* К вопросу о паремиологической проблематике в болгаристике (наблюдения над функционированием пословиц в газетном тексте) // Болгарский ежегодник. Т. 1. Харьков, 1994. С. 240–244.

31. *Мелерович А. М.* О способах репрезентации фрагментов национальной языковой картины мира в словаре Х. Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 570–576.

32. *Миронова Г., Купцевич Е.* Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе // Parémie národů slovanských. Ostrava, 2007. S. 45–62.

33. *Мокиенко В. М.* Рец.: Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: «Сюита», 1996. 544 с. // Revue des études slaves, LXXII/3–4, 2000. P. 612–622.

34. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1989.

35. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008.

36. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. Более 45 000 образных выражений // Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008.

37. Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки / Сост. А. Разумов. М., 1957.

38. *Наймушина Т. А.* Пословицы и поговорки в художественном тексте: Дис. … канд. филол. наук, Л., 1984.

39. *Насыбулина А. В.* Современные трансформации русской загадки: Дис. … канд. филол. наук. Вел. Новгород, 2008.

40. *Никитина Т. Г.* Психологический портрет диалектоносителя в пословицах и поговорках Псковской земли // Studia Slavica Savariensia. 1996. N 1–2. P. 145–155.

41. *Николаева Е. К.* Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты). Межд. науч.-практ. конф., посв. юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович. М.; Кострома, 2008. С. 509–512.

42. *Николаева Е. К.* Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej. Szczecin, 6–7 września. Greifswald, 2001. S. 158–165.

43. *Носова О. Е.* Пословицы и поговорки о роли и месте молчания: лингвокультурологический анализ (на материале русского и английского языков) // Вестн. Башкирск. ун-та. 2008. Т. 13. № 3. С. 543–546.

44. *Панина Л. С.* Формирование фразеологических единиц на базе русских пословиц // Диалектические процессы во фразеологии: Тез. докл. межвуз. научн. конф. Челябинск, 1993. С. 129–131.

45. *Пермяков Г. Л.* Грамматика пословичной мудрости // Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979. С. 7–59.

46. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.

47. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. М., 1970.

48. *Пермяков Г. Л.* Паремиологический эксперимент. Матер. для паремиологического минимума. М., 1971.

49. *Подобин В. М., Зимина И. П.* Русские пословицы и поговорки. Л., 1956.

50. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / Изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961.

51. *Пушкарев Л. Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. М., 1994.

52. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.

53. Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А. Жигулев. М., 1969.

54. Русские пословицы и поговорки / Ред. и сост. В. П. Аникин. М., 1988.

55. *Рыбникова М. А.* Русские пословицы и поговорки. М., 1961.

56. *Саблина М. В.* Пословицы в газетном тексте: функциональный аспект // Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. Вып. 8–9 (16–17). 2006. С. 220–224.

57. *Савенкова Л. Б.* Паремия в художественных текстах разных жанров: Марина Цветаева // Творчество и Коммуникативный процесс. 1999. № 7.

58. *Савенкова Л. Б.* Русские паремии как функционирующая система: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2002.

59. *Свицова А. А.* Лингвокультурная доминанта «Дом — Родина — Чужбина» в русских и английских пословицах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2005.

60. *Селиверстова Е. И.* Вариативность пословиц как проявление законов жанра // Вестн. Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 3. № 18.

61. *Селиверстова Е. И.* Контекстуальное варьирование пословиц — «эталонов» поведения // Слово. Фраза. Текст. М., 2002.

62. *Селиверстова Е. И.* Паремиологическое пространство русского языка: стабильность и вариантность. СПб., 2009.

63. *Селиверстова Е. И.* Пословица и контекст: прошлое и настоящее // Frazeografia Słowiańska. Opole, 2000.

64. *Сергиенко О. С.* Новые элементы традиционных чешских и словацких пословиц // Parémie národů slovanských IV. Ostrava, 2008. S. 234–242.

65. *Сергиенко О. С.* Трансформация чешских пословиц в тексте // Славянская филология. Вып. 9: Межвуз. сб. ст. / Под ред. Е. Ю. Ивановой, Г. А. Лилич. СПб., 2007. С. 119–132.

66. *Сидорков С. В.* Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. Ростов-н/Д., 2003.

67. *Сидоркова Г. Д.* Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевое действие. Краснодар, 1999.

68. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974.

69. Словарь русских пословиц. Около 1000 единиц / Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына и др.; Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2007.

70. *Спирин А. С.* Русские пословицы. Сб. русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-н/Д., 1985.

71. *Степанова Л. И.* Очерки по истории чешской фразеологии. СПб., 2003.

72. *Степанова Л. И.* Фразеологические единицы с именами собственными (на материале чешского языка): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Л., 1985.

73. *Танчук В.* Сб. пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986.

74. *Тарланов З. К.* Язык, этнос, время. Очерки по русскому и общему языкознанию. Петрозаводск, 1993.

75. *Тимофеев В. П.* Фразеология диалектной личности. Шадринск, 2003.

76. *Тунси Мохсен.* Лингвострановедческий анализ русских соматических фразеологизмов: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1984.

77. *Федорова Н. Н.* Современные трансформации русских пословиц: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007.

78. *Франко Іван.* Галицько-руські приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко: В 3 т., 6 вип. // Етнографічний збірник. Львів, 1901–1910.

79. *Хлебда В.* Пословицы советского народа // Russistik. 1994. № 1–2. С. 85–95.

80. Школьный словарь живых русских пословиц / Сост. Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына и др.; Гл. ред. В. М. Мокиенко, ред. Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. СПб., 2002.

81. *Baláková Dana.* Somatické parémie v komunikácii. In: Parémie národů slovanských III. Ostrava, 2007. S. 63–71.

82. *Blatná Renata.* Czech proverbs vanishing in the black hole. Elaborated on the material of the Czech National Corpus // Europhras' 97. Phraseology and Paremiology. Bratislava, 1998. S. 24–29.

83. *Čelakovský Ladislav.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha, 1949.

84. *Čermák František.* Paremiological Minimum of Czech: The Corpus Evidence. In: Flut von Texten — Vielvalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie / Hrsgb. H. Burger, A. Häcki Buhofer, G. Greciano, Schneider Verlag Hohengehren, 2003. S. 15–31.

85. *Ďurčo Peter.* Sprichwörter in der Gegenwartssprache. Trnava, 2005.

86. *Grigas K.* Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvuių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius, 1987.

87. *Grzybek P.* Sinkendes Kulturgut? Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit deutscher Sprichwörter // Wirkendes Wort 2. 1991. S. 239–264.

88. *Grzybek Peter, Skara Danica, Heyken Zdenka.* Istraživanja poslovićnog minimuma na hrvatskom području // Zeitschrift für Balkanologie. 2. 1993. S. 5–98.

89. *Haas Heather A.* Proverb familiarity in the United States: cross-regional comparisons of the paremiological minimum // Journal of American Folklore. 22.06.2008.

90. *Holub Zbyněk.* Proverbs as a reflection of life and thinking of the people in the Doudleby region // Europhras' 97. Phraseology and Paremiology. Bratislava, 1998. S. 170–174.

91. *Kapchits Georgi.* Some results of the Somali paremiological experiment in Berlin and Arhus. Report read at the 4th International Conference of Cushutic and Omotic Languages (Leiden, 10–12 April 2003).

92. *Komenský Jan Amos.* Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo 2. Praha, 1901.

93. *Litovkina Anna T.* «На нет и суда нет»: Punning in Anglo-American and Russian Anti-Proverbs. // Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 577–580.

94. *Litovkina Anna, Mieder Wolfgang.* Old Proverbs Cannot Die. They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs. Burlington: The University of Vermont. Veszprém, 2005.

95. *Mieder Wolfgang.* Antisprichwùrter. 1. Vol. Wiesbaden, 1982.

96. *Mieder Wolfgang.* Antisprichwùrter. 2. Vol. Wiesbaden, 1985.

97. *Mieder Wolfgang.* International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography. Supplement I (1800–1981). New York & London: Garland, 1990 (3000 entries).

98. *Mieder Wolfgang.* International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography. Supplement II (1982–1991). New York & London: Garland, 1993 (more than 1500 additional items).

99. *Mieder Wolfgang.* International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography. Supplement III (1990–2000). New York; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M.; Oxford-Wien, 2001.

100. *Mieder Wolfgang.* Paremiological minimum and cultural literacy // De Proverbio — Issue 1: 1995.

101. *Mieder Wolfgang.* Phrasen verdreschen: Antisredensarten aus Literatur und Medien. Wiesbaden, 1999.

102. *Mieder Wolfgang.* Ver-Kehrte Worte: Antizitate aus Literatur und Medien. — Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1997.

103. *Mlacek Jozef.* Parémie a ich frazeologické deriváty v súčasnej slovenčine // Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003. S. 55–59.

104. *Mrhačová Eva.* Parémie se zoopelativem jako bázovým slovem v češtině a polštině // Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003. S. 107–115.

105. *Mukařovský Jan.* Přísloví jako součást kontextu // Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971. S. 277–359.

106. *Nováková Marie.* All that glitters in the newspaper is not proverb. Worked on the basis of the material from the Czech National Corpus // Europhras' 97. Phraseology and Paremiology. Bratislava, 1998. S. 250–256.

107. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa, 1969–1978.

108. *Paczolay Gyula.* European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Veszprem, 1997.

109. *Reznikov A.* Modern Russian Anti-Proverb. Burlington, Vermont: "Proverbium" in cooperation with the Department of German and Russian; The University of Vermont, 2009.

110. *Schindler Franz, Bittnerová Dana.* Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. — Praha: Karolinum, nakladatelství Univerzity Karlovy, 1997.

111. *Schindler Franz.* Sprichwort im heutigen Tschechischen: empirische Untersuchungen und semantische Beschreibung. München: Otto Sagner, 1993.

112. *Spagińska-Pruszak Agnieszka.* Intelekt we frazeologii polskije, rosyjskiej i chorwackiej. Gdańsk, 2003.

113. *Spears J.* The Metaphor in American Folk Speech // Folklore. 1973. Vol. 29. N l.

114. *Šrámek Rudolf.* Propria ve frazémech a příslovích. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003. S. 61–66.

115. *Szutkowski Tomasz.* Nazwa własna w składzie jednostek paremiologicznych (na materiale języka rosyjskiego i polskiego). Rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. zw. dr. hab. Michaiła Aleksijenki. Poznań, 2008.

116. *Viellard Stéphane.* L'adjective attribut en russe contemporain: entre syntaxe et effetes de discours // Revue des études slaves. 2006. T. 77, fassc. 3. P. 243–365.

117. *Vondráček Miroslav.* Advertising and idiolectal sayings of the young generation — neologisms in the system of locutions // Europhras' 97. Phraseology and Paremiology. Bratislava, 1998. S. 359.

118. *Wander Karl Friedrich Wilhelm.* Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

[хроника]

«КАКИМ Я ВИЖУ РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАВТРА»

Организаторы «Дней русской словесности в Санкт-Петербурге» подвели итоги и определили победителей конкурса эссе «Каким я вижу русский язык завтра». В своих работах учителя-словесники, студенты-журналисты и студенты-филологи сформулировали знаковые тенденции и высказали свое мнение относительно ключевых проблем развития современного русского языка.

В рамках «Дней русской словесности в Петербурге» состоялся конкурс эссе на тему «Каким я вижу русский язык завтра». Свои наблюдения над современным состоянием русского языка, мысли о его будущем высказали учителя петербургских школ, студенты-филологи и студенты-журналисты. Наиболее активными участниками конкурса стали студенты Санкт-Петербургского государственного университета, однако достойную конкуренцию им составили будущие специалисты по связям с общественностью, а также издательскому делу и редактированию, которые учатся в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете, Российском государственном гидрометеорологическом университете, Санкт-Петербургском государственном университете кино и телевидения.

Жюри определило по 2 победителя в каждой категории участников, работа которых была отмечена почетными грамотами, памятными подарками и призами — приглашениями принять участие в составе российской делегации в фестивалях русского языка в США, Китае, Словакии, Черногории, Марокко и Тунисе.

В категории «Учителя-словесники» победителями стали Марина Михайловна Панова, учитель русского языка и литературы Санкт-Петербургского промышленно-экономического колледжа, и Ольга Владимировна Образцова, ее коллега из гимназии № 56 Петроградского района. Среди студентов-филологов первые места заняли *Анна Петровна Коссинская,* студентка кафедры русского языка гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, и *Мария Сергеевна Маслова*, студентка кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета СПбГУ. Лидеры из числа студентов-журналистов — *Нина Борисовна Сомина,* студентка факультета журналистики СПбГУ, и *Елена Сергеевна Федотова,* студентка гуманитарного факультета отделения «Связи с общественностью» Российского государственного гидрометеорологического университета.

Чтобы сделать прогноз на перспективу, надо оценить современное состояние русского языка, поэтому большинство участников с сожалением и тревогой писали о тех «болезнях», которые переживает в наши дни родная речь. Немотивированные заимствования, приверженность штампам, нецензурные выражения, молодежный жаргон, подверженный веяниям моды, — как печальные приметы времени отмечали не только строгие учителя — ревнители чистоты и правильности речи, но и те молодые люди, чья будущая профессия связана со словом, кто особенно остро чувствует и переживает речевые изъяны современных пользователей языка. *«Недавно нашим учителям предложили ответить на такой вопрос: „Какую профессиональную поддержку вы бы предпочли: коучинг, баддинг, секондмент, тьютерство?". Непросто было ответить учителю, пришлось составить для них мини-словарик. Многие недоумевали: нельзя ли оставить уже так хорошо знакомые слова „наставник" и „наставничество"?!» (Одинцова Наталия Анатольевна, ГОУ лицей № 265 Красногвардейского района СПб.).*

«Все чаще мы задаем себе вопрос, на каком же языке я говорю, если я работаю менеджером, хожу в супермаркет, а на ланч

(Продолжение на с. 26)

А. В. Жуков

О СИСТЕМНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ

ANATOLIY V. ZHUKOV
ABOUT THE SYSTEMABILITY OF PHRASEOLOGY

«В системе все взаимосвязано; в отношении языковой системы это правильно в такой же мере, как и в отношении всех других систем… Однако было бы грубой ошибкой, если бы этот общий взгляд привел к представлению о языке как о симметричной и гармоничной конструкции» [3: 28].

Анатолий Власович Жуков

Доктор филологических наук, профессор , зав. кафедрой русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
► Anatolij.Zhukov@novsu.ru

В статье вводятся понятия внешней и внутренней системности на примере синонимии, вариантности, факультативности и антонимии фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, внутренняя и внешняя системность, синонимия, вариантность, факультативность и антонимия фразеологизмов.

In the article the notions of the inner and outer systemability are introduced. Synonymy, antonymy, variability and facultativity of phraseological units are given as examples.

Keywords: a phraseologism, a component, an inner and outer systemability, synonymy, variability, facultativity and antonymy of phraseologisms.

Системность языка в целом, отдельных его уровней и подсистем является общепризнанным фактом. «Системность является важнейшей характеристикой языка. Можно считать установленным, что язык относится к системным образованиям. Однако термины „система“ и „системный“ в разных работах понимаются по-разному» [16: 12].

«Закону» системности подчиняются все основные единицы языка и категории. В этой связи язык справедливо называют системой систем. Однако системность языка не следует абсолютизировать, «потому что в любом языке, его норме можно обнаружить факты системные (структурные) и асистемные (деструктурные)» [12: 134]. Кроме того, свойство системности на разных уровнях языка и применительно к отдельным его подсистемам отличается качественным и количественным своеобразием.

В лингвистике XX века прочно укрепилось представление о системности лексики. «Учитывая особенности лексики, — подытоживает Д. Н. Шмелев, — мы должны заранее предположить, что установление системных связей здесь значительно сложнее, чем в грамматике или фонологии, нет поэтому ничего удивительного в том, что самое понимание

Материалы статьи частично использованы в публикации: *Жуков А. В.* К вопросу о системности фразеологизмов // I Кодуховские чтения. Межвузовский сборник научных и научно-методических статей. Ишим, 2009. С. 34–39.

лексики как системы оказывается у различных исследователей весьма неоднородным» [17: 27].

В истории советской фразеологии одним из первых на проблеме системности фразеологических единиц заострил внимание исследователей В. Л. Архангельский [2]. Различные аспекты системности фразеологических единиц освещались в трудах В. В. Виноградова, А. В. Кунина, Н. М. Шанского, Р. Н. Попова, Л. И. Ройзензона, Ю. П. Солодуба, Ю. А. Гвоздарёва, М. И. Сидоренко, Н. Ф. Алефиренко и мн. др. Говоря о трудностях системного подхода при диахроническом изучении фразеологии, В. М. Мокиенко отмечает: «Изучение системности фразеологического состава еще не начато, а само понятие фразеологической системы (как, впрочем, и понятие языковой системы вообще) довольно неопределенно. Однако сам факт существования фразеологической системы и ее постоянного развития не подлежит сомнению» [13: 6].

Фразеологическая подсистема языка, являясь составной частью системы языка в целом, представляет собой достаточно однородное множество единиц, наделенных сходными системными свойствами. Хотя фразеологизм и не является самостоятельной уровневой единицей [10: 26], он в той или иной мере сближается в лексико-семантическом, грамматическом и в иных отношениях с основными единицами языка, прежде всего со словом. Своеобразие фразеологизма как единицы языка во многом определяется относительной целостностью его содержания (идиоматичностью) и расчлененным характером его формы (раздельнооформленностью). Противоречие формы и содержания фразеологизма усиливается вследствие двойственной природы его компонентов, способных совмещать свойства деактуализованного слова (на фоне актуального фразеологического значения) и полноценного слова (на фоне этимологического значения фразеологизма). Следовательно, «слово, став составной частью фразеологизма, не превращается в ничто» [7: 12].

Употребляемый в тексте (контексте) фразеологизм реализует не только собственное значение, присущее устойчивому обороту грамматические категории, но и обнаруживает системные связи и отношения (прежде всего парадигматические и синтагматические) с другими фразеологизмами, а также со словами. Условно назовем указанные системные связи и отношения *внешними*.

Одновременно фразеологизм в силу присущей ему асимметрии содержания и формы [10: 32–34] проявляет сходные связи и отношения на уровне собственной компонентной структуры [7]. Будем называть эти отношения и связи *внутренними*. Наиболее показательны среди них отношения вариантности фразеологизмов, прежде всего лексической.

Внешние и внутренние системные отношения обнаруживают определенное подобие. Так, фразеологический оборот как целое находится с другими фразеологизмами в отношениях вариантности, синонимии, семантического сближения, гипонимии, тематического единства и т. д. В аналогичные семантические связи вступают и отдельные компоненты фразеологических единиц.

Например, глагольный оборот *вывести на чистую воду* кого, что открывает синонимический ряд, состоящий из девяти фразеологизмов с общим значением ‘обнаружить перед всеми чьи-л. недостойные поступки, действия, разоблачить кого-л.’: *сорвать маску (маски)* с кого, *сорвать <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего, *раскрыть <все> карты* чьи, кого, *вывести наружу* что, *вывести на свет божий* что, *вывернуть наизнанку* кого, что, *<вытащить> за ушко да на солнышко* кого [11: 104–105]. Заглавный фразеологизм наряду с другими оборотами, входящими в синонимический ряд, демонстрирует вариативность «вширь»: *вывести на чистую воду* кого, что, *вывести на свежую воду* кого, что; *сорвать маску (маски)* с кого, *снять маску (маски)* с кого; *сорвать <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего, *сбросить <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего, *снять <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего; *раскрыть <все> карты* чьи, кого, *открыть <все> карты* чьи, кого; *вывести наружу* что; *вывернуть наизнанку* кого, что, *выворотить наизнанку* кого, что. В данной плоскости парадигматического пространства при этом создается своеобразное напряжение, поскольку фразеологическая вари-

антность соприкасается и конкурирует с синонимией, тем более что «грани, отделяющие вариантность от синонимии, часто бывают зыбкими и подвижными» [9: 10]. Не случайно некоторые составители словарей в данном случае достаточно легко решают возникшую проблему именно в пользу синонимии, а не вариантности [18]. Кроме того, выделенные обороты семантически сближены с синонимическим рядом *припирать (прижимать) к стене (к стенке)* кого, *загонять в угол* кого, *припирать (прижимать) в угол* кого в значении ‘неопровержимыми доводами, фактами заставлять кого-л. признать что-л.’, вступают в синонимические отношения со словами *разоблачить, обличить, изобличить*, входят в общую фразео-тематическую группу «истина, правда — ложь, обман» и т. п.

На компонентном уровне многим названным фразеологизмам свойственна вариативность (особенно лексическая), разрастающаяся уже «вглубь»: *вывести на чистую (свежую) воду* кого, что, *сорвать (снять) маску (маски)* с кого, *сорвать (сбросить, снять) <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего, *раскрыть (открыть) <все> карты* чьи, кого, *вывести (выворотить) наизнанку* кого, что. Заметим попутно, что вариативные отношения осложнены в данном случае факультативностью.

Особенно примечательны в этой связи случаи совмещения факультативности и вариантности, т. е. вариантной факультативности типа *бередить <душевные (старые)> раны* <чьи, кого, кому, в ком, чем>, отсохни <у меня (мой)> язык!, *<как (будто, словно, точно)> камень (груз) <с души (с сердца)> свалился (упал, спал)* у кого, с кого, *как (словно, точно, будто) по мановению (по манию) <волшебного> жезла (волшебной палочки), в самом <(полном)> соку* и др.

Вместе с тем одни и те же отношения (например, парадигматические или синтагматические), но взятые либо со стороны их *внешнего*, либо со стороны их *внутреннего* проявления отличаются своеобразием. Так, фразеологическая парадигматика *внешнего* характера (синонимия или вариантность) охватывает, как правило, несколько оборотов, в то время как аналогичные *внутрифразеологические* отношения чаще всего ограничены рамками отдельного фразеологизма и связаны с проблемой его тождества.

Существенным показателем регулярной системности отношений слова и фразеологизма являются также многочисленные примеры лексико-фразеологической синонимии типа *гнуться в дугу — гнуться* ‘унижаться, раболепствовать’; *стелиться (стлаться) под ноги* кому — *стелиться (стлаться) под* кого-либо в сходном значении.

Многообразны и *синтагматические связи* приведенных выше и подобных фразеологических единиц. Например, глагольный оборот *висеть (держаться) на волоске (на ниточке)* ‘находиться в крайне опасном положении, под угрозой исчезновения, гибели’ употребляется при подлежащем со значением лица или отвлеченного предмета. *Без сомнения, Горемыкин висел на волоске, и представлялось каждому решить мудреный вопрос, кто займет его место* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Горное гнездо). [Посадник:] *На волоске повисла воля наша. Тобой одним лишь Новгород стоит: Когда тебя убьют или захватят — В разброд как раз сидение пойдет, И легкая добыча будет князю* (А. К. Толстой. Посадник). *В ту пору дружба моя с Дмитрием держалась только на волоске* (Л. Н. Толстой. Юность). *Он находился в комнате человека, Жизнь которого висела на нитке* (И. С. Тургенев. Накануне). *Когда я ночью жду ее прихода, Жизнь, кажется, висит на волоске. Что почести, что юность, что свобода Пред милой гостьей с дудочкой в руке* (А. А. Ахматова. Муза).

Характер управления при глагольных фразеологизмах русского языка может служить наглядным примером взаимодействия лексико-семантических и грамматических значений в сфере фразеологии. См. в этой связи [5]. «Нередко глагольный фразеологизм вступает в такие подчинительные отношения с другими словами, в которые не способен вступить ни один из его компонентов, взятых на правах самостоятельного слова вне фразеологизма. В подобных случаях фразеологизм совпадает в отношении управления со своим глаголом-идентификатором, т. е. смысловым эквивалентом» [8: 147]. Ср. глагольный оборот *вставлять палки в колеса*, управ-

ляющий дательным падежом существительного со значением лица.

Многие фразеологизмы, как известно, образуются по сходным *структурно-семантическим моделям*, что является важным, если не самым ярким, выражением внутренней системности фразеологических единиц, особенно с точки зрения этимологии и диахронии [13: 78]. Так, обороты, входящие в синонимический ряд *вилять (вертеть, крутить) хвостом* перед кем, *ходить на задних лапках* перед кем, *становиться на задние лапки* перед кем, *ходить на цыпочках* перед кем, *лизать пятки (ноги, сапоги, руки)* кому, у кого, *гнуть спину (горб, шею)* перед кем, *гнуться в дугу (в три дуги)* перед кем, *ломать (ломить) шапку* перед кем, *ползать на коленях (на брюхе)* перед кем, *рассыпаться мелким бесом* перед кем, *рассыпаться <мелким> бисером* перед кем, *смотреть (глядеть, заглядывать) в глаза* кому, *извиваться (увиваться) ужом (вьюном)* перед кем, *стлаться (расстилаться) по земле* перед кем, *стелиться (стлаться) под ноги (под сапог)* кому, *стелиться (стлаться, расстилаться) ковром (ковриком, половиком, травкой)* перед кем, *забегать зайцем вперед, забегать на глаза* к кому, *юлить как бес перед заутреней* перед кем, могут быть подведены под общую структурно-семантическую модель *«Совершать действие, принимать вид, позу (в том числе уподобляясь животному, вымышленному существу, предмету), несовместимые с представлением о высоком достоинстве человека, его независимости и т. п.». Ср. в этой связи также синонимический ряд: *втаптывать (затаптывать) в грязь* кого, что, *смешивать с грязью* кого, *обливать (поливать) грязью* кого, *обливать помоями (выливать помои)* кого (на кого), *бросать (забрасывать, кидать) грязью* в кого (кого), *бросать (пускать) камень (камнем)* в кого, *показывать (указывать, тыкать) пальцами (пальцем)* на кого, что, *вешать собак* на кого, *бросать (наводить, набрасывать, кидать) тень* на кого, что ‘с резким осуждением отзываться о ком-, чем-л., предъявлять обвинения (часто несправедливые), возводить вину на кого-л.’ [11: 95–96].

Одним из традиционно веских аргументов в пользу системности семасиологических единиц, подкрепленным, как правило, отсылкой к фактам фонологии или грамматики, является наличие достаточно четких противопоставлений в сфере лексики или фразеологии. По аналогии с «классическими» оппозициями один из членов противопоставленной пары при этом условно признается маркированным, сильным, а другой — напротив, немаркированным, слабым. См.: [4].

Так, приводимые выше обороты, представленные в виде корреляций *сорвать маску (маски)* с кого ↔ *сорвать <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего и *снять маску (маски)* с кого ↔ *сбросить <все> покровы (покров)* чьи (чей), <чего>, с кого, чего, осознаются как инварианты (синонимы), а не как варианты. См. в этой связи [6: 320, 331].

Еще более ярким примером инвариантных отношений являются антонимические корреляции типа *без царя в голове ↔ с царём в голове, белая кость ↔ чёрная кость, бить <прямо> в цель ↔ бить мимо цели, входить (войти) в колею (русло) ↔ выбиваться из колеи, гладить (погладить) по шерсти (шёрстке)* кого ↔ *гладить против шерсти* кого, *заваривать (заварить) кашу ↔ расхлёбывать кашу, задирать (поднимать) хвост ↔ прижимать хвост, звёзд с неба не хватает (не хватал)* кто ↔ *хватать звёзды с неба, идти (пойти) в гору ↔ идти под гору, лёгок на подъём ↔ тяжёл на подъём, плыть по течению ↔ плыть против течения, птица высокого полёта ↔ птица низкого полёта* и под.

В связи с рассматриваемым выше кругом явлений целесообразно использовать понятие *нейтрализации*. «Нейтрализации подвергаются несущественные или малосущественные в данный момент или для данных условий различия элементов, иными словами, различия, не существенные для реализации данной функции» [16: 90]. Известно, что фразеологизмы обладают не только разной степенью синонимичности [9: 10], но и вариантности [1: 101]. Так, в случае лексического варьирования эта степень обычно тем выше, чем ближе в семантическом плане варьирующие компоненты. Однако в некоторых случаях семантическое сходство и даже тождество компонентов оказывается несущественным: *перебегать*

(переходить, преграждать) дорогу при невозможности *перебегать (переходить, преграждать) *путь* кому. Ср., с другой стороны: *становиться (встать стоять) на пути (дороге)* у кого, кого, чьём. В редких случаях имеет место нейтрализация антонимических отношений компонентов (*пришей (не пришей) кобыле хвост*). Особой формой нейтрализации в области фразеологии является также факультативность компонентов (ср. *<белый> свет не мил* кому — *свет не мил* кому; *войти в <свою> колею (в русло) — войти в колею (в русло)*; *идти на дно <камнем> — идти на дно; катиться <вниз> по наклонной плоскости — катиться по наклонной плоскости* и под.). Таким образом, компоненты, находящиеся в одной и той же позиции, могут быть функционально тождественны (*темный лес — дремучий лес* для кого что) или, напротив, функционально несовместимы (*перебегать дорогу — перебегать *путь* кому). «Однако несовместимость (как и совместимость) признаков редко абсолютна, чаще она относительна, ограничена условиями места, времени, отношения и обычно выявляется как преобладающая тенденция» [14: 98].

Видимо, следует разграничивать понятия *оппозиция, корреляция*, с одной стороны, и *дихотомия, антиномия* — с другой. Если первые характеризуют, как правило, относительно самостоятельные группы и классы (множества) языковых единиц, противопоставленные в том или ином плане друг другу, то вторые намечают наиболее острые, противоречивые стороны или тенденции в системе в целом.

Итак, системность это не столько «закон», сколько необходимое условие существования и функционирования языковых единиц, в том числе и фразеологизмов, их самоорганизации и развития «в процессе взаимодействия элементов системы с внешней средой» [15: 212] — прежде всего с ближайшим лексическим окружением и текстом в целом.

Внутренние системные связи (например, отношения фразеологической вариантности и факультативности) в большей мере способствуют сохранению тождества фразеологизма, а внешние (например, отношения фразеологической синонимии), напротив, больше направлены на преодоление границ и целостности фразеологической формы и содержания. Внешняя системность фразеологизмов развертывается в первую очередь в синтагматике, а внутренняя, основываясь на генетических связях оборотов, носит преимущественно парадигматический характер. Особенно показательны в этом плане отношения синонимии и вариантности фразеологизмов. Внешняя и внутренняя системность есть следствие функциональной направленности и целесообразности фразеологических единиц. Внешние и внутренние системные связи — это те видимые и невидимые скрепы, определяющие единство и цельность фразеологизма, гармонию его формы и содержания, его коммуникативную, экспрессивную и художественно-эстетическую действенность.

Наименее разработанный аспект проблемы системности фразеологизмов связан с изучением *оппозиций* в сфере фразеологии. В данном случае имеются в виду оппозиции, затрагивающие преимущественно план содержания, вещественную семантику фразеологических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.

2. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д., 1964.

3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

4. *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Оппозиции // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 348.

5. *Виноградов В. В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке: Сб. ст. / Под ред. акад. В. В. Виноградова; Сост. А. Н. Кожин. М., 1969. С. 5–23.

6. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 215–262

7. *Жуков В. П.* О парадигматических и синтагматических свойствах компонентов фразеологизма // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983. С. 12–19.

8. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.

9. *Жуков В. П.* Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов // Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических

синонимов русского языка / Под ред. В. П. Жукова. М., 1987. С. 3–10.

10. *Жуков В. П., Жуков А. В.* Русская фразеология. М., 2006.

11. *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В. П. Жукова. М., 1987.

12. *Кодухов В. И.* Общее языкознание. М., 1974.

13. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1989.

14. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

15. *Рузавин Г. И.* Методология научного познания. М., 2005.

16. *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

17. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

18. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Федоров. М., 1997.

[«КАКИМ Я ВИЖУ РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАВТРА»]

(Продолжение. Начало на с. 20)

забегаю в Макдоналдс за гамбургерами и картошкой фри?» (Нина Алхазова, студентка филологического факультета СПбГУ).

Послушав современную русскую речь, конечно, можно начать говорить о чистоте языка, проблеме культуры речи… Но ведь любое изменение в языке — природный процесс, обусловленный изменениями в культуре, в сознании людей. Русская культура крайне открыта для всего нового. С установлением международных связей, развитием средств коммуникации общаться на межкультурном уровне становится еще проще. В процессе такого общения неизбежно „взаимовливание“ иных культурных ценностей, понятий. Однако заимствуя, мы не стремимся создать новые средства выражения, но принимаем уже существующие в других языках. Слова, будто пересаженные растения, начинают жить своей жизнью в новом языковом пространстве. Такая особенность нашей культуры определяет роль русского языка в межкультурном диалоге… Русский язык может стать базой, посредником для коммуникации других культур» (Маслова Мария, студентка филологического факультета СПбГУ).

Изменения в русском языке участники конкурса связывают не только с вторжением заимствований, грубой сниженной лексики, искажением норм правописания, но и с обеднением языка. Ускорение темпа жизни, внедрение современных средств связи (смс, электронная почта) влекут за собой упрощение языка. Некоторые даже высказывали опасение, что следующие поколения россиян, воспитанные на схематично-сокращенных вариантах письма, не смогут понять обычный текст начала XXI века. *«Русский язык становится „суше“, скуднее. Мы теряем дар слышать певучесть русского языка, видеть все его богатство» (Байчорова Айша Османовна, Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610).* Технические средства письма, его компьютеризация как будто лишают письменную речь индивидуального начала, обезличивают ее. *«Но что-то исчезает из напечатанного сочинения, письма. Помню бабушкины письма. Неровным почерком выводила она с трудом эти самые близкие сердцу слова. „Здравствуйте, мои родные Валенька, Оленька. Пишу вам из деревни Карабузино и шлю большой привет“. Всего один класс образования в дореволюционной деревенской школе, а как любила и знала она, моя милая бабушка, нашу русскую речь. И помню, что ни делает — все да с присказкой, все да с любовью.*

Читала неведомые стихи и певала песни редкие. И ни разу за свою жизнь не произнесла слова грубого. А вот теплота нашего языка останется. Почему нам так уютно с Пушкиным, так невыразимо певуче с Есениным и Цветаевой и так хочется кричать навзрыд с Высоцким. Струна моего языка сейчас ой как натянута! А вдруг оборвется?» (Образцова Ольга Владимировна, гимназия № 56 Петроградского района).

Авторы эссе отмечали специфику использования языка в Интернете, фиксируя при этом динамику отношения пользователей к случаям грубых отступлений от норм русского правописания, использования ненормативной лексики, которые многими пишущими в Интернете теперь рассматриваются как проявление дурного тона, отсутствия культуры. Забота о культуре речи в сфере интернет-общения становится модной. Так называемый «олбанский» язык — сетевой жаргон, распространившийся в русском сегменте Интернета, большинство принимает и понимает как языковую игру. *«Я не думаю, что языковая игра подобного рода может оказать негативное влияние на русский язык… Но подобная языковая игра подтверждает тот факт, что русский язык — это живой, подвижный и динамично развивающийся организм» (Сотникова Илона, студентка филологического факультета СПбГУ).*

Однако было бы большим упрощением представлять взгляд на современный русский язык только с одной — негативной — стороны. Каждый из участников конкурса, по сути, признавался в любви к родному языку, находил свой угол зрения и свои краски в представлении богатства и силы русского языка: *«Наш язык — это наше богатство, которое трудно переоценить, но в то же время ценить его — это особое умение. Это дар, доставшийся нам от предков, который мы в свою очередь должны передать своим детям, вложив в него часть своей истории» (Флейшер Екатерина, студентка филологического факультета СПбГУ).*

«Это, прежде всего, вечная загадка красоты и таланта, которую несет в себе искусство, и в том числе искусство слова. Язык и речь — это своего рода метафоры нашей мысли, эмоционально-чувственной сферы, формы существования человеческой души, интеллекта, сознания и самосознания. Поэтому необходимо, чтобы слово для школьника стало явлением, событием, „ключом“ к познанию мира, себя, других и высшего смысла» (Романенко Марина Николаевна, школа № 514 Калининского района Санкт-Петербурга).

Представление о языке неотрывно от человека, который им пользуется. Вот как об этом сказала Анна Коссинская: *«У каждого русский язык свой, и в этом разнообразии проявляется его красота… Значит язык — это люди, которые на нем говорят, читают или пишут. И меняться он будет сообразно тому, как*

(Продолжение на с. 48)

Й. Я. Русецкая

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОМАТИЗМЫ РУССКОГО И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКОВ

JOVITA J. RUSECKAJA
SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES

Йовита Яновна Русецкая

Магистр русской филологии, ассистент кафедры русской филологии и дидактики, продекан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва)
► jruseckaja@gmail.com

В статье сопоставляются соматизмы русского и литовского языков как одно из ярчайших средств познания мира. Основное внимание отводится особенностям употребления соматизмов со словом-компонентом «сердце/душа», «глаза», «рука» в русском и литовском языках, которые ярко отображают специфику обоих языков, и тем самым особенности межъязыковой коммуникации данных языков, а также специфику познания мира посредством соматических фразеологизмов.

Ключевые слова: соматизмы, фразеологизация, сопоставление, особенности употребления, экспрессивность, русский язык, литовский язык.

In the article the main attention is paid to the Russian somatic phraseological units which had no equivalents in the Lithuanian language, because they display the specific emotional character of the Russian somatic idioms and the peculiarities of international Russian-Lithuanian communication.

Keywords: somatic phraseological units, comparison, peculiarity of use, expression, Russian language, Lithuanian language.

Проблема познания и знания актуальна с древних времен. Так, в индийской культуре, одной из самых древних в истории человеческой цивилизации, была создана оригинальная философия, оказавшая большое влияние на творчество крупнейших мыслителей Нового и новейшего времени как в самой Индии, так и за ее пределами, в частности в западной Европе. Одной из них является философия вайшешика, мудрость которой в освобождении человеческого «я» от страдания и зависимости. Путь к освобождению лежит через знание, истинное постижение реальности. Следовательно, знание достигается через познание. Основным средством передачи и материализации знаний, как известно, является язык. Знания как результат коллективно осуществляемого обыденного познания хранятся в былинных историях, сказках, народной идиоматике, а именно во фразеологизмах, пословицах, поговорках как стереотипах житейской мудрости.

В статье анализируются особенности познания мира посредством фразеологизмов, рассматриваются особенности употребления соматизмов.

При сопоставлении языков можно обнаружить именно те различия, которые являются индивидуальными для определенного языка, тем самым образуя пласт языковых трудностей при межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Исходным **материалом** для сопоставления послужили фразеологические словари русского и литовского языков, были отобраны соматизмы с компонентом *сердце/душа*; *рука; глаза; голова*.

Особое место в системе фразеологии занимает соматическая фразеология. Как считает М. Горды, «знания, получаемые через тело и фиксируемые соматической фразеологией, обнаруживают единство психической, душевной и телесной конституции человека» [1: 118].

То обстоятельство, что соматические фразеологизмы связаны с человеческим телом, объясняет появление достаточно большого количества эквивалентных соматизмов в языках. Например, литовский фразеологизм *galvą nuleisti (nukarti)* — „užsiminti“ имеет соответствие в разных языках (ср. лат. *nokārt galvu*, рус. *повесить голову*, польс. *opuścić głowę*, немец. *Kopf hängen lassen*, англ. *hang down one's head* и т. д.). В отношениях эквивалентности соматических фразеологизмов с компонентом *глаза* в некоторых языках наблюдаются несоответствия. Например, фразеологизм *į akis (sakyti ką)* — „atvirai, tiesiai“ в лат. *teikt acīs*, в рус. *в глаза*, в польск. *do oczy*, а в немец. *ins Gesicht* и в англ. *to somebody's fase* и др. В первом примере (*galvą nuleisti (nukarti)*) во всех фразеологизмах имеется слово-компонент *голова*. Во втором примере (*į akis*) в немецком и английском языках вместо слова-компонента *глаза* используется слово *лицо*, что, в свою очередь, указывает на своеобразие восприятия окружающей действительности.

Кроме того, анализ материала фразеологических словарей русского [3] и литовского [4; 5] языков показал, что соматизмы характеризуются большой фразеобразующей продуктивностью. Группа ФЕ-соматизмов русского языка насчитывает более 1500 единиц, литовского 2726 единиц. В русском языке представлены соматизмы, содержащие слово-компонент *рука (160 соматизмов)*, *глаза (142 сом.), голова (121 сом.) нога (88 сом.), душа (70 сом.), сердце (60 сом.), язык (57 сом.), зубы (30 сом.), нос (25 сом.)* и т. д.

В литовском языке из 9000 фразеологизмов, указанных в словаре, соматические фразеологизмы составляют 2726 единиц. Самую большую группу соматизмов образуют фразеологизмы с компонентом *akys (глаза) (653 сом.), galva (голова) (424 сом.), širdis (сердце) (360 сом.), ranka (рука) (275 сом.), koja (нога) (211 сом.), nosis (нос) (200 сом.), liežuvis (язык) (192 сом.), dantis (зубы) (174 сом.)*.

Как указывает количественный анализ соматических фразеологизмов, литовского языка в отличие от русского, употребление соматизмов более характерно, но в русском языке соматические фразеологизмы более экспрессивны. Следовательно, для русского человека наиболее важны *руки*, а для литовца — *akys (глаза)*, что, в свою очередь, указывает на различное представление картины мира данных языков. Чем наиболее важной для человека и для *выражения* его чувств в народной и языковой традиции является часть тела, тем чаще ее название входит в состав соматизма и легче происходит процесс фразеологизации.

В обоих языках наблюдаются некоторые несоответствия в определении самих лексем. В русском языке лексема «глаза» имеет 2 значения, в литовском языке — 9 значений. Необходимо подчеркнуть, что семантика лексемы «глаза» в русском языке шире, так как в русском языке, в отличие от литовского, выделяется ряд квазисинонимов: «глаза», «очи», «зенки». Кроме того, лишь стилистически нейтральное слово «глаза» обозначает орган зрения любого живого существа, хотя «глаза» *(akys)* как часть лица человека в литовском языке фразеологизируется больше («*Stovi kaip akis įbedęs*» — *стоит как вкопанный*). Данные замечания подтверждают тот факт, что *глаза* (*akys*) в литовском языке (в составе соматизмов) и для носителей данного языка являются более употребительными.

В русском языке лексема «рука» имеет 5 значений, в литовском — 3 знач. «Рука» в составе фразеологической единицы имеет несколько архетипических значений: 1) рука — символ власти, права, силы (*иметь руку, правая рука* и др.

(русск.); *dešinioji ranka*) (лит.); 2) рука — символ богатства, орудие приобретения материальных благ, причем часто нечестным путем (*греть руки, запускать руку во что-либо* (русск.) и др.; *rankas šildyti, ranką įkišti (kaišioti)* (лит.) и др.

Большинство фразеологизмов с компонентом «рука» имеют негативную коннотацию или оценку как в русском так и в литовском языках: *ходить по рукам (русск.), per rankas eiti (лит.)*; *рука не поднимается (русск.), ranka nekyla (лит.)* (не хватает решимости), *с пустыми руками (русск.), tuščiomis rankomis (лит.)* (ничего не взяв с собой), *руки чешутся* (о желании подраться), *под горячую руку* (не контролируя себя) и др.

С помощью рук на Руси производили многие важные ритуальные действия: благословляли, каялись, клялись, что закрепилось в целом ряде фразеологизмов: *положа руку на сердце* (честно), *ударить по рукам* (утвердить сделку, согласиться). Соединение рук — знак связи, согласия, *рукопожатие* — жест приветствия, дружбы. Тот, кто принимает на себя ответственность за другого, *ручается* [2: 134].

Лексема «голова» имеет 9 знач. в русском языке, 5 знач. в литовском языке, «сердце» — 5 знач. в русском языке, 4 знач. в литовском языке, «душа» — 5 знач. в русском языке, 4 знач. в литовском языке.

Фразеологизму *задавать/задать головомойку* в литовском языке соответствует ФЕ *duoti garo (pylos),* т. е. *задать жару*; рус. *сам себе голова* — лит. *pats sau ponas*, т. е. *сам себе хозяин*, однако данный фразеологизм не является соматизмом, т. к. в его составе отсутствует слово-компонент, обозначающее какую-либо часть тела и являющееся лишь фразеологическим сочетанием. Соматизм *хоть кол на голове теши* передается фразеологическим сочетанием *su peiliu neišpjausi*, т. е. *ножом не вырежешь,* который также не является соматизмом (*глаза на мокром месте — ašarų nereikia pirkti,* т. е. *не надо покупать слез*; *с легкой руки — padarius pradžia (досл. — сделав начало, начав)*.

В литовском языке соматизмы со словом *душа (лит.: siela)* употребляются только в разговорной речи. Большинство ФЕ данного типа заимствованы из русского языка (*nė gyvos dūšios — ни живой души; viena dūšia — душа в душу ; gatavas dūšią atiduoti — готов душу отдать; su dūšia — с душой; kaip dūšia be vietos — душа не на месте; ne prie dūšios — не по душе; su dūšia ir kūnu — с душой и телом и* т. д.). Однако наблюдается определенное количество ФЕ, которые относятся к безэквивалентной лексике литовского языка, например: *dūšia kakle,* т. е. *душа на лбу; dūšia nešti rankoje (нести душу в руке) — употребляется в значении «очень устать»; dūšią taisyti (поправлять душу) — в значении «похмелятьcя»; ant tuščios dūšios (на пустую душу) — в значении «на голодный желудок»; žydo dūšia (душа еврея) — в значении «скрытый, тихий человек»* и др.

Необходимо отметить, что в соматизмах с компонентом *душа* в литовском языке употребляется слово — *сердце (лит.: širdis)*. Вот почему в литовском языке *болит* и *плачет сердце*, а в русском *болит* и *плачет сердце* и *душа*. Кроме того, соматизм *сердце болит* (*širdį skauda*) как в русском, так и в литовском языках употребляется в прямом и переносном значении. Однако соматизм *душа болит* употребляется только в русском языке, так как в литовском языке данной фразеологической единице соответствует соматизм *širdį skauda (сердце болит)*. Интересно то, что в словаре А. И. Молоткова соматизм *сердце (душа) плачет* не отмечается. Это дает основание предполагать, что данный соматизм более употребителен и свойственен для литовского языка, так как в словарях фиксируются те фразеологические единицы, которые наиболее характерны определенному языку. В связи с этим можно утверждать, что у русского *душа болит*, а у литовца *сердце плачет.*

Следует обратить внимание на то, что в литовском языке, в отличие от русского языка, эмоции отражаются в соматизмах лишь с компонентом *сердце,* данные фразеологические единицы являются двусоставными (*širdies iškrytis (сердце выпало), širdies išpuolis (припадок сердца), širdies lūžimas (поломка сердца), širdies peršulys (першение сердца), širdies skaudesys (боль сердца)* и т. д.).

Отражение положительных эмоций человека (*за милую душу, вкладывать/вложить в душу, душа нараспашку, не чаять (не слышать) души,*

от чистого сердца (лит.: atlapos širdies), с открытым сердцем (лит.: atvira širdimi) и т. д.) связано, прежде всего, с представлением о сердце и душе как месте, где сосредоточены все чувства человека, особенно любовь, искренность.

Проведенный анализ показывает, что во всех языках мира во фразеологических подсистемах присутствуют такие компоненты, которые принадлежат соматическому (телесному) коду культуры, поскольку тело человека с древних времен является источником познания и осмысления окружающей действительности. Одним из основных принципов образования соматических фразеологизмов является чувственно-рациональный принцип. Соматизмы в лексических системах являются особыми единицами, составляющими подсистему фразеологии и являющимися важным средством формирования языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гордыл М.* Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков // Слово. Фраза. Текст. М., 2002. С. 115–125.

2. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.

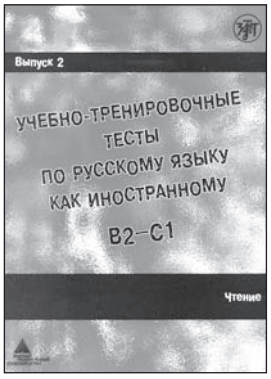
3. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

4. Paulauskas J. Frazeologijos žodynas. Kaunas, 2001.

5. Paulauskas J. Sisteminis lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1995.

[представляем новые книги. рецензии]

***Захарова А. И, Лукьянов Е. Н., Парецкая М. Э., Савченкова И. Н., Шакирова Г. Р.* Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному.** Вып. 1. Грамматика. Лексика; Вып. 2. Чтение; Вып. 3. Письмо: уч. пос. / Под общ. ред. М. Э. Парецкой. СПб.: Златоуст; Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. 320 с.



Преподавателями кафедры русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) написан комплекс пособий «Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному». В комплекс входят пособия «Грамматика. Лексика» (Выпуск 1), «Чтение» (Выпуск 2), «Письмо» (Выпуск 3).

Комплекс выпущен издательством «Златоуст» (Санкт-Петербург). Адресаты пособий — иностранные бакалавры, магистранты, стажёры нефилологических факультетов вузов России. Книги также могут быть использованы иностранцами, которые достигли требуемого уровня владения языком вне зависимости от форм и условий обучения.

Основная цель всего комплекса — систематизация и коррекция языковых знаний, навыков и речевых умений инофонов, изучающих русский язык. Пособия содержат учебный материал, в котором нашли отражение требования государственных образовательных стандартов 2-го и 3-го сертификационных уровней общего владения русским языком и некоторые требования модулей указанных уровней. Задания разработаны на основе современных тестовых технологий и представляют собой критериально-ориентированные тесты, помогающие выявить соответствие уровня знаний учащихся требованиям, которые заложены в государственных стандартах. Пособия охватывают также большой круг вопросов, выходящих за рамки сведений, необходимых для подготовки к сертификационным экзаменам.

Авторы исходили из современной концепции создания тестов, согласно которой обучающий тест, являясь контролирующим по форме, способу конструирования заданий и проверке их выполнения, используется на этапе завершения усвоения материала, когда необходимо провести проверку и самопроверку готовности к экзаменам. Обучающий потенциал комплекса обеспечивается определённым набором методических средств: помимо собственно тестовых заданий в пособиях имеются грамматические таблицы, словники, комментарии, ключи, даются демонстрационные варианты тестовых заданий, их оценка и описание ошибок, наиболее часто встречающихся при выполнении тестов. Перечисленные дидактические материалы призваны помочь учащимся не только в аудитории, но и при самостоятельной работе.

Учебные материалы первого выпуска «Грамматика. Лексика» корректируют умения иностранных учащихся в употреблении видовременных форм глаголов, предложно-падежных форм существительных, кратких и полных форм прилагательных. На основе упражнений учащиеся также систематизируют свои знания в области синтаксиса простого

(Окончание на с. 35)

Л. И. Степанова

ПРОБЛЕМЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СУБСТАНДАРТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКО-ЧЕШСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

LUDMILA I. STEPANOVA

THE PROBLEMS OF NONSTANDARD IDIOM EQUIVALENCY IN RUSSIAN-CZECH IDIOMATIC DICTIONARY

Людмила Ивановна Степанова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славистики
философского факультета
Университета Палацкого
(г. Оломоуц, Чехия)
► ludmila.stepanova@seznam.cz

В статье анализируются новые русские фразеологизмы и проблемы их чешских эквивалентов. Многие русские фразеологические неологизмы имеют жаргонное происхождение. Как правило, они передаются на чешский язык фразеологизмами со сниженной стилистической характеристикой или лексическими эквивалентами.

Ключевые слова: фразеологизм, русский язык, чешский язык, субстандарт.

The paper describes new Russian idioms and problems of their equivalents in Czech. Many of new Russian idioms have their origin in slang. Their equivalents in Czech may be idioms or words from low stylistic level of language.

Keywords: an idiom, Russian, Czech, nonstandard.

Современная русская фразеология представляет собой интереснейший материал для лингвистических разысканий. Развитие фразеологии отражает общие процессы, происходящие в живой русской речи наших дней, и прежде всего — перемещение самых разных элементов (заимствований, профессионализмов, жаргонизмов, диалектизмов, цитат и т. д.) с периферии в центр языковой системы. Отсутствие цензуры, неподготовленные публичные выступления и стремление самих носителей языка к его обновлению ведет к общему расшатыванию нормы и стилистической неоднородности языковых элементов. Для современной русской речи характерно стремление к языкотворческой игре с элементами иронии, «стеба», осмысление и переосмысление внутренней формы слов и фразеологизмов.

Исследователи отмечают, что «если в 60–80-е годы в языке публицистики преобладают „военная“, „спортивная“ и „техническая“ метафоры и отмечается влияние соответствующих профессиональных языков, то основными центрами современного „влияния“ можно назвать социальные жаргоны (молодежный сленг и уголовное арго)» [3: 80–81]. Сейчас, по мнению М. А. Грачева, повторяется ситуация двадцатых годов, когда увлечение жаргоном переходит в привычку, становится модой [1: 61]. В криминальной среде жаргонные слова служили обычным средством номинации, однако, попав в общеупотребительное

просторечие, они быстро вошли в моду как свежие, выразительные и экспрессивные элементы. Жаргонные слова и фразеологизмы стали фактом не только разговорной речи, но и публицистики и современной русской литературы.

В последние годы многие лингвисты приходят к выводу, что в русском языке сложился «общий жаргон» (или «общий сленг»), под которым понимается «тот пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или по крайней мере понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями русского литературного языка» [2: 4]. Такие жаргонизмы уже даже не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на стандартный и общепринятый язык, они стали частью общего просторечия.

Многочисленные неологизмы, используемые в современной разговорной русской речи, создают трудности в ее восприятии иностранцами, даже специалистами-филологами, прекрасно владеющими литературным русском языком. А переводчики современной русской литературы все чаще сталкиваются, наряду с традиционными трудностями (переводом реалий, фразеологизмов, игры слов и т. п.), с новым «крепким орешком» — переводом жаргонизмов, которые некоторые филологи считают «непереводимым в переводе».

Нередко переводчик принимает новые фразеологизмы жаргонного происхождения за переменные (свободные) словосочетания и переводит их буквально, что относится к грубейшим транслатологическим ошибкам. Именно так, например, был переведен жаргонный фразеологизм *отвечать за базар* — ‘нести ответственность за сказанное, выполнять данное слово’ в переводе повести «Алтын-толобас» Б. Акунина на чешский язык, ср.:

– Вы, Леонид Робертович, лицензию обещали? Обещали. Бабки скушали? Скушали. ***Отвечайте за базар***, или же, выражаясь интеллигентно, исполняйте взятые на себя обязательства…

«Slíbil jste licenci, Leonide Robertoviči? Slíbil. Prachy jste vzal? Vzal. ***Odpovídáte za trh,*** nebo abych se vyjádřil inteligentně, plňte svoje povinnosti…»

Переводчики перевели выражение *отвечайте за базар* как свободное словосочетание — «вы отвечаете за рынок».

Осознавая острую потребность чешских переводчиков и русистов в знании новых русских выражений, мы попытались заполнить эту субстандартно-фразеологическую лакуну в составленном нами Русско-чешском фразеологическом словаре, вышедшем в издательстве Университета им. Палацкого [9]. Так, в Словарь были включены такие обороты, как: *полный беспредел, сшибать бабки, гнать понт, гнать волну, гнать (нести) пургу, гнать (пороть, толкать, лить) лажу, гнать туфту, гнать тюльку, в натуре, жить по понятиям, забить стрелку, поставить на счетчик, тискать клаву, батоны жать* и др. Новые обороты жаргонного происхождения извлекались нами из «Большого словаря русского жаргона» В. Мокиенко и Т. Никитиной [5], книги В. М. Мокиенко «Новая русская фразеология» [4] и других новейших публикаций.

Разумеется, далеко не все новые фразеологизмы могли войти в словарь — как по причине недостатка места (напр., нет в словаре фразеологизмов: *быть в отрыве (оттяге), уходить в отрыв* — «отдыхать, весело проводить время; *жить по понятиям* — «жить по внутренним законам преступного мира»; *развести кого-л. на бабки* — «обманным путем заставить заплатить деньги»), так и потому, что не все из них еще прошли проверку временем, т. е. неизвестно, приобретут ли они устойчивость, являющуюся категориальным признаком фразеологической единицы. Этот вопрос приходилось решать отдельно в каждом конкретном случае. Приведем лишь один пример.

Так, нами было зафиксировано новое выражение *поколение ru*. Сначала оно применялось в сообщениях об образовательном проекте:

В конце 1999 — начале 2000 года по инициативе Нефтяной компании ЮКОС был разработан некоммерческий образовательный проект «Поколение. ru». Цель проекта — содействие информатизации российского образования.

Оборот понравился и стал активно применяться, сначала — в основном применительно к Интернету:

> Стартует V Международный студенческий Интернет-фестиваль «**Поколение.ru** в Брянске» (Интернет, 04.05.2007).

Далее, однако, семантика выражения начинает расширяться и постепенно оно приобретает общее значение «современное поколение российской молодежи». Ср.:

> Поколение RU глазами Запада (заголовок).
>
> В центре внимания Запада оказываются личности, которые стали символами новой России. В немецком издании Stern, которое легко можно назвать международным, вышла статья под интригующим, во всяком случае, для русского уха, названием Поколение Россия. Итак, что же это за такое поколение «Россия». Вот все пять фамилий, вернее шесть, потому что ТАТУ — это «две московские школьницы» Лена и Юля которые составляют идеальный групповой портрет поколения RU для Запада. Рустам Тарико, Ольга Слуцкер, Ксения Собчак, группа ТАТУ и Наталия Водянова (Интернет, 31.10.2004).
>
> Вы говорили о том, что только компьютеров закупили на 3 миллиона рублей. Но «поколение ru» скоро разучится писать, не то что гвоздь вбить <...> (АиФ-Петербург, № 37, 2007).
>
> «Поколение.ru» выбирает Интернет (Интернет, 31.10.2004).

Словосочетание *поколение ru* содержит наименование российского домена в Интернете. *ru* (точка-ру) и в данном контексте выражает целый набор смыслов: «современное поколение, легко справляющееся с компьютерами, но далекое от практической жизни». Кроме того, оно содержит аллюзию на название известного романа Виктора Пелевина «Generation П» и на уже вошедшую в обиходную речь крылатую фразу из рекламы «Новое поколение выбирает пепси», ставшую символом приземленных интересов некоторых молодых людей.

Далее покажем типы эквивалентов субстандартных фразеологизмов, которые представлены в Словаре.

Фразеологические эквиваленты

1. Кальки (абсолютные эквиваленты).

Новые русские • *noví Rusové.* Данное выражение было калькировано чешским языком и известно чешским читателям, поэтому мы сочли возможным включить его в Словарь.

Nakupují především tzv. noví Rusové, kteří na rozdíl od většiny obyvatelstva zbohatli v posledních letech reforem poctivým, či jiným způsobem (České noviny, 06.12.2001).

2. Передача нового разговорного выражения чешским фразеологическим неологизмом.

Забива́ть / заби́ть стре́лку *кому, с кем. Нов. прост. шутл.* Договариваться о встрече • Domlouvat si schůzku, rande*; dávat si / dát si spicha. Подобный способ эквивалента относится к редким удачам — в чешском языке сравнительно недавно также появился шутливый разговорный оборот *dát si spicha*, однако на первом месте мы все-таки сочли необходимым дать также лексический эквивалент.

3. Передача просторечных фразеологизмов просторечными оборотами.

Мочи́ть / замочи́ть в сорти́ре (в пара́ше) *кого. Нов. грубо-прост. пренебр.* Жестоко, беспощадно расправляться с кем-л. • Bít / zbít *koho* jako psa; mlátit *do koho*, až z něj cucky létaly; bít / zbít *koho* jako žito.

Гнать (бить) понт. *Прост.* Набивать себе цену • Honit si triko; stavět se na špičky; honit vodu.

Лексические эквиваленты

К сожалению, найти фразеологический эквивалент субстандартного фразеологизма удавалось далеко не всегда. В таких случаях мы прибегали к лексическому эквиваленту, т. е. описанию, которое подчас было весьма пространным, ср.:

Ста́вить / поста́вить на счётчик *кого*; ***включа́ть / включи́ть счётчик*** *кому. Нов. прост.* В криминальной среде: начислить пеню за не выплаченный своевременно долг (истинный или вымышленный) или за какие-л. услуги вне зависимости от факта их оказания • Požadovat *od někoho* peníze pod hrozbou rychlého (každodenního a mnohonásobného) růstu úroků, požadovat vysoké výpalné; obírat *koho* o peníze zločineckými metodami*

Многие жаргонные фразеологизмы многозначны. В Словаре каждое значение должно было быть снабжено своим эквивалентом, ср., напр.:

Па́льцы ве́ером *у кого. Нов. прост.* 1. *Ирон.* О человеке, бахвалящемся своим богатством и демонстративно транжирящем деньги • Vytahuje se jako kšandy. 2. О человеке (чаще о преуспевающем биз-

несмене), связанном с криминальными структурами. • Podnikatel spojený s podsvětím*. 3. *Неодобр.* О гордом, заносчивом человеке. • Nadýmá se jako krocan.

Брать / взять на понт *кого. Прост.* 1. Запугивать кого-л., стараясь произвести впечатление. • Pouštět hrůzu *na koho*; dělat / udělat *na koho* bubáka. 2. Приводить кого-л. в замешательство, действуя с апломбом, гонором. • Uvádět / uvést *koho* do rozpaků. 3. Действовать обманом, хитростью и неожиданно, стремясь добиться желаемого. • Šít / ušít *na koho* boudu; hrát *na koho* habaďúru; opíjet / opít *koho* rohlíkem. 4. Блефовать, водить кого-л. в заблуждение. • Tahat *koho* za nos; věšet *komu* bulíky na nos.

Необходимость снабдить каждое значение своим эквивалентом вело к выделению до пяти значений, ср.:

В натуре. *Нов. прост.* 1. Действительно, верно, в самом деле. • Skutečně, opravdu, doopravdy*. 2. Ладно, вообще (вводное слово). • Dobrá*. 3. В натуральном, чистом виде. • Ryzí*. 4. Не абстрактно-теоретически, а конкретно-практически. • Prakticky, v běžném životě*. 5. *Устар. книжн.* В голом, «натуральном» виде, нагишом, без одежды. • (Nahý) jak na svět přišel; v rouše Adamově (Evině).

Значения некоторых жаргонных ФЕ так расплывчаты, что вызывают споры и у носителей РЯ, ср., например, разные мнения относительно выражения *по жизни* в дискуссии на страницах Интернета (forum.lingvo.ru):

1. Конкурент «короче»? Всегда, когда слышу это словосочетание, думаю, что его вполне можно опустить, так как никакого смысла оно не несёт.

2. Нет, скорее синоним «вообще».

«Чем вы занимаетесь?» (сейчас? в свободное время? и т. п.)

«Чем вы занимаетесь по жизни?» = «Чем вы вообще занимаетесь?», «какое ваше основное занятие?»

3. Не соглашусь. Имеет смысл. Вот, например, собрались любители кошек на форуме и обсуждают своё, любимое. А потом кто-то спрашивает, «А чем вы по жизни занимаетесь»? Ну и оказывается, что один — финансист, другой — программист и т. п. То есть, таким образом противопоставляется какое-то конкретное занятие более общему. Вполне содержательно (http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=107442).

В нашем словаре это выражение имеет следующие эквиваленты:

По жи́зни. *Нов. прост.* 1. В реальной жизни. • V realitě, v životě*. 2. Во всех случаях, все время, постоянно. • Furt a pořád.

Таким образом, анализ подбора эквивалентов к жаргонным русским фразеологизмам в «Русско-чешском фразеологическом словаре» показал, что в большинстве случаев данные русские обороты передавались либо чешскими просторечными фразеологизмами, либо лексическими эквивалентами. Сложность нахождения соответствующих чешских выражений объясняется как неразработанностью темы субстандартной фразеологии в чешской лингвистике (существуют только два словаря общего субстандарта: словарь П. Оуржедника «Šmírbuch jazyka českého» — 1992 г. [7] и недавно вышедший «Slovník nespisovné češtiny. Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ slov» — 2006 г. [8]), так и — прежде всего — отсутствием аналога данной прослойки современного русского просторечия. В чешском языке нет общего жаргона, известного широким слоям общества, поэтому мы не могли использовать чешские жаргонизмы (которые, безусловно, существуют, однако известны только узкой группе людей) — носители языка, как показал наш опрос, их не опознают.

С другой стороны, в Чехии широко распространен обиходно-разговорный интердиалект ***obecná čeština***, отличающийся от литературного языка прежде всего в фонетико-морфологическом плане. Исследователи отмечают, что именно в повсеместном использовании этого интердиалекта в речи заключается уникальность чешской языковой ситуации в европейском пространстве (возможно, за исключением немецкого языка) [6: 72]. В диалогической речи интердиалект

obecná čeština все чаще насыщается экспрессивными элементами: сленгизмами, арготизмами и диалектизмами [6: 73].

Сопоставляя современное русское просторечие и чешский обиходно-разговорный интердиалект obecná čeština, можно отметить тенденцию к сближению их функций в обществе: русское просторечие, значительно обновленное заимствованиями из жаргонов, стремится к господству в нелитературных сферах языка, чешский же интердиалект, уже давно завоевавший это господство, уже не ограничивается лишь фонетико-морфологической спецификой, а пополняется и лексическими элементами из языковых слоев ограниченного употребления. Разумеется, в Словаре элементы данного интердиалекта в силу описанных выше причин не могли быть использованы, однако они могут быть с успехом использованы при переводе современной русской литературы, изобилующей субстандартной лексикой.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Знаком * обозначается лексический эквивалент.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грачев М. А.* Язык из мрака — блатная музыка и феня: Словарь. Н. Новгород, 1992.

2. *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

3. *Какорина Е. В.* Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 67–89.

4. *Мокиенко В. М.* Новая русская фразеология. Opole, 2003.

5. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

6. *Kufnerova Z.* Obecná čeština a slang // Překládání a čeština. Praha, 2003. S. 71–77.

7. *Ouřednik P.* Šmírbuch jazyka českého. Praha, 1992; 2005.

8. Slovník nespisovné češtiny. 2. vyd. / Ed. by J. Hugo. Praha, 2006.

9. *Stěpanova L.* Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc, 2007.

[представляем новые книги. рецензии]

[*Захарова А. И, Лукьянов Е. Н., Парецкая М. Э., Савченкова И. Н., Шакирова Г. Р.*
Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному ...]

(Окончание. Начало на с. 30)

и сложного предложения (особое внимание обращено на темы: выражение смысловых отношений в различных по типу предложениях; применение правил согласования членов предложения; использование синтаксической синонимии). Задания второго выпуска «Чтение» помогают иностранцам совершенствовать речевые навыки и умения в области комбинирования разнообразных тактик чтения и в интерпретировании текстов разных сфер общения (от учебно-научной до социально-политической), что влечёт за собой представление текстов различной стилистической направленности. Безусловным плюсом заданий этого выпуска является наличие (среди более привычных для учащихся прозаических текстов) текстов-диаграмм, стихотворений и отрывков из драматических произведений, которые, хотя и не входят в круг обязательных заданий итоговых экзаменов, но тем не менее встречаются иностранными учащимися в их учебной или профессиональной деятельности.

В третьем выпуске «Письмо» развиваются речевые навыки и умения иностранных учащихся в создании письменных текстов, как собственных, так и вторичных, написанных на основе исходных текстов. В этом пособии помещены также теоретические сведения, раскрывающие некоторые базовые понятия речевой коммуникации и дающие представление о стилистических ресурсах русского языка. В пособии присутствуют рекомендации по написанию различных видов официальных и неофициальных писем, приводятся их образцы, а также предлагаются разнообразные задания по их составлению.

Недавно вышло второе издание пособия «Грамматика. Лексика», готовится к переизданию пособие «Чтение». Можно пожелать авторам дальнейших успехов и предложить им ускорить работу над четвёртой, завершающей частью комплекса «Аудирование. Говорение».

Н. Н. Маевский,
проф. кафедры русского языка ЮФУ

Е. В. Быкова

ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МОДУЛЬНОМ МЕМОРИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ: ПРЕДИКАТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ

ELENA V. BYKOVA
STATEMENTS IN THE MODULAR MEMORIAL TEXT:
PREDICATIVITY AND A SUBJECTIVE MODALITY

Елена Владимировна Быкова

Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой связей с общественностью Российского государственного гидрометеорологического университета
► pr@rshu.ru

В статье выявлены и описаны средства формирования предикативности в речевой структуре мемориального модульного текста как в лингвистическом, так и нелингвистическом аспекте. Особо рассмотрены категории хронотопа и модальности в данном типе текстов массовой коммуникации.

Ключевые слова: предикативность, текст, категория, модальность, коммуникация, структура, речь.

The article identified and described the meanings of forming predication in the speech structure of the modular of the memorial in a linguistic and non-linguistic aspect. Especially considered time-space category and modality in this type of media texts.

Keywords: predictive, text, category, modality, communication, structure, speech.

Смысловая структура любого модульного текста[1] характеризуется паралингвистической активностью, наличием вербальных и невербальных фрагментов, организованных на плоскости нелинейно. Нелинейность проявляется в доминировании принципа двумерности при расположении речевого материала, в то время как в обычном тексте доминирует одномерный, линейный принцип организации. Преобладание принципа двумерности речевой организации в модульном мемориальном тексте проявляет себя в следующих интегральных признаках:

– неполное заполнение строки;
– неразвитость системы переносов слов с одной строки на другую;
– выравнивание строк не только по левому краю;
– разная ширина пробелов между словами;
– разное расстояние между строками;
– отсутствие различий между строчными и прописными буквами;
– использование в одном фрагменте различных гарнитур и кеглей;
– специфическое использование пунктуационной системы;
– использование невербальных компонентов.

Тексты, в которых доминирует описанный принцип двумерности расположения речевого материала, мы называем *модульными*. В общем понимании *модуль* — это отделяемая, относительно самостоятельная часть какой-либо системы. В технике *модуль* — это «сложный инженерный узел, выполняющий самостоятельную функцию в техническом устройстве»[2]. В печатном деле «*модуль* — это единица поверхности при покупке рекламной площади в газетах рекламных объявлений (модульная реклама). *Модуль* — это прямоугольник шириной в колонку и стандартной высоты»[3].

Таким образом, понятие *модуль* включает в себя такие свойства как, с одной стороны, самостоятельность, относительная автономность, с другой — связанность с некоей общей системой. С одной стороны, сложность, неоднородность внутренней структуры, единичность исполнения, с другой — соответствие определенному стандарту. К типу модульных текстов относится и мемориальный текст. Рассмотрим признаки модульного мемориального текста более детально.

Текст мемориальной доски представлен целостной системой речевых действий. Семантически достаточными эти тексты становятся только при соотнесении их содержания с актуальной речевой ситуацией (в том числе с местоположением мемориальной доски), с историческим контекстом эпохи, события и персонажи которой репрезентированы в тексте: «Текст мемориальной доски должен содержать… указание на связь события с конкретным адресом, по которому мемориальная доска установлена, а также даты, указывающие на период, в течение которого выдающаяся личность или событие были каким-то образом связаны с адресом»[4]:

Переулок назван | именем | бесстрашного летчика | Героя | Советского Союза | Виктора Васильевича | Талалихина | 1918–1941[5].

Э. Ф. Направник (1839–1916) дирижировал за этим пультом с 1864 по 1914 г.

Первая мемориальная доска установлена на доме номер один по переулку Талалихина в Санкт-Петербурге[6]. Текст второй мемориальной доски выгравирован на металлической пластинке в Мариинском театре напротив дирижерского пульта, в верхней части барьера, отделяющего зал от оркестровой ямы[7]. Очевидно, что в случае демонтажа мемориальной доски соотношение слова и неречевого контекста нарушится, смысл потеряется, а воздействующая функция текста не будет реализована.

Модули разрабатываются по определенным технологиям и в соответствии с соблюдением правил. Все мемориальные доски выполняются только из долговечных материалов (мрамор, гранит, лабрадор, медь и пр.). Текст мемориальной доски должен соответствовать графической норме, графическому стандарту[8]. Перед нами ансамбль, образованный архитектурным решением (материал доски, форма доски, декор, соответствие архитектурному стилю здания) в совокупности с характером расположения в плоскости текстовых фрагментов мемориального текста. Его назначение — создать оптимальные условия для восприятия текста читателем и воздействия на него[9]. Модульные мемориальные тексты представляют пример исторически сложившейся практики материального воплощения одного из типов воздействующего текста в массовой коммуникации.

Некоторая универсальность внешней формы и стандартность речевых фрагментов, организующих структуру мемориального текста, не исключают уникальности архитектурного решения каждой памятной доски. Помимо речевых форм с различным типом семантики модульные тексты вбирают в себя неповторимые в художественном отношении орнаментальные элементы и архитектурные решения (барельефы, горельефы, медальоны и т. п.), дополняющие в смысловом отношении содержание текста в целом и придающие им статус памятника.

Мемориальный текст воспринимается в целом как знак. При восприятии происходит взаимодействие и взаимоусиление смысла каждого вербального и невербального компонента. Вербальный компонент модульного текста обладает смысловой самостоятельностью, но понимание текста в целом как текста мемориального вне соотнесения с речевой ситуацией и декодированием невербального компонента (горельеф,

барельеф, эмблема, медальон, символ) будет неполным. Мемориальные доски вписаны в архитектурный облик здания.

Рассмотрим текст мемориальной доски, установленной на доме, где жил М. Л. Лозинский. Доска мраморная, в верхней части ее выгравирована раскрытая книга и лавровая ветвь[10]:

В этом доме с 1915 по 1955 г. жил выдающийся поэт-переводчик, Лауреат Государственной премии Михаил Леонидович Лозинский.

Получатель воспринимает текст в целом как мемориальный, как указывалось выше, только при соотнесении содержания с пространственно-временными координатами: где (*здесь*) и когда (*1915–1955).* Местоименное слово *здесь* соотносится получателем с местом расположения мемориальной доски, невербальный фрагмент *раскрытая книга* сообщает о роде профессиональной деятельности персонажа текста, *лавровая ветвь* символически означает вербальный концепт *слава* и воспринимается как традиционный символ, обозначающий социально значимый концепт.

Весь речевой массив, образованный из совокупности текстов всех установленных в городе или регионе, стране мемориальных досок, можно классифицировать по рубрикам: Революция; Война, Наука, Культура, Жертвы политических репрессий, Деятели Белого движения и т. п. Каждый модульный текст занимает определенное место в этой организованной по определенным правилам целостной системе. Помимо тематической классификации все тексты мемориальных досок можно классифицировать иначе: по хронологии, по фамилии персонажа и пр.

Совокупность всех модульных мемориальных текстов города, страны, исторического периода, конкретной исторической личности можно рассматривать как единый текст[11]. Эта иерархичность категории модульного текста особенно хорошо заметна при анализе мемориальных текстов, установленных в честь одного и того же лица. Например, 109 мемориальных досок из 900 в Санкт-Петербурге посвящены В. И. Ленину (ср.: В. Маяковский: «Здесь каждый камень Ленина знает»): Владимир Ильич Ленин *посетил музей, сдавал государственные экзамены, был постоянным читателем Публичной библиотеки, выступал с докладом, руководил марксистским кружком, нелегально прибыл из эмиграции, проводил занятия марксистского кружка, проводил партийные совещания, скрывался от полицейских властей, нелегально на паровозе уехал в Финляндию, обратился с приветствием, огласил свои тезисы, направился в Смольный, где возглавил Вооруженное восстание, передал обращение, осуществлял партийное и советское руководство, написал Декрет о земле, участвовал в заседании, принял участие* и т. д.[12]

Перед нами повествовательный текст. Биография конкретной личности, представленная совокупностью всех мемориальных досок, установленных в ее честь, получает иной публичный статус и репрезентируется как история страны. История страны практически отождествляется с биографией личности, и наоборот. На наш взгляд, это одно из характерных свойств пропагандистского дискурса, в котором мифологизации подвергается практически каждая деталь жизни исторической личности.

Указав на некоторые характерные признаки модульных мемориальных текстов, рассмотрим теперь, какими средствами задаются предикативные и субъективно-модальные значения в этом весьма специфическом речевом целом.

***

Категория предикативности в понимании многих исследователей — это ключевой конституирующий признак предложения, соотносящий содержание с действительностью и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения. Предикативность репрезентируется прежде всего в объективной модальности, обозначая истинностный аспект сообщаемого[13].

Объективная модальность модульного мемориального текста характеризуется тем, что содержание высказывания ни в коем случае не может быть соотнесено с планом «ирреальное». Абсурдной выглядела бы надпись типа: *В этом месте мог бы быть построен металлургический комбинат*. Мемориальная надпись может быть посвящена только тому, что было, имело место в действительном мире.

Поскольку главная задача мемориального текста — увековечить память о реально происходивших событиях, то информация о событии сообщается, как правило, с использованием простого предложения, сформированного на основе семантики факта. Именно факт воспринимается как абсолютное, достоверное знание:

В этом здании с 1950 по 1957 гг. размещался изолятор временного содержания заключенных Печорлага[14].

В этом доме жил и работал писатель Черкасов Алексей Тимофеевич, автор трилогии Июнь рыжий, Хмель, Черный тополь 1915–1978[15].

Такое высказывание-факт чаще всего соотносится в сознании читателя с неэксплицированной структурой сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, предназначенным для выражения значений субъективно-модального типа: *мы знаем, что…; мы помним, что; следует помнить о том, что; помните, что…* В результате надпись воспринимается не только как объективный факт, но и как событие, вмещенное в жизнь читателя. Надпись, таким образом, может быть осмыслена в двух семантических планах — как факт и как событие.

Субъективная модальность, т. е. отношение пишущего (говорящего) к сообщаемому, как и объективная модальность, является обязательным признаком высказывания. Но она выглядит факультативным признаком высказывания, если выражается эксплицитно. Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной модальности. В смысловую основу субъективной модальности иногда включают и понятие оценки в широком смысле этого слова: не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции[16]. Значения субъективно-модального типа, актуализирующие личностное начало в мемориальных текстах, наиболее явно выражены в высказываниях с семантикой события:

Камень скорби памяти безвинных жертв тоталитарного режима, расстрелянных здесь, во дворе НКВД. Клянемся никогда не забывать[17].

Данный текст состоит из двух фрагментов: 1) повествовательного простого неполного предложения с причастным оборотом и уточнением и 2) повествовательного по структуре и побудительного по функции односоставного определенно-личного предложения. Текст воспринимается читателем как многомерное семантическое образование и содержит множество пропозиций, которые разворачиваются при прочтении в повествовательную структуру: *Для поддержки тоталитарного режима в стране была создана организация: Народный Комиссариат Внутренних Дел. Эта организация проводила массовые аресты. По приговору закрытого суда этой организации людей расстреливали. Людей расстреливали без доказательства вины. Расстрелы происходили во дворе этого дома.*

Кроме того, в смысловой глубине текста скрыта речевая форма разъяснения с причинно-следственными отношениями: *Поэтому во дворе этого дома установлена мемориальная доска и памятник Камень скорби.*

Весь текст в целом может быть осмыслен как речевая форма с актуализированным субъективно-модальным значением, которая может быть квалифицирована как *клятва: Клянемся никогда не забывать о тех, кто стал жертвой тоталитарного режима.*

Подобным образом воспринимается и речевая структура в следующем тексте с актуализированным субъективно-модальным значением, представленным в речевой форме *наставления*:

От воинов честных простых, победы и мира достигших, прошу — кто остался в живых, скажите спасибо погибшим. Вечная память летчикам и техническому персоналу, защищавшим небо севера[18].

Субъективная модальность этого текста, внешне репрезентированная как просьба, в семантическом плане воспринимается как наставление, дидактическое назидание: *помните о тех, кто не вернулся с войны.*

Перечислим языковые средства, при помощи которых обычно задаются субъективно-модальные значения в мемориальных текстах:

– глаголы в форме повелительного наклонения (*скажите, помните*);

– глаголы в личной форме настоящего времени в функции повелительного наклонения: *прошу, клянемся;*

– лексика, свойственная торжественному высокому стилю (*скорбь, битва, жертвы, герои, павшие, потомки*);

– слова-интенсификаторы с процессным значением, входящие в состав сказуемого и репрезентирующие его постоянное свойство: *всегда, навсегда, никогда, навеки, вечно* и др.;

– неэксплицированные нарративные отношения логического следствия, вводимые при помощи причастных оборотов действительного и страдательного залога прошедшего времени: *расстрелянных здесь* (те, которых арестовали, безвинно осудили и расстреляли); *победы и мира достигших* (воевали, прошли всю войну, победили, остались в живых, начали жить после победы мирной жизнью).

Как мы видим, фрагменты мемориального текста, сформированные на основе субъективно-модальных значений, выполняют контактоустанавливающую и воздействующую функцию, задают эмоциональный заряд всему тексту в целом, даже если мемориальный текст представляет собой образование, включающее фрагменты с предметной или фактообразующей семантикой. «Средства субъективной модальности… способны перекрывать объективно-модальные характеристики, образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию „последней инстанции“»[19]. Модульные мемориальные тексты становятся текстами с ярко выраженным личностным началом, в котором вербализованы фрагменты со значением *отношения к происходящему, долженствования, разъяснения, предписания, назидания, клятвы,* что позволяет мемориальному тексту реализовать коммуникативную функцию воздействия.

***

Категория предикативности проявляет себя в том числе и в системе временных значений. Категория времени в модульном мемориальном тексте совмещает в себе языковые и ситуационные смыслы. Так, например, время в мемориальном тексте проявляет себя двояко: как категория грамматическая и как категория философская, ментальная. Ментальное время задается в тексте категорией хронотопа. Как показал М. М. Бахтин, постижение смысла любого высказывания проходит через ворота хронотопа. Антропоцентричность таксисных отношений, темпоральных ритмов текста воссоздает общее неделимое единство времени и пространства, моделируя тот физический, социальный и ментальный мир — хронотоп, в котором реализуется окружение и кругозор воспринимающего человека[20].

События, имевшие место в историческом прошлом, представляются в мемориальном тексте при помощи глаголов прошедшего времени совершенного и несовершенного видов. Однако время восприятия текста, постижение его смысла адресатом в контексте «здесь и сейчас» придает дополнительные оттенки значений грамматическим показателям категории времени. Коммуникативная ситуация заставляет читателя воспринимать сообщаемое, вырванное из линейной исторической хронологии, вне времени. Предложение *В этом доме жил и работал писатель Черкасов Алексей Тимофеевич* никто не воспринимает как сообщение о том, что писатель А. Т. Черкасов раньше в этом доме жил, а сейчас не живет. Мы имеем здесь по сути дела прошедшее вневременное. Неоперативность мемориального текста подчинена коммуникативной функции, которую текст должен выполнять: быть *каменной летописью* страны, сохранять высокие гражданственные смыслы деяний на общее благо и выполнять воздействующую (пропагандистскую) функцию.

Хронотоп проявляет себя в пространственно-временных интенсификаторах, вербализованных в тексте в речевых фрагментах, эксплицирующих пространство и время (где и когда произошло то или иное событие или где и когда жил, работал тот или иной текстовый персонаж): *здесь с 1927 года по 1935 год; в этом доме с 1944 года по 1979 год; в этом здании с 1927 по 1938 год; на Кировском заводе с 1959 по 1962 год; здесь, на Вороньей горе в 1943 году*).

Дейктические слова (*здесь, в этом доме, на этом месте*) в мемориальном тексте допол-

няются параметрами речевой ситуации, при которой читатель воспринимает текст. Это может быть речевая ситуация в контексте «здесь и сейчас», т. е. текст прочитывается получателем на стене здания, или же получатель текста воспринимает текст мемориальной доски в справочнике, в котором все мемориальные доски сведены в определенную систему.

Если текст мемориальной доски опубликован в справочнике, то он непременно сопровождается следующими смыслообразующими фрагментами: адрес, по которому мемориальная доска установлена; время, когда мемориальная доска была установлена; материал, из которого изготовлена мемориальная доска; фамилии архитекторов — авторов проекта. Вне такого пояснения категория предикативности в полном объеме не будет задана, и мемориальный текст, будучи воспроизведенным в справочнике, в коммуникативном аспекте потеряет смысл.

Таким образом, в зависимости от речевой ситуации восприятия мемориального текста предикативность мемориального текста задается невербальным ситуационным контекстом (прочитывание текста мемориальной доски на стене здания) или вербализованными конструкциями пояснительного характера, репрезентирующими пространственно-временные координаты (в справочнике).

Функция хронотопа мемориального текста обладает еще одним весьма специфическим свойством: она может меняться в зависимости от речевой ситуации и социально-исторического контекста эпохи при восприятии памятной надписи. Приведем в качестве примера надпись на стене дома на Невском проспекте в Санкт-Петербурге:

Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна

Во время Ленинградской блокады данный текст не являлся мемориальным, а выполнял функцию объявления-предупреждения с актуализированной запретительной модальностью, как и множество других подобных надписей: *Граждане, предупреждаем, что во время артобстрела ходить по этой стороне улицы нельзя. Это опасно для жизни.*

В настоящее время данный сохраненный со времен войны текст получил статус мемориала. Внутритекстовое обозначение времени и пространства (*эта сторона улицы; при артобстреле*) приобрело совершенно иное значение в актуальной речевой ситуации (*в нашем городе во время войны*). Смысловая структура этого текста в момент прочтения в настоящее время наполняется другим содержанием, получает высокие социальные смыслы: *Граждане, помните о том, что пережили ленинградцы во время войны.* Предписывающая модальность текста сохраняется, но получает иной оттенок: *обращение-призыв.*

Мемориальный текст достигает коммуникативного эффекта только в том случае, если маркеры времени и пространства текста (*1941–1945, 14 декабря, 9 января)* совпадают с фоновыми знаниями получателя сообщения. Если такого совпадения не происходит, адресат прочитывает только поверхностное текстовое содержание и текст не выполняет своей воздействующей функции в полном объеме.

В соответствии со своей задачей мемориальный текст в коммуникационном плане выполняет три основные функции: сообщает читателю о том, что событие произошло в определенном месте в определенное время в аспекте синхронии; отсылает реципиента к историческому контексту эпохи в аспекте диахронии; сохраняет весомость социальных смыслов вне времени. Время как категория грамматическая в мемориальных текстах нейтрализуется, преобразуется в категорию философскую, концептуальную, ментальную. Такое преобразование хронотопа является, по нашим наблюдениям, характерной чертой модульного мемориального текста.

Специфика хронотопа в модульном мемориальном тексте подчеркивается и невербальными компонентами. Паралингвистические средства выполняют важнейшую роль в реализации коммуникативной установки, поскольку в воздействующей установке весьма значимым является эстетическая составляющая, реализуемая как при чтении, так и при зрительном восприятии текста, его оптического образа. Архитектурное исполнение текста мемориальной доски усилива-

ет знаковую функцию текста, придает дополнительную весомость вербализованным фрагментам. Надпись, высеченная в камне, подчеркивает исключенность надписи из актуального временного контекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Быкова Е. В.* Речевая структура модульного текста // Русская речь в средствах массовой информации. Стилистический аспект. СПб., 2007. С. 225–226.

[2] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 352.

[3] *Тулупов В. В.* Реклама в коммуникационном процессе. Курс лекций. Воронеж, 2003. С. 111.

[4] О мемориальных досках в Санкт-Петербурге: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 янв. 2005 года № 2 (с изменениями от 3 августа 2006 года № 950). Ст. 1.4.

[5] Здесь и далее косая черта означает конец речевого отрезка на мемориальной доске. Строчные и прописные буквы в примере в данной статье приводятся без учета употребления строчных и прописных букв в текстах оригинала.

[6] *Калинин Б. Н., Юревич П. П.* Памятники и мемориальные доски Ленинграда: Справочник. Л., 1979. С. 382.

[7] Там же. С. 429.

[8] *Клюканов И. Э.* Структура и функции парафрафемных элементов текста: Автореф. … дис. канд. филол. наук. Саратов, 1983. С. 7.

[9] *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания.1992. №1. С. 71.

[10] *Калинин Б. Н., Юревич П. П.* Указ. соч. С. 423

[11] О принципах модульных технологий см.: *Емельянов С. М.* Модульные технологии в информационно-коммуникативном обеспечении PR-проектов // PR, бизнес, СМИ — партнерство и конкуренция: Тез. VI науч.-практ. конф. 12–13 ноября 2009. СПб., 2009. С. 69–70.

[12] *Калинин Б. Н., Юревич П. П.* Указ. соч.

[13] *Ляпон М. В.* Предикативность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 392–393.

[14] http://pechora-portal.ru/ (обращение 08.02.2007).

[15] Там же.

[16] Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 303–304.

[17] http://sakharov-center.ru/ (обращение 08.02.2007).

[18] http://soldat.ru/ (обращение 08.07.2007).

[19] Ляпон М. В. Модальность. … С. 303–304.

[20] Цит. по: *Золотова Г. А.* Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 13.

[приглашаем принять участие]

НЕДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АФРИКИ

Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006–2010 гг.) в октябре-ноябре 2010 года проводит Недели русского языка и российского образования в Марокко, Тунисе, Конго.

В рамках Недель русского языка будут проведены конференции, методические семинары, круглые столы, лекции, мастер-классы, на которых будут обсуждаются актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы в Марокко, Тунисе, Конго и России, методы и технологии обучения языку, использование новейших достижений лингвистики и лингвокультурологии в практике преподавания русского языка как иностранного, тестирование по русскому языку, проблемы формирования межкультурной компетенции, интерактивные методы преподавания русского языка.

В мероприятиях Недель русского языка примут участие специалисты в области методики преподавания русского языка как иностранного, лингвистики, лингвокультурологии из Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, Российского университета дружбы народов, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного горного университета, а также преподаватели-русисты, студенты вузов и слушатели курсов русского языка Марокко, Туниса, Конго.

Дополнительную информацию о Неделях русского языка можно получить на сайте www.mapryal.org.

XI ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Олимпиаду организует Российский университет дружбы народов при поддержке фонда «Русский мир».

Тема олимпиады — **«Люблю Россию я…»**

Олимпиада пройдет на базе кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН 17–20 ноября 2010 г. Информация о порядке проведения Олимпиады — на сайте **www.rudn.ru.**

Заявки на участие направляются по адресу: **rudn-olympic@yandex.ru** с 30 мая по 15 октября 2010 года.

Контактное лицо – ответственный секретарь олимпиады
канд. филол. наук доцент **Евгения Александровна Рубцова,**
тел.: (495) 434–07–45, e-mail: rudn-olympic@yandex.ru

О. А. Селюнина

СКРЕПА *ПОЭТОМУ* КАК СРЕДСТВО ОФОРМЛЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ СВЯЗИ

OLGA A. SELYUNINA
A TIE *ПОЭТОМУ* AS MEANS OF THE SECOND LINK DESIGN

В статье рассматривается вопрос о грамматическом статусе слова *поэтому*, союзная функция которого производна от его местоименной природы. Особое внимание уделяется функционированию *поэтому* в полипредикативных построениях в позиции при союзе или союзном слове.

Ключевые слова: союз, текстовая скрепа, вторичная связь.

In article the question of the grammatical status *therefore*, which allied function derivative from its pronominal nature is considered. The special attention is given to functioning *therefore* in polypredicative construction in a position at the conjunction or a connective word.

Keywords: the conjunction, text countersign, secondary communication.

Ольга Анатольевна Селюнина

Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток)
► selan@rphil.dvgu.ru

Современный русский язык богат служебными элементами, выполняющими связующую функцию как в пределах предложения, так и в тексте. Кроме союзов в строгом понимании этого термина, к ним относятся различного рода скрепы, которые помимо собственно союзной функции выполняют и другие функции, например, модальную, оценочную и т. д. Одним из самых употребительных средств связи частей текста, сложных предложений разных типов и видов являются местоимения. В связующей функции выступают не только союзные слова и корреляты, но и другие лексемы местоименной семантики, союзная функция которых производна от их грамматических и лексических особенностей. К таким единицам относится и слово *поэтому*, являющееся объектом исследования в данной статье.

Слово *поэтому*, склонное к связующей функции, неоднократно попадало в поле зрения лингвистов, однако до сих пор нет единства во мнениях относительно морфологического и синтаксического статуса данного слова и, соответственно, относительно статуса единиц, в организации которых оно участвует.

Так, в трактовке морфологического статуса *поэтому* превалируют две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, *поэтому* определяют как союз, при этом характеризуют его по-разному, например, как текстовый союз с заключительным и причинно-следственным значением (В. П. Семенихин), как следственный союз (М. В. Всеволодова; Э.-О. Хааг), как резумптивный союз (В. И. Подлесская), как семантический

сочинительный союз, восходящий к указательным местоименным наречиям (Ф. И. Серебряная).

Согласно другой точке зрения, *поэтому* рассматривают как наречие. Так как данное наречие обнаруживает известную близость к союзам, считается, что оно способно функционировать подобно союзному слову (В. В. Бабайцева; В. В. Кузмичев).

Интерпретация *поэтому* и как союза, и как союзного слова уязвима: *поэтому* не союз, поскольку не потеряло внутренней формы слова, является членом предложения, и не союзное слово, поскольку относится к разряду указательных, а не относительных местоимений-наречий.

Признание того, что анализируемое слово совмещает союзную функцию с грамматическими признаки наречия, ведет и к трактовке *поэтому* как гибридного слова (см., напр.: [1: 328]). Гибридность *поэтому* может подчеркиваться терминологически, ср.: «наречие-союз» (И. А. Попова), «союз-наречие» (Е. В. Скорлуповская), «союзное наречие» (Н. И. Формановская), «наречный союз» (А. Г. Шустер).

Во многих работах при установлении синтаксического статуса решающей оказывается не частеречная отнесенность *поэтому*, а его способность выступать в аналогичной союзу функции, благодаря чему *поэтому* квалифицируется, например, как прономинальная скрепа (М. И. Черемисина, Т. А. Колосова), как аналог союза (А. Ф. Прияткина, РГ-80), как релятив (М. В. Ляпон).

Вместе с тем некоторые исследователи отказывают *поэтому* в связующей функции. Так, в диссертационных работах Т. А. Данилевской [1] и Н. И. Новиковой [6] *поэтому* наряду с другими коннекторами квалифицируется исключительно как средство выражения синтаксических отношений.

Позиция Т. А. Данилевской и Н. И. Новиковой представлена с опорой на работы Е. Н. Ширяева, где, в частности, определяется, что слова типа *поэтому, зато, однако, следовательно* «не занимают позиции сочинительного союза, при них эта позиция всегда свободна и при необходимости занимается сочинительным союзом» [12: 52]. Данная точка зрения возникла в результате исследований Е. Н. Ширяева, направленных на поиск объективного критерия различения сочинительных и подчинительных союзов. Ученый приходит к выводу, что сочинительные союзы связывают минимум два компонента, находящихся в одинаковых отношениях к третьему (в том числе потенциальному) компоненту; подчинительные союзы связывают такие компоненты, которые по отношению друг к другу и, следовательно, по отношению к другим компонентам находятся не в одинаковых отношениях. Позиции сочинительного и подчинительного союзов присутствуют в многочленном сложноподчиненном предложении с однородным соподчинением придаточных, которое строится по схеме А [(*у*В)*х*(*у*В)], где *у* — позиция подчинительного союза / союзного слова, *х* — позиция сочинительного союза. Именно данное построение, по мнению Е. Н. Ширяева, дает возможность дифференцировать сочинительные и подчинительные союзы.

Слова типа *поэтому* не могут занимать в данной схеме ни позицию сочинительного союза, ни позицию подчинительного союза. Ср.: *Сегодня отключили отопление, поэтому в комнате холодно. — Я знал, что сегодня отключили отопление и что поэтому в комнате холодно.*

Важно отметить, что позиция *поэтому* в схеме многочленного сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением придаточных вообще не представлена (ср. с противоположной точкой зрения [4: 253]). Более того, наличие в многочлене слова *поэтому* препятствует трактовке соподчиненных придаточных как однородных: соподчиненные компоненты находятся между собой в отношениях субординации.

По нашему мнению, тот факт, что слово *поэтому* не занимает различительных позиций сочинительного и подчинительного союзов, свидетельствует только о том, что оно не является ни сочинительным, ни подчинительным союзом, но вовсе не отрицает наличия у него связующей функции. И здесь мы, безусловно, солидарны с авторитетным мнением М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, которые утверждают, что *поэтому* является линейным показателем связи,

и А. Ф. Прияткиной, которая, придерживаясь строгого понимания союза, пишет: «Конструирующая (формально организующая) способность „аналогов союзов“ типа *впрочем, поэтому, тем не менее* в принципе не вызывает сомнений» [8: 153].

Поэтому осуществляет связующую функцию благодаря анафорическим отношениям (ср. с противоположным мнением [10: 39]). Вмещая содержание предшествующей части, *поэтому* одновременно квалифицирует предшествующую ситуацию как обстоятельство причины. Именно способность к такой квалификации позволяет назвать *поэтому* грамматикализованным средством связи.

Являясь текстовой скрепой, *поэтому* тем не менее не входит в ядро этой категории, поскольку текстовая функция производна от местоименной природы данного слова. Не типична, но не исключена для него синтагматически изолированная позиция «скрепы-фразы», например:

Естественный отбор у цивилизованного человечества в общем прекратился, искусственно помогают жить даже самым паршивеньким и слабым. Но инстинкт жизни и нервная система остались те же самые. ***Поэтому****:*

стремясь к самореализации через действия,
человек всегда предпочитает такие действия,
которые служат к его самоутверждению. (М. Веллер. Все о жизни).

Слово *поэтому* может служить для связи абзацев, например:

Лучше всего на свете она [Наташа Глухова. — *О. С.*] *выносила работу — спокойную, тихую, как переписка. Немного мучилась вечером после работы. Так и свой отдых в Крыму она воспринимала как продолжение работы нудной, скучной, только здесь еще надо было самой заполнять время.*

Поэтому *Наташа, несмотря на нежное, пылающее солнце и море, подолгу растягивала обеды, походы за хлебом: из всех столовых и магазинов выбирала те, где очередь подлиннее* (Ю. Мамлеев. Отдых).

Но чаще всего данная скрепа выполняет функцию межфразовой связи, объединяя формально законченные предложения. Например:

Шляпа все время налезала на уши и как-то обидно подчеркивала этим юность тов. Говоркова. ***Поэтому****, возвращаясь на перрон, он держал шляпу в руке…* (И. Ильф, Е. Петров. Тоня); *Мои старички не любят животных.* ***Поэтому*** *ни в одном доме нет ни кошек, ни собак* (Э. Севела. Зуб мудрости); *Уже три года здесь* [в Таллинне. — *О. С.*] *не принимали в Союз новых членов.* ***Поэтому*** *мной так и заинтересовались* (С. Довлатов. Ремесло).

Видимо, функция межфразовой связи для слова *поэтому* является наиболее типичной.

Вместе с тем *поэтому* регулярно используется внутри сложного предложения и именно в его границах реализует релятивную и связующую функции. Например:

Из-за спущенных штор в комнате было темно, ***поэтому*** *она показалась мне пустой* (Е. Садур. Праздник Старух на Море); *Петька был маленький,* ***поэтому*** *он не интересовался ни большевиками, ни Петлюрой, ни Демоном* (М. Булгаков. Белая гвардия); *Более двухсот лет Петербург был столицей империи,* ***поэтому*** *на этом куске берега все русские цари, начиная с Петра, возводили укрепления* (В. Суворов. Тень Победы).

Вопрос о статусе полипредикативных построений, части которых соединяются при помощи текстовых скреп, науке еще только предстоит решить: граница предложения и текста все еще ускользает. Между тем у таких построений есть признаки как сложного предложения, так и текста, поэтому условно их можно квалифицировать как переходные. С одной стороны, построение характеризуется как интонационное единство, с другой стороны, соединение простых предложений в сложное происходит на уровне текста: даже будучи употребленным после запятой, «*поэтому* не продолжает предложение, а начинает новое» [7: 50], в итоге построение занимает положение в зоне переходности между собственно сложным предложением и сочетанием предложений.

У лексемы *поэтому* есть еще одна важная черта, характерная для текстовых скреп, — отсутствие фиксированной позиции в предложении.

Ср.: *Пятнадцатого декабря солнце по календарю угасает в три с половиной часа дня. Сумерки* ***поэтому*** *побежали по квартире уже с трех часов* (М. Булгаков. Белая гвардия); *Женская митохондрия остается, а отцовская пропадает. Считается, что именно* ***поэтому*** *зародыш не получает излишнего генетического материала, способного при-*

вести к уродству или даже смерти (В. Горбачев. Концепции современного естествознания).

Фиксированная позиция обязательна для основной массы союзных средств русского языка, хотя в разговорной речи союзы могут изменять свойственной им инициальной позиции, например:

Мама очень много плачет, когда выпьет мадеры, больная ***потому что*** *и злая тоже* (М. Горький; пример Г. Д. Зайцевой).

«Подвижность» текстовых скреп и их несовпадение с собственно союзом приводит к тому, что внутри сложного предложения они могут употребляться в позиции при союзе или при союзном слове.

Приведем примеры употребления *поэтому* при союзном слове:

И на этот раз Любарский все-таки не принял чертежей под тем предлогом, что-де оборудование завода не позволяет изготовить столь сложную конструкцию, ***в которой поэтому*** *требуются еще упрощения* (А. Бек. Талант; «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru) — далее НКРЯ); *Черновцы ездили в Калитву, чтобы привезти в председатели незнакомого человека,* ***которого поэтому*** *все бы уважали* (А. Платонов. Чевенгур); *Я обнаружил, что ни Университет, ни Королевское общество не были готовы рассматривать это предложение,* ***которое*** *мне* ***поэтому*** *пришлось с благодарностью отклонить* (Капица, Тамм, Семенов; НКРЯ); *В период искусственной системы ввел химию немец Шталь,* ***который поэтому*** *может быть назван Гиппархом химии* (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа; НКРЯ).

В структуре данных предложений можно выделить сложноподчиненные предложения с придаточной определительной, главная и придаточная части которых находятся между собой в причинно-следственных отношениях, что возможно из-за наличия в придаточной части второго связующего средства — скрепы *поэтому*.

Присутствие в анализируемых построениях двух средств связи приводит к возникновению двух линий связи: связь, создаваемая скрепой *поэтому*, наслаивается на относительную связь, формально представленную союзным словом *который*. Связь, оформленная союзным словом, — это связь собственно предложенческого уровня; связь, оформленная текстовой скрепой *поэтому*, — связь текстового уровня. Текстовая связь является «вторичной» [7; 9], поскольку строится на базе первичной формальной основы, представляющей собой синтаксически оформленное построение, определяемое обычно как сложноподчиненное предложение. Связь предложенческого уровня является основной, но при наслоении текстовой связи отходит на второй план и ослабевает. Ср.: … *оборудование завода не позволяет изготовить столь сложную конструкцию, в ней* ***поэтому*** *требуются еще упрощения.*

Поэтому может употребляться и при сочинительных союзах *и, но, а*. Например:

В Словении, как и в большинстве стран Западной Европы, в семьях нет традиции помогать старшим, ***и поэтому*** *пожилым людям, оставшимся с государством один на один, приходится несладко* (А. Эпштейн. Ветры travela); *Все почти произведения его рождались под влиянием минуты, писались наскоро, без всякой отделки,* ***но*** *именно* ***поэтому*** *жизнь так и бьет в них ключом* (Б. Д. Порозовская. Мартин Лютер; НКРЯ); *…до 22 июня 1941 г. советское военно-политическое руководство не отдавало и не могло отдать Красной Армии такого приказа,* ***а поэтому*** *вся дискуссия по этому вопросу безосновательна* (М. И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина).

Позицию при сочинительном союзе называют позицией «уточнителя» (А. Ф. Прияткина) или «конкретизатора» (РГ-80; М. И. Черемисина, Т. А. Колосова).

По нашему мнению, *поэтому* в данных предложениях не конкретизирует значение сочинительного союза. Так, союз *и* — это союз с самым отвлеченным значением, союз, выражающий общую идею связи. Он вполне может быть квалифицирован как синтаксический [2]. Если признать *поэтому* конкретизатором союза *и*, то непонятно, что конкретизирует *поэтому* в семантической структуре синтаксического союза.

Союз *но* имеет противительное значение, которое не зависит от контекста. Однако если считать *поэтому* конкретизатором союза *но*, то неясно, каким образом противительное значение союза *но* уточняется противоположным ему

[5; 11] причинно-следственным значением слова *поэтому*.

Все это приводит к мысли, что термин «конкретизатор союза» применительно к *поэтому* совершенно не отражает функции последнего в анализируемых построениях. Если *поэтому* что-либо и конкретизирует, то это только синтаксическое отношение, которое возникает между частями полипредикативного построения. Вследствие этого мы склонны рассматривать *поэтому* как самостоятельный релятивный компонент в структуре построений с двумя связующими средствами — союзом и текстовой скрепой.

В данных построениях имеются две линии связи. Одна из них оформлена сочинительным союзом, это связь собственно предложенческого уровня, вторая — текстовой скрепой *поэтому*, это связь текстового уровня. Двухъярусное строение и двойная связь являются формальным признаком полипредикативных построений с двумя показателями связи. И именно двухъярусным строением объясняется, например, сосуществование противительного и причинно-следственного отношений между частями полипредикативного построения: средства их выражения самостоятельны и функционируют на разных уровнях.

Позицию при сочинительном союзе *поэтому* может занимать и в многочленных сложноподчиненных предложениях с субординативными отношениями между соподчиненными придаточными частями. Например:

Она танцевала весь вечер с первым, очень красивым, но не очень разговорчивым офицером, и со вторым, которому посадили синяк ***и*** *который* ***поэтому*** *был мрачен* (В. Корнилов. Демобилизация); *Это была статуя таинственного пильтдаунского человека, в существовании которого отец, как и большинство ученых, сомневался* ***и*** *которого* ***поэтому*** *не ввел в свою коллекцию антропоидов* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *Левин сказал, что французы довели условность в искусстве как никто* ***и*** *что* ***поэтому*** *они особенную заслугу видят в возвращении к реализму* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

В качестве базового построения в этом случае выступают многочленные сложноподчиненные предложения с однородным соподчинением придаточных частей. Соподчиненные придаточные многочленов сочинены, и именно на сочинительную связь наслаивается текстовая связь, оформленная скрепой *поэтому*.

Ср.: *Сережа сообщил гостям, что дома, кроме бабушки, никого нет* ***и*** *что они смело могут войти в дом* и *Сережа сообщил гостям, что дома, кроме бабушки, никого нет* ***и*** *что* ***поэтому*** *они смело могут войти в дом* (А. И. Свирский. Рыжик; НКРЯ).

В результате такого наслоения между сочиненными частями устанавливаются причинно-следственные отношения.

Следовательно, в этих построениях между сочиненными придаточными также имеется две линии связи: первичная (предложенческий уровень) создается сочинительным союзом, вторичная (текстовый уровень) — скрепой *поэтому*. Впервые вторичную связь в таких построениях обнаружили Т. А. Колосова и М. И. Черемисина [3: 27–28], при этом, на наш взгляд, показательно, что для квалификации второго средства связи в многочленах ученые не употребляют термин «конкретизатор», хотя позиция и функция вторичного релятива в сложносочиненном предложении тождественна позиции и функции вторичного релятива в многочлене.

По нашему мнению, неприменимость понятия «союзный конкретизатор» по отношению к слову *поэтому*, функционирующему в позиции при другом средстве связи, подтверждается методом двухуровневого синтаксического анализа, который использовался в ходе исследования. Этот метод был разработан А. Ф. Прияткиной при изучении осложненного предложения. Вероятно, он требует доработки в связи с выходом объекта исследования за пределы монопредикативных построений и выделением еще одного уровня анализа — текстового.

Итак, благодаря своей местоименно-наречной природе, *поэтому* осуществляет связь и выражает отношения между фрагментами текста или между предикативными единицами, объединение которых в полипредикативное построение происходит в том числе и на уровне текста. В позиции при союзе или союзном слове *поэтому* участвует в оформлении второй линии связи между

частями полипредикативных структур, выступая в качестве одного из организаторов построений с вторичной связью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилевская Т. А.* Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

2. *Колосова Т. А.* Зависимость семантики сложных предложений от лексического состава компонентов и скреп // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. лингв. конф. Ч. 1. Томск, 1971. С. 142–147.

3. *Колосова Т. А., Черемисина М. И.* О значимости понятий «союзность» и «бессоюзность» в типологии русских сложных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения: Матер. науч. конф. Вып. 1. М., 2000. С. 24–32.

4. *Кузмичев В. В.* Слово ПОЭТОМУ как средство связи частей в сложном предложении и тексте // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». Вып. 7 / Под ред. д-ра филол. наук. К. Э. Штайн. М.; Ставрополь, 2001. С. 252–255.

5. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

6. *Новикова Н. И.* Средства выражения связей и отношений в бессоюзном сложном предложении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

7. *Прияткина А. Ф.* К изучению союзных связей «вторичного» характера // Современный русский язык: Уч. зап. Дальневосточ. ун-та, Владивосток, 1970. С. 37–58.

8. *Прияткина А. Ф.* Скрепа-фраза (о новой модели организации текста) // Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избр. труды. Владивосток, 2007. С. 326–334.

9. *Селюнина О. А.* О конструкции с вторичной связью // Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века: Матер. междунар. симпозиума, 4–5 мая 2009 года, Самара. Самара, 2009. С. 167–171.

10. *Фигуровская Г. Д.* Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений). М., 1996.

11. *Холодов Н. Н.* Строение и значение сложносочиненных предложений с союзом «но» // Русский язык в школе. 1974. № 1. С. 71–76.

12. *Ширяев Е. Н.* Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филологические науки. 1980. № 2. С. 49–54.

[хроника]

[«КАКИМ Я ВИЖУ РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАВТРА»]

(Продолжение. Начало на с. 20, 26)

меняются эти люди… Очень хочется, чтобы Наш Русский завтра не перестал развиваться, чтобы он продолжал обогащаться новыми гранями, преломляясь во всех тех разных, непохожих друг на друга людях, которых он объединяет» (Анна Коссинская, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, гуманитарный факультет, кафедра русского языка).

Если бы русскому языку дали право голоса, то он бы мог сказать: *«Про меня часто говорят, что я „великий“ и „могучий“, но сам по себе, без людей я мертвею. Я — лишь инструмент, который может красиво зазвучать только в руках искусного музыканта» (Федотова Елена, студентка Российского государственного гидрометеорологического университета, кафедра «Связи с общественностью»).*

Так что прогнозы на будущее русского языка, высказанные участниками конкурса, совсем не пессимистичны. Наши современники прекрасно сознают, что язык — живой организм, что творческий ресурс его использования сильнее и важнее речевого «мусора». *«За будущее языка я спокойна. Я сижу в Интернете, я вижу, сколько неологизмов появляется там каждый день. Что-то приживается. Что-то исчезает. И это говорит о том, что язык живет. Пульсирует. Растет. Главное, чтобы ему не мешали…Мы огромная страна, и это подразумевает огромное число языковых оттенков. И не надо пытаться их нормировать — надо просто понимать, что они есть» (Нина Сомина, студентка факультета журналистики).*

Авторы сочинений задумывались и об активном отношении к языку. Учителя-словесники подчеркивали ответственность учителя, а студенты-журналисты писали о роли СМИ как барометра, не только улавливающего изменения в речевом поведении современников, но и определяющего тенденции развития. Наиболее цитируемыми в этом контексте стали слова И. С. Тургенева о «великом» и «могучем» языке и знаменитые строки Анны Ахматовой. Именно эти высказывания, как показали сочинения, имеют в современном языковом сознании наиболее высокий «прецедентный статус», являясь абсолютными чемпионами по числу цитирований.

Большинство авторов эссе указывали на огромную роль чтения, русской литературы, вообще хорошей книги в формировании речевой культуры человека. Одна из участниц представила в своем сочинении такую образную картинку: *«Книги занимают особенное место в нашей жизни. В теплый весенний вечер, когда уже так пахнет теплой землей, ванильным мороженым и булочками с маком из пекарни, вы берете любимую книгу и, усаживаясь на небольшой скамейке в Таврическом саду, жадно вчитываетесь в каждую строчку, только иногда отвлекаясь на смешных малышей с воздушными шариками» (Степаненко Валерия, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, кафедра русского языка).*

Русский язык рассматривался участниками конкурса в контексте взаимодействия с другими языками и культурами, подчеркивалась его роль объединителя народов и стран ближнего зарубежья, особенно на Украине.

Будущие преподаватели русского языка как иностранного видят место русского языка в ряду мировых языков, подчеркивают его значимость и высокий статус как языка международного, интерес к изучению которого остается высоким.

На сегодняшний день главная задача русиста — это помочь обучающимся с помощью русского языка постигнуть си-

(Окончание на с. 86)

Н. А. Енина

ВАРИАНТЫ СОЮЗА *НЕ ТО ЧТО(БЫ) … А (НО)*

NATALYA A. ENINA
THE VARIANTS OF CONJUNCTION *НЕ ТО ЧТО(БЫ) … А (НО)*

Статья посвящена вариативности сочинительного союза не то что(бы)…а (но). Автор представляет различные точки зрения, указывая на сложность и неоднозначность вопроса. Рассматривается соответствие союзных вариантов основным требованиям со стороны формальных внешних признаков, единства семантики, коммуникативной функции союза.

Ключевые слова: вариант, материальная и коммуникативная градация, функция союза.

The article is devoted to variativity co-ordinating of conjunction. The author presents various viewpoints and exposes the all complexity and ambiguity of the problem. The author tries to bring conjunction variants into accord with principal uniformity necessities of semantics and communicative function.

Keywords: a variant, material and communicative gradation, function of conjunction.

Наталья Анатольевна Енина

Преподаватель Академии управления и права
(г. Смоленск)
► akasta13@mail.ru

Сочинительный союз *не то что(бы) … а (но)* принадлежит к единицам языка, долгое время остававшимся вне поля зрения лингвистов. В лингвистической литературе отмечаются разночтения в толковании союза.

Обратимся к формальной стороне конструкций с этим союзом и сосредоточим внимание на его вариантах. Последними признаются разновидности одной и той же языковой единицы, обладающие одинаковым значением, но различающиеся по форме.

В современном русском языке существуют два основных подхода к вопросу о вариантах союза *не то что(бы) … а (но).*

Одни исследователи считают союзы *не то что … а (но)* и *не то чтобы … а (но)* самостоятельными лексико-морфологическими единицами с общим значением. Сторонники этой точки зрения признают вариативным только второй союзный компонент (В. А. Белошапкова, Ф. В. Попов, Л. А. Дерибас, Р. П. Рогожникова и др.). В «Русской грамматике» союзы *не то что… а (но)* и *не то чтобы а (но)* рассматриваются как самостоятельные языковые единицы [1: 632].

Другие ученые допускают варьирование двух союзных компонентов. Впервые Ф. И. Серебряная отметила, что союз *не то что… а,* наряду с другими собственно градационными союзами, характеризуется множеством вариантов. Она указала, что «модификации первой и второй его части очень часты и заключаются в том, что первая часть может, наряду с *что*, содержать и *чтобы*, а во второй, помимо противительного союза *а,* возможен и союз *но*, за которым иногда следует *и*; часто… вторая часть может отсутствовать. Все это обусловливает значительные сдвиги в значении построений, где выступает данный союз». Формальное обозначение всех вариантов исследуемого союза Ф. И. Серебряная представила обозначением *не то что(бы) … а* [2: 81]. Мы придерживаемся точки зрения Ф. И. Серебряной. Все варианты союза *не то что(бы) … а (но)* будем рассматривать как его формальные варианты.

Учитывая вариативность первого союзного компонента *не то что(бы)*, считаем правомерным разбить варианты на две союзные группы. Одна группа с компонентом «*что*», другая — с компонентом «*чтобы/чтоб*». В группу с компонентом «*что*» включен вариант с компонентом *не только что,* в группу с компонентом «*чтобы/чтоб*» — вариант с компонентом *не так чтобы чтоб* [3: 280].

В указанные группы входят следующие двухместные единицы:

1) *не то что … а, не то что … но, не то что … но и, не то что … а и, не то что … и, не то что … однако, не только что … а, не только что … но и;*

2) *не то чтобы/чтоб … а, не то чтобы / чтоб … но, не то чтобы … но и, не то чтобы … а и, не то чтобы … однако, не так чтобы … а, не так чтобы … но.*

В каждую группу включаются одноместные варианты союза с прямым и обратным порядком равноправных компонентов конструкции.

Кроме названных, встречаются варианты, или подварианты, которые строятся с участием факультативных компонентов конструкции и тесно связаны со вторым союзным элементом. В лингвистической литературе нет обоснования, по которому можно было бы отличить союз от союза с конкретизатором.

В нашей выборке из 4100 примеров в качестве факультативных компонентов конструкции (25% от общего количества союзных употреблений) выступают наиболее частотные лексемы: *даже, просто, скорее, хотя/хотя бы, все же, все-таки, как-то, как бы, так, только, прямо, будто, словно, вроде, что-то, сам, самый, какой, какой-то, еще, уже, вообще* и др.

В некоторых предложениях при изменении порядка расположения равноправных компонентов перестраивается и сам союз. Из двухместного союза *не то что(бы) … а (но)* он превращается в одноместный союз *не то что(бы)/а не то что(бы).*

Напр.: *Бывает так, что человека* ***даже*** *в луже найти не могут,* ***не то что*** *в горном озере* (А. Таманцев. Погоня за призраком); *Значит, вся сила в том, что Звездочет попал не на свое место, что он был человек без призвания,* ***а не то чтобы*** *колдун или демон* (Н. Помяловский. Очерки бурсы).

Все варианты с компонентами *не то что* и *не то чтобы* признаются вариантами одного союза *не то что(бы)… а (но)* на основании их соответствия требованиям, предъявляемым к вариантам языковых единиц: 1) наличия общего значения и 2) единства функции. Для обоснования мы будем использовать примеры с вариантами союзов с компонентами *не то что* и *не то чтобы* в первой части союза и с компонентом *а* во второй, одноместный вариант союза с прямым порядком расположения членов сочиненного ряда.

Рассмотрим первое требование со стороны синтаксических отношений, устанавливаемых а) между равноправными компонентами (градационные отношения) и б) со стороны отношений равноправных компонентов к общему третьему [4: 20].

В современном русском языке отвлеченным, общим значением, охватывающим все частные, для данного союза признается градационное значение. Градационные отношения, устанавливаемые союзом, характеризуются преобладанием одного компонента над другим. Союз акцентирует

внимание на материальном, вещественном, различии и указывает на материальную градацию [4: 27].

Все варианты анализируемого союза используются при «материальном перевесе»: в одних примерах более весомым является первый равноправный компонент, в других — второй.

Напр.: *Вас так долго не было, товарищ Боковитый, что мы тут* ***не то что*** *три — двадцать три, а может, и тридцать три обсудили пункта* (С. Залыгин. Три пункта бытия); *Марья встретила их* ***не то чтобы*** *сдержанно — враждебно* (Ф. Абрамов. Братья и сёстры);

В этих примерах большая материальная весомость второго компонента конструкции по сравнению с первым очевидна: три — двадцать три; сдержанно — враждебно.

Рассмотрим пример с «материальным перевесом» первого равноправного компонента.

И не то чтобы *улыбнуться или слово сказать, головы не повернул в ее сторону* (Ф. Абрамов. Алька).

Сначала необходимо *повернуть голову* в сторону собеседника, выполнить более легкое действие, а затем *улыбнуться* или *слово сказать*. В конструкции наблюдается нисходящая градация.

Союзные варианты *не то что(бы)… а* создают условия для того, чтобы равноправные компоненты актуализировали материальную градацию. Тем не менее второй равноправный компонент всегда прогнозируется и предопределяется, когда говорящим произнесена первая союзная часть *не то что* или *не то чтобы*.

Рассмотрим отношения равноправных компонентов к общему третьему. В лингвистической литературе союзы с компонентами *не то что* и *не то чтобы* относительно описываемой ситуации противопоставлены друг другу. Ф. И. Серебряная указала на различия вариантов в отражении реальной действительности. «В построениях с *не то что…а* оба компонента реальны, в построениях же с *не то чтобы… а* действен только один компонент» [2: 81].

Действительно, в предложениях с союзом, содержащим компонент *не то что,* могут быть реальны оба равноправных компонента.

Напр.: *Судите сами. Какой литературный журнал ни открой, стихи там (бывают и исключения, разумеется)* ***не то что*** *нехороши,* ***а*** *до безликости похожи* (В. Цивунин. Время хоморайтера // Континент. 2003. № 118).

В этом примере реальны оба компонента, так как союзная часть *не то что* не отрицает тот факт, что стихи *нехороши*, напротив, подчеркивает необходимость второго компонента (*до безликости похожи).*

Принимая точку зрения с Ф. И. Серебряной, считаем необходимым уточнить: варианты с компонентом *не то чтобы/не так чтобы* тоже допускают реальность каждого компонента с общим третьим.

Напр.: *Потом инфляция. Деньги падали в цене* ***не то чтобы*** *ежедневно — ежечасно* (С. Залыгин. История династии Лян); *Нам грозило* ***не то чтобы*** *исключение,* ***а*** *лагерь, или вообще могли стереть в порошок* (В. Ермолин. Место родины. К уходу Георгия Владимова // Континент. 2003. № 118); *И вдруг пришла в Прудки невероятная весть — Тихановский район закрыли.* ***Не так чтобы*** *закрыли — и все тут. Разъяснили, что район перестал быть рентабельным…* (Б. Можаев. Живой).

В этих предложениях скорость обесценивания денег *ежедневно — ежечасно,* угроза *исключения* и *лагерь, закрытие* района и *разъяснение* причины представлены как реальные факты.

Отрицательно-утвердительное значение отмечается в конструкциях с союзным компонентом *«что»,* хотя в большей мере присуще союзным вариантам с компонентами *не то чтобы/не так чтобы,* т. е. информация, заключенная во втором компоненте, исключает содержание первого.

Напр.: *Потому мне и весело, что мы будем совсем как не то что чужие, а равноправные будем* (Л. Толстой. Зараженное семейство); *А уж для гурманов, для самых больших ценителей ужасного предлагается блюдо поосновательней, космическое — конец света вообще. И не то чтобы старомодный, евангельский, по Откровению Иоанна, а — модерный* (М. Новикова. Соблазны // Новый мир. 1996. № 5).

В этих конструкциях союзные варианты с компонентами *«что»* и *«чтобы»* сигнализируют о том, что в описываемой ситуации реальным может быть только второй компонент: отношения, свойственные чужим людям, заменятся

равноправными; конец света возможен совсем иной — модерный.

Способность проявления двух значений по линии отрицательной и утвердительной связи, вероятно, связана с тем, что в семантике союза вполне «уживаются» противоположные семы: «утвердительная» и «отрицательная».

Этот определяющий признак отличает анализируемый союз от других двухместных градационных союзов.

Единство функции союза находит выражение в коммуникативном аспекте. Союз *не то что(бы)… а (но)* располагает компоненты по линии данное-новое [4: 28], обеспечивая связность текста. Поэтому перестановка равноправных компонентов недопустима.

Напр.: ***Не то что*** *проводник — дежурный помощник военного коменданта ничего не смог поделать* (А. Белянинов. Незабытые вечера); *Затем в его словах промелькнуло что-то, что горсовет хочет расправиться* ***не то чтобы*** *со мной,* ***а*** *с «Северной пчелой»* (Л. Петрушевская. Девятый том)

Порядок компонентов в первом предложении отражает иерархию лиц по социальному положению, являющуюся не предпочтительной, а контекстуально диктуемой (события разворачиваются в пассажирском поезде). Во втором предложении компоненты располагаются по степени значимости для говорящего (в высказывании передается косвенная речь редактора газеты «Северная пчела») тоже в соответствии с повествованием.

Чтобы объяснить, почему автор менее важный, чем журнал «Северная пчела», и почему эти два компонента сравниваются по степени значимости, нужно обратиться к контексту.

Действительно, союзу *не то что(бы) … а (но)* и его вариантам свойственно объединение в единую конструкцию равноправных компонентов, обозначающих реалии окружающей действительности, как совместимые, так и несовместимые друг с другом. Иногда в контексте более значимым оказывается не то, что более важно в окружающем мире.

Напр.: *«Я* ***не то что*** *Бога, я и господина пристава Каюду не боюсь, вчера его под арест взял!»* (Б. Горбатов. Донбасс).

Союзный компонент *не то что* помечает первый равноправный компонент как менее важный, а второй как более весомый и значимый. Но традиционное соотношение значений равноправных компонентов совсем другое.

Таким образом, специфической особенностью союза *не то что(бы)… а (но)* является наличие вариантов, которые представляют группу с компонентом *«что»* и группу с компонентом *«чтобы»*.

Рассмотренные варианты союза неспособны вносить материальную градацию в предложение, но не препятствуют ее выражению равноправными компонентами. Особенностью значения со стороны отношений равноправных компонентов и общего третьего является то, что в одних предложениях они могут помечать оба равноправных компонента как соответствующие реальной действительности, в других отвергать один из компонентов как ложный. Функция противопоставления данного новому является единой для всех вариантов. То есть варианты с компонентами *не то что* и *не то чтобы* удовлетворяют основным требованиям их идентификации. Это позволяет рассматривать любые контекстные союзные варианты как модификации одного союза, а не выделять единицы с компонентами *«что»* и *«чтобы»* как самостоятельные союзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.

2. *Серебряная Ф. И.* Градационные союзы в современном русском языке (Некоторые наблюдения над структурой построений с составными градационными союзами) // Филологические науки. 1969. № 6. С. 72–83.

3. *Стародумова Е. А.* Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001.

4. *Троицкий Е. Ф.* Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. Смоленск, 1987.

О. В. Трофимова

РАЙОННЫЕ ГАЗЕТЫ

OLGA V. TROPHIMOVA
THE REGIONAL NEWSPAPERS

Региональный газетный текст представляет собой феномен, в котором совмещаются общероссийские и местные составляющие в отношении как содержания, так и языковой формы его выражения. В условиях современной разобщенности субъектов Российской Федерации центральные СМИ постепенно утрачивают объединяющую функцию: в масс-медиа каждого региона, претендующего на некую долю самостоятельности и реально обладающего ею, наблюдаются и центробежные, и центростремительные тенденции. На этом фоне русский язык выступает как гарант сохранения единства государства, и потому сегодня особенно актуальным становится изучение региональных газетных текстов.

Ключевые слова: региональные СМИ, язык СМИ, синтаксис заголовка, композиция.

The regional newspapers, which include the publications on the all-Russian, regional and local themes, almost all adult population of rural areas of the south of the Tyumen region reads. Authors and readers of these newspapers are in dialect environment that specificity imposes on the language situation, which are reflected in regional mass-media.

Keywords: regional mass media, the language of mass media, the syntax of headline, the composition.

Ольга Викторовна Трофимова

Доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Тюменского государственного университета, член Союза журналистов России
► otrofim@rambler.ru

Справка

Тюменская область представляет собой сложноустроенный субъект Российской Федерации, включающий Ханты-Мансийский автономный округ Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ и юг Тюменской области, который в прежние годы часто называли «сельхоззона». В списке районных СМИ юга Тюменской области — 24 наименования общественно-политических газет, из них одна — «Янарыш» — издается на татарском языке. Для того, чтобы составить некоторое цельное представление о газетах из самой «глубинки» региона, обратимся к 10 изданиям тех районов, на территории которых нет ни одного городского поселения. Сведения о них приведены в табл.

Возрастной состав населения на 01.01.2002: трудоспособного возраста от 51% (Абатский р-н) до 54% (Юргинский), моложе — от 18% (Исетский) до 28% (Викуловский, Тобольский и Ярковский р-ны), старше — от 19% (Казанский и Тобольский р-ны) до 23% (Абатский).

Национальный состав населения на 01.01.2002: русские (от 50% в Ярковском до 95% в Викуловском р-не), татары (до 32% в Ярковском р-не), чуваши (до 8,6% в Нижнетавдинском р-не), казахи (до 6% в Сладковском р-не), немцы (до 4% в Казанском р-не), украинцы (до 1% в семи из 10 рассматриваемых районов юга Тюменской области) и др.

Носители русского литературного языка в районах юга Тюменской области традиционно находятся в диалектном окружении[1], и стоящая

Таблица. **Районные СМИ Тюменской области**

Газета	Район; количество населенных пунктов (сельских поселений); площадь; численность населения на 01.01.2002	Издается с…	Прежние названия	Тираж 2009 г. (экз.) (в среднем 1 газета на…)
«Заря» (З)	Исетский, 41 пос.; 2,8 тыс. км^2; 28 тыс. чел.	15 июля 1931 г.	«Путь к социализму» (до 03.1953); «Ленинское знамя» (до 04.1962)	4607 (6 чел.)
«Красная звезда» (КЗ)	Викуловский; 58 пос.; 5,8 тыс. км^2; 20 тыс. чел.	15 декабря 1931 г.	«Колхозник» (до 1933)	3942 (5 чел.)
«Наша жизнь» (НЖ)	Казанский; 40 пос.; 3,1 тыс. км^2; 24,7 тыс. чел.	20 ноября 1931 г.	«Колхозное знамя» (до 11.1961); «Заря коммунизма» (с 01.1963 до нач. 1990-х)	5648 (4,4 чел.)
«Призыв» (П)	Юргинский; 33 пос.; 4,4 тыс. км^2; 14,4 тыс. чел.	Февраль 1935 г.	«Коммунар» (до 1971)	2689 (5,4 чел.)
«Светлый путь» (СП)	Нижнетавдинский; 82 пос.; 7,4 тыс. км^2; 26 тыс. чел.	Октябрь 1931 г.	«На колхозной стройке»; «Знамя Ленина» (с 1959 до 04.1965)	2907 (8,9 чел.)
«Сельская новь» (СН)	Абатский; 65 пос.; 4,1 тыс. км^2; 26,2 тыс. чел.	Ноябрь 1933 г.	«Сталинское знамя» (до 1956), «За коммунизм»	4620 (5,7 чел.)
«Слава труду» (СТ)	Аромашевский; 43 пос.; 3,9 тыс. км^2; 16,1 тыс. чел.	20 февраля 1930 г.	«Колхозный клич» (до 1961); «Совхозная жизнь» (до 1 июня 1971)	3313 (4,9 чел.)
«Советская Сибирь» (СС)	Тобольский; 123 пос.; 17,5 тыс. км^2; 25 тыс. чел.	1962 г.		2644 (9,5 чел.)
«Трудовое знамя» (ТЗ)	Сладковский; 48 пос.; 4 тыс. км^2; 16,9 тыс. чел.	Март 1932 г.	«Ленинский путь» (до 1937)	2579 (6,6 чел.)
«Ярковские известия» (ЯИ)	Ярковский; 74 пос.; 6,6 тыс. км^2; 16,9 тыс. чел.	Сентябрь 1931 г.	«Ярковский колхозник» (до 1937); «По ленинскому пути» (до 1965); «Знамя коммунизма» (до 1991)	2973 (5,7 чел.)

перед СМИ (одна из функций которых — поддерживать статус государственного языка) задача быть понятыми читателями решается в трудных условиях по-разному. Одни «районки» идут вслед за сельским читателем, говоря с ним на его языке, другие пытаются приобщить селян к нормам «городской» речи.

Данные таблицы позволяют сделать вывод о том, что в среднем на юге Тюменской области 1 экземпляр районной газеты приходится на 6 человек (включая младенцев); с учетом того, что одну газету читают до 5 человек, можно сказать, что свою «районку» читает все взрослое местное население.

Газеты выходят два раза в неделю (напр., вторник и пятница, среда и суббота), цена в 2009 году в основном составляла 3 руб. 63 коп. (минимальная — 1 руб. 92 коп.).

Постоянные рубрики

Все газеты имеют специальные полосы, посвященные праздникам, в том числе профессиональным (напр.: «11 октября — День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности», «25 октября — День работников автомобильного транспорта» и др.), государственным и региональным памятным датам (напр.: «30 октября — День памяти жертв политических репрессий», «Год Великой Победы», «К Дню Победы», «К 90-летию тюменского комсомола», «К 85-летию района» и др.), а также повторяющиеся тематические полосы (напр.: «Во саду ли, в огороде…», «Работа. Хозяин. Подворье», «Молодежный перекресток», «Школьный день»).

Во всех анализируемых газетах есть постоянные рубрики, содержащие:

- новости: «Местное время», «Хорошая новость!», «Новости — газетной строкой», «ИА „Тюменская линия“ сообщает», «Короткой строкой», «Сельский курьер», «Коротко о разном»;
- актуальные аналитические материалы: «Актуально!», «Тема дня», «Вопрос номера», «По поводу», «Тревожный сигнал»;
- официальную информацию: «В администрации района», «В районной администрации», «В районной думе», «В думе Аромашевского муниципального района», «Власть. Территория, Люди»;
- региональные документы: «Официальная информация»; «Районный вестник»; «Вестник районной администрации», «Официально»; «Специальные выпуски сельских поселений»;
- материалы о сельском хозяйстве: «Дела крестьянские», «Посевная -2009», «На фермах района», «Урожай-2009», «Сельхозобозрение», «Вечерняя дойка»;
- материалы о людях села: «Твои люди, село», «Знай наших!», «Наши юбиляры», «Юбилеи. Юбиляры», «Золотая свадьба», «Рабочая гордость Прииртышья», «Гордость земли Викуловской», «Живут в сельской глубинке люди», «Как живешь, ветеран?», «Журналистские встречи»;
- материалы о депутатской деятельности: «Депутатский час», «Сельский депутат», «Дела депутатские»;
- информацию о реализации национальных проектов: «Национальный проект», «Реализация национального проекта „Развитие АПК“ („Образование“, „Здоровье“, „Доступное и комфортное жилье — гражданам России“)», «2009 — Год молодежи»;
- актуальную общественную проблематику: «Социум», «Программа „Молодая семья“», «Занятость населения», «Самообеспечение», «Антикризисные меры», «Антикризис», «Малый бизнес», «Месячник гражданский защиты», «Акция», «Хозяйство личное — забота общая»;
- информацию и советы специалистов: «ГИБДД информирует», «Прокуратура информирует», «Сообщает 01», «К сведению», «Советует специалист», «Слово специалисту», «Комментарии специалиста», «На заметку цветоводам и огородникам», «За здоровый образ жизни», «В здоровом теле — здоровый дух»;
- материалы на темы морали: «Верую!», «На тему морали», «Память», «Школа мужества», «Есть проблема», «Православие», «Человек и закон», «Исповедь»;
- материалы на темы культуры: «В учреждениях культуры», «Культура», «Фестиваль», «Музыкальная встреча»;
- исторические сюжеты: «Краеведение», «Даты и события», «Победители», «Ровесница района», «Год Великой Победы»;
- материалы, посвященные молодому поколению: «Образование», «Учеба», «Военно-патриотическое воспитание», «Родителям на заметку», «Семья», «Мир детства»;
- поэтические строки: «Поэтическая страница», «Из поэтической тетради», «Почитай-ка!», «Настроение»;
- материалы о спорте: «Спорт», «Спорт, спорт, спорт», «Спортивные вести», «Автоэкспедиция»;
- «досуговую страничку»: «Досуг», «Народный календарь», «Гороскоп»;
- коммерческий блок (как правило, последняя полоса) представлен рубриками: «Поздравляем!» («Сердечно поздравляем», «От всей души», «Со словами благодарности»); «Реклама и объявления» («Поздравления. Объявления. Реклама», «Продаем», «Услуги», «Покупаем», «Объявления», «Продают. Покупают», «Продается»). Газеты печатают программу телевидения;
- обратная связь с читателями поддерживается в рубриках: «Письма в газету», «Из писем в редакцию», «Нам пишут», «Из редакционной почты», «Нам пишут читатели», «Прошу слова», «Спрашивали — отвечаем», «Дежурный телефон», «Дежурный репортер»;

• возвращению к ставшим важными проблемам посвящены рубрики: «Продолжаем разговор», «По следам публикации», «Вслед событию», «Возвращаясь к напечатанному», «По следам памятной даты».

Русский синтаксис в заголовках районных газет

Известно, что нередко газету «читают» только по заголовкам, составляя таким образом представление о содержании материалов. Пролистаем газеты и мы.

Сплошная выборка заголовков по 3 номерам 3 газет за сентябрь–октябрь 2009-го (*Полоса / тематическая полоса.* Рубрика. Заголовки)

«Заря», 16.10.2009

1. **Тема дня.** Пашне пора на зимний отдых; Заключительная информация по итогам уборочных работ — 2009; **Актуально!** Осенний призыв. **Коротко о разном**. • ***2. 18 октября — День работников дорожного хозяйства***. Дорога — работа, путь — забота. • ***3. Работа. Хозяин. Подворье***. **Актуально!** Дело должно быть ДЕЛОМ. **Для ЛПХ**. Еще одна программа. **Самообеспечение**. Всей семье занятие. Продолжаем разговор. Куда закинуть удочку? • ***4.*** **Официальная информация; Знай наших!** Умело сражались! **Спорт.** Есть победа! • ***5.*** **Программа телевидения; Настроение.** «Уж небо осенью дышало…» • ***6.*** **Почитай-ка!** Зайдем в библиотеку; Криминальная информация. • ***7–8.*** **Продаем. Услуги. Покупаем. Желаем счастья!**

«Заря», 20.10.2010

1. **Реализация национального проекта «Развитие АПК».** Кризис перспективе не помеха. • ***2.*** У надежного банка есть авторитет! **Музыкальная встреча.** И звенели струны души! **Официальная информация.** • ***3.*** **Актуально!** Золотистая не золотая. **Досуг.** Здесь рады любителям книги. • ***4.*** **Разное. Продаем. Покупаем.**

«Заря», 23.10.2009

1. **В администрации района.** К проблемам — по-хозяйски. **Хорошая новость!** Добро пожаловать в ЗАГС! • ***2; 25 октября — День работников автомобильного транспорта.*** Такая у нас работа — быть всегда в пути! • ***3; Во саду ли, в огороде…*** Не ленились — потрудились. • ***4.*** **Официальная информация.** • ***5.*** **Программа телевидения; Верую!** У храма юбилей! • ***6.*** **Семья.** Временем проверенный. **Знай наших!** Маша — лауреат! **Актуально!** О детсадовских буднях. **Учеба.** Помощь. Поддержка. **Из редакционной почты.** На пути в школу. • ***7–8.*** **Продаем. Услуги. Покупаем. Разное.**

«Светлый путь», 1.09.2009

1. **1 сентября — День знаний.** Первоклашка; «Наша новая школа». **Есть проблема.** Дайте людям воды. **По поводу.** Мы можем избежать трагедий! • ***2.*** **В постоянных комиссиях.** Чтобы правонарушений было меньше, нужно работать качественнее. **Программа «Молодая семья».** Равняемся на женщину. **Приоритетный национальный проект «Здоровье».** Население России не должно вымирать. • ***3.*** **Юбилеи.** Жизнь поставила две пятерки. **Из редакционной почты.** Мы за чаем не скучаем. **Конкурс.** Приобрели участок и забыли про кино… **Культура.** Ничего на свете лучше нету… • ***4.*** **Спрашивали — отвечаем.** Здесь выращивали коней для Красной Армии. **Территория успеха.** Не было печали — просто уходило лето… **Официально. Реклама. Объявления. Поздравления.**

«Светлый путь», 22.09.2010

1. **Урожай-2009.** Убрана почти половина… **Сельский депутат.** Большой наказ выполняется. **Самообеспечение.** Как потопаешь, так и полопаешь. **«Месячник гражданской защиты».** Терроризм — угроза обществу! **Социум.** Чем хороша «Социальная» карта? • ***2.*** **По поводу.** Дорожники на страже безопасности движения; Эта служба будет нужна всегда. **По следам публикации.** Два в одном — выгодное предложение. **Культура.** Детские рисунки — частица истории села. **В прокуратуре района.** • ***3.*** **Фестиваль.** Трудовое лето не прощается, а говорит: «До новых встреч!» • ***4–7.*** **Официально.** • ***8.*** **Поздравления. Объявления. Реклама.**

«Светлый путь», 10.10.2010

1. **День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности.** Главное в работе — люди! **Месячник гражданской защиты.** Осторожно, гололедица! • ***2.*** **Юбилеи.** В ее жизни есть Вера, Надежда и Любовь. **Золотая свадьба.** Заслуженная награда для двух любящих сердец. • ***3.*** **Православие.** Воспевая край родной добрыми делами. • ***4.*** **Исповедь.** А любовь всегда бывает первою… **В мире искусства.** Миф XX века (Бриджит Бардо). • ***5.*** **Официально; В прокуратуре района.**

Теорема не доказана; Банальная история; Поездка в магазин за 5000 рублей. • ***6.*** **Поэтическая страница.** Нижняя Тавда. Осень. • ***7.*** **Программа.** • ***8.*** **Поздравления. Объявления. Реклама.**

«Советская Сибирь», 15.10.2009

1. **Местное время.** Ряды «единороссов» растут; О самозанятости, делах молодежных и спортивных; На рынке труда ситуация стабильная; Ребенок не котенок. **2009 — Год молодежи.** Сделать жизнь ярче; —. Совместный проект «Охота за тенью». • ***2.*** **Местное время.** Растим патриотов; В здоровом теле — здоровый дух. **За здоровый образ жизни.** В Тобольском районе наркомании нет? —. Свет в каждый дом. • ***3. Вестник районной администрации.*** • ***4–6.*** **На экране телевизора. Поздравляем! Объявления.**

«Советская Сибирь», 29.10.2009

1. **К 90-летию тюменского комсомола.** Что такое комсомол?; Сибирские тимуровцы; История Союза молодежи Тобольского края; Все начиналось с комсомола. **Комсомол района газетной строкой.** Юность, ты — солнце, ты — миг торжества! • ***2–3. Комсомолии звездная слава наполняет сегодняшний век.*** Я в сердце ему прописку дала; Пионерская вожатая; Время трудное, но счастливое; «Нас объединяет одно — борьба…»; Молода всегда; Бесценный опыт; «Это наша с тобой биография». • ***4–6.*** **На экране телевизора. Поздравляем! Объявления.**

«Советская Сибирь», 31.10.2009

1. **30 октября — День памяти жертв политических репрессий.** Остался лишь след на сердце. **Антикризис.** Адекватная политика региона. **Местное время.** Благоустраиваем для себя; Новоселье близится. **Небесная канцелярия.** Погода от WWW.HMN.RU. • ***2. Человек живет, пока жива память о нем. Вот и события вчерашнего дня горькой памятью и скорбью отозвались в сердцах тех, кто прошел через сталинские репрессии.*** Прошлое не подлежит забвению; Пока горит свеча; Жизнь казалась жутким сном. • **3. Возвращаясь к напечатанному.** Дымок над отчим домом. **По следам памятной даты.** Я всей судьбою с комсомолом слился! **Прошу слова.** Поддерживаю и доверяю. • ***4.*** **Вестник районной администрации; Наши юбиляры. Автоэкспедиция.** От Санкт-Петербурга до Владивостока. **Фестиваль.** На высокой ноте. **Объявления.**

Анализ заголовков показывает, что во всех рассматриваемых газетах в композиционной позиции заголовка преимущественно употребляются простые двусоставные и односоставные предложения, а также сложные предложения. Конструкции с одним именительным падежом существительного будем рассматривать как словосочетания — свободные синтаксемы заголовка (по Г. А. Золотовой): на 70 предикативных заголовков 9 номеров приходится 19 номинативов. Кроме того, в заголовках употреблены 2 делибератива, 1 локатив и 1 синтаксема со значением «критерий признака» (*На высокой ноте*).

Обращение к остальным газетам позволило обнаружить в позиции заголовка все типы синтаксических конструкций, причем предикативные так же явно преобладают. Единичны словоформы, функция которых в проекции на текст может рассматриваться как функция квалификативно-оценочного предиката: *Воспитатель* (НЖ), *Специалист* (СТ).

Аналоги простых подчинительных словосочетаний употребляются реже, чем сложные. Это, как правило, примеры именного примыкания (или слабого управления): *День призывника* (ТЗ), *Обладатель спецприза* (НЖ), *Храм знаний* (ЯИ); реже — сильного управления: *Не чувствуя усталости* (НЖ), *Для участия в конкурсе* (СН), *Не снимая фуражки* (ЯИ), также согласования: *К родным берегам* (П), *Любимый дедушка* (НЖ), *Клевое место* (ЯИ). Единичны случаи классического примыкания: *Свидание вслепую* (ЯИ).

Сложные словосочетания реализуют модели соподчинения: *Изменения и дополнения в действующий Устав* (П) и последовательного подчинения: *О реализации проекта «Домашняя академия»* (ЯИ).

Единичны сочинительные словосочетания: *Через годы, через испытания* (КЗ), *Футбол и волейбол* (З).

Двусоставные предложения, как правило, содержат именные сказуемые с разными типами связок и разной морфологической природой именного компонента: *А работа ей в радость* (ТЗ), *К зиме жилье будет готово* (ТЗ), *Ситуация остается стабильной* (КЗ), *Дорога — это жизнь*

(НЖ), *Казанцы — в числе лучших* (НЖ), *Опека может быть возмездной* (СН), *Проблема экстремизма не злободневна для абатчан* (СН).

Примеры предложений с глагольным сказуемым: *А я люблю дорогу…* (П), *Конкурс приносит сюрпризы* (ТЗ), *Проблему незанятости решает комиссия* (СН).

В заголовках встречаются осложненные предложения: *Шофер, как всегда, на крутом вираже держит руль, продолжая движенье* (СТ), а также семантически и структурно неполные двусоставные: *Подготовка началась* (СН), *Остаются на контроле* (ТЗ), *Остались довольны* (ЯИ).

Реже, чем полные двусоставные предложения, позицию заголовка занимают эллиптические предложения: *Мы — за безопасные дороги* (П.), *Молоко с подворий — на сыродавод* (ТЗ), *Из Тобольска — с успехами* (КЗ), *Рынку труда — особое внимание* (СН), *Насекомые всего мира — впервые в Абатске* (СН).

Позицию заголовка в районной газете часто занимают разные типы односоставных предложений (по мере убывания частотности): безличные: *Веселей станет всем…* (П), *Этим людям можно подражать* (ТЗ), *Такое забывать нельзя* (КЗ), *Неразрешимых задач не бывает* (СТ); определенно-личные: *Проверяем корма на качество* (ТЗ), *Приглашаем на форум* (КЗ), *Будем с хлебом* (НЖ), *Буду помнить всегда* (НЖ); номинативные: *Вместо рынка — спортивная площадка* (ТЗ); неопределенно-личные: *Здесь дорожат рабочей маркой* (СТ); инфинитивные: *Не терять связь с землей!* (З); обобщенно-личные: *Поспешай не торопясь* (НЖ).

Актуализации внимания читателя способствуют побудительные предложения: *Давайте вести диалог* (НЖ), *Поставьте прививку от гриппа* (ТЗ), *Пусть нива будет плодородней* (НЖ); эмоционально окрашенные: *Внимание, фальшивка!* (ТЗ), *Все сложилось удачно!* (КЗ), *Эх, банька!* (СН); вопросительные: *Все ли вы знаете об обязательном медицинском страховании?* (СН), *Дети — радость?* (СТ); предложения с обращениями: *Ветераны, вернитесь в строй!* (ТЗ), *Прощайте, «Ратники»!* (КЗ), *Живи, бабушка, много лет* (НЖ); нечленимые предложения, в основе которых — формулы речевого этикета: *Спасибо вам* (СН), *Большое всем спасибо!* (ЯИ).

В заголовках представлены и разные структурно-семантические типы сложных предложений: *Ваши годы — земная даль, ваша молодость вечно с вами* (П), *Мы — настоящее, и за нами будущее!* (КЗ), *Если захочешь — сможешь* (КЗ), *Есть стимул — есть результат* (СН), *Зиму провожали, весну встречали* (СН), *Программы утвердили, дело — за реализацией* (СТ), *Ты свет, что на Земле не гаснет никогда* (ЯИ).

Как показывают приведенные выше примеры, по заголовкам общественно-политических районных газет можно изучать русский синтаксис, причем классический, в меньшей степени экспрессивный, чем это демонстрируют другие типы СМИ.

Одной из примет заголовков современных СМИ является креолизация текста. Наблюдения показывают, что «районки» не пользуются шрифтовыми выделениями слова или его части для актуализации значения. Единственный подобный пример — в газете «Заря»: *Дело должно быть ДЕЛОМ*.

Прецедентные феномены в заголовках районных газет единичны. Это цитаты из советских песен, пословичные выражения, в том числе трансформированные: *Мне вальс был полезен всегда* (П), *Раз — ступенька, два — ступенька…* (ЯИ), *Финансы не поют романсы* (ТЗ), *А на войне как на войне* (КЗ), *Весенний день год кормит* (СН), *Трудиться всегда пригодится* (СТ).

Композиция текста

В шести газетах из десяти анализируемых композиционная структура текста достаточно часто содержит лид, как информационно-фактологический, так и обобщенно-аналитический, например:

> *Рубрика.* ***Заголовок.*** Лид
>
> *Урожай-2009.* ***Зерно в закромах — сытно на столах.*** Первыми в районе завершили уборочные работы хлеборобы ООО «ЗапСибХлеб-Исеть». Зерновые убраны с площади 2700 га при урожайности 27 ц/га (З, 18.09.2009].
>
> *Наши юбиляры.* ***Многое значит правильный выбор.*** Все-таки выбор профессии не бывает слу-

чайным. Пожалуй, часто происходит так: дело выбирает нужных ему людей. И тогда говорят: вот этот человек на своем месте! На своем, потому что все у него получается и есть удовлетворение, работа приносит радость. А именно это и необходимо нам в жизни (З, 18.09.2009).

25 октября — День работников автомобильного транспорта. ***Самый ценный груз.*** Жителям района, которые часто пользуются транспортом ООО «Юргинское АТП», знакомы все водители. Стоит только посмотреть на автобус, как ты уже знаешь, кому на ближайшие полчаса-час доверяешь свою жизнь (П, 23.10.2009).

Комсомол района газетной строкой. ***Юность, ты — солнце, ты — миг торжества!*** Листаю подшивку «Советской Сибири» за 1983 год. 26 лет назад, будучи заместителем редактора, я освещала жизнь и работу комсомольских организаций района. Читая материалы, я снова попала в солнечный мир юности и испытала миг торжества. Поверьте, это прекрасные чувства! Как жаль, что они пробуждаются сейчас все реже, поэтому и приходишь к выводу: чаще надо обращаться к прошлому (СС, 29.10.2009).

Вслед за событием. ***Конкурс приносит сюрпризы.*** Каждый на селе понимает: не выйти нашему сельскому хозяйству на новый, современный уровень без подготовки и привлечения молодых высококвалифицированных кадров. В сложном, нелегком труде хлебороба немало и привлекательного. Одна пахота чего стоит! Кроме точного, рационального расчета сколько красоты в хорошо выполненной работе! Недаром один философ-агроном сказал: «Не тот пахарь, кто хорошо пашет, а тот, кто любуется своей пахотой». Как помочь будущему механизатору увидеть в повседневной работе эту красоту, привлечь всеобщее внимание к ней? Не найти здесь более верного средства, чем конкурс профессионального мастерства.

Недавно на базе Сладковского ПУ-20 состоялись соревнования юных пахарей (ТЗ, 28.10.2009).

Военно-патриотическое воспитание. ***В единстве — победа.*** В один из февральских дней на территории МАУ «Молодежный центр Ярковского муниципального района» разбили лагерь участники военно-патриотической игры «Зарница». Учащиеся 14 средних школ района собрались, чтобы вкусить все прелести жизни в полевом лагере (ЯИ, 3.03.2009).

Это интересно. ***Духом пороховым.*** 9 августа — День воинской славы России, день первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут в 1714 году (ЯИ, 4.08.2010).

Письма в газету. ***Благодарны за внимание и заботу…*** Наступил октябрь, а с ним и пришел наш праздник — День пожилых людей (ЯИ, 20.10.2010).

Приведенные примеры отражают общую для районных газет картину: в текстах разной жанровой природы достаточно ярко проявляется прямая обращенность к читателю, включенность его в события, о которых идет речь. На грамматическом уровне это глагольные формы 2-го лица, личные местоимения *мы* и *вы*, объединяющие, в том числе, автора и читателей, притяжательные местоимения, определительные местоимения *каждый, всякий* и др., выражающие отношение к полноте охвата деятеля; см. также:

В нашем селе будут работать два пункта выдачи ленточек: у военкомата и у входа на стадион. Примем же участие и мы в этой акции, гордо прикрепим ленточку на грудь! (О. Субботина. «Георгиевская ленточка — 2009» // КЗ, 8.05.2009);

Уважаемые жители с. Абатское и Абатского района! Напоминаем вам, что надо быть осторожными в обращении с электрооборудованием. <…> Если вы заметили упавшие опоры, обрыв провода воздушных линий электропередач, не приближайтесь к ним на расстояние ближе восьми метров, установите охрану и немедленно сообщите в диспетчерскую службу (А. Усольцев, начальник РЭС // СН, 14.03.2009);

Любовь Владимировна Висурханова трудится бухгалтером в ООО «Бизон». По специальности она экономист-финансист. <…> «… В общем, у меня вы можете узнать все показатели предприятия, кроме заработной платы и налогов», — кратко охарактеризовала спектр своей деятельности Любовь Владимировна. В коллективе ее ценят и уважают (В. Егоров. Твои люди, село // ТЗ, 21.10.2009);

Наши читатели уже привыкли к тому, что в рубрике «В центре внимания — подросток» я пишу о тех «мамах», которые о своих детях забывают напрочь. Имена этих женщин в газете не называются, а ставятся лишь заглавные буквы их фамилий. Делается это не ради мамаш, а ради их несчастных детей, чтобы лишний раз не травмировать психику малыша или подростка.

Но реакция на материалы подобного рода всегда появляется. И она резко отрицательная. Понятное

дело, что мамашам, которые все-таки узнают себя в материале, не нравится, как о них пишут. Они приходят в редакцию газеты, в комиссию по делам несовершеннолетних, чтобы, так сказать, «найти правду». Многие из них при этом не стесняются в выражениях.

<…> На сей счет мне всегда хочется ответить одно: воспитывайте своих детей так, чтобы о вас, дорогие мамы, писали только хорошее (Т. Носкова. Давайте вести диалог // НЖ, 24.10.2009).

Содержание приведенных фрагментов актуально для читательской аудитории: это и явная событийная близость, и локальная приближенность, и связь с так называемыми «общечеловеческими» темами. О языковом качестве газетных материалов можно судить по примерам экспертных заключений[2] о качестве русской речи в четырех «районках», которые были составлены членами кафедры русского языка ТюмГУ в рамках организованного кафедрой, Тюменским областным Домом журналиста и Союзом журналистов Тюменской области конкурса «Речевая культура журналиста — 2009».

Речевая культура журналиста

1. «На экспертизу представлено пять материалов. В основе трех из них лежат интервью. Автору удается представить в них свое и чужое мнение, которое, как правило, грамматически и стилистически корректно вводится в текст. Широкая тематика представленных материалов имеет следствием большое лексическое и стилистическое разнообразие речи журналиста. Тексты отличаются синтаксическим богатством конструкций простых и сложных предложений, ярко выраженной оценочностью.

В представленных текстах нет орфографических ошибок (кроме ненормативного употребления прописной буквы *Вторая Мировая война* — следует писать *Вторая мировая*). Пунктуационные ошибки единичны. „Классической“ можно считать лексическую ошибку, связанную с неразличением паронимов *представить — предоставить*.

Вызывает вопрос не всегда корректное употребление местоимения „это“ со вмещающим значением (случаи отмечены в тексте). Иногда неясны логические связи представленной в тексте информации. Тексты не свободны от стилистических ошибок (канцеляризмы, неуместные приметы устной речи: порядок слов, разговорные частицы), имеются отдельные неточности в выборе слова».

2. «Анализ текстов N показал зависимость качества речи от характера материала. Так, выполненные „по заказу“ интервью с представителями власти или официальные сообщения о событиях на территории района включают штампы канцелярской речи, профессионализмы (*соответствующие органы; охватить флюорографическим осмотром*). Приведем пример фрагмента канцелярского стиля в речи журналиста: *Отделу образования поручено разработать подробный план мероприятий по сохранению и укреплению здоровья школьников, по целевому выявлению группы риска по каждому учреждению и конкретной работе с ними.*

Подобных стилевых вкраплений меньше в тематических статьях. Они более доступны для понимания. Однако стремление сделать общение с читателем неформальным приводит к лексическим погрешностям. Наблюдается смешение стилей в выборе слов и словосочетаний <…>, нарушение семантической связи: *Принцип жизни „Моя хата с краю“ имеет место; С наступлением тепла строительство ускорится. А в некоторых селяне уже справили новоселье.*

<…> В целом статьи N характеризуются точностью, логичностью, доступностью. Однако их украсила бы более разнообразная и выразительная лексика. Наиболее экспрессивны в анализируемых текстах заголовки, многие их них созданы на основе прецедентных феноменов, отражающих содержание статьи и одновременно привлекающих внимание читателя, узнающего хорошо знакомые строки: *„И дольше века длится жизнь“, „Только самолетом можно долететь“, „Маленькая страна… Школьная страна“, „Дом в два этажа“*».

3. «Материалы, предложенные для экспертизы, характеризуются широтой и актуальностью тематики; все тексты отличает смысловая целостность и логичность изложения.

Многие статьи А. Катковой посвящены актуальным для села Ярково проблемам. А. Каткову интересуют как политические и экономические преобразования в селе, так и его культурная жизнь. В сфере внимания журналиста находятся также и общечеловеческие проблемы (например, информационно-аналитическая статья о проблеме насилия над детьми), и общероссийские события (аналитическая зарисовка, в которой А. Каткова кратко знакомит читателей с посланием Д. Медведева Федеральному Собранию, высказывает свою точку зрения по поводу этого события).

Журналист участвует в выездных сессиях, посещая отдаленные от Ярково населенные пункты. Результатом таких поездок являются, например, зарисовки о Новоалександровском и о Маранском сельских поселениях. Для экспертизы предлагается также исторический очерк, приуроченный к 20-летию вывода советских войск из Афганистана.

<…> Ошибки, встречающиеся в текстах, немногочисленны и касаются в основном некоторых норм словоупотребления и согласования. <…> К сожалению, тексты А. Катковой не свободны от некоторых речевых и грамматических ошибок[3].

Не всегда корректно употребление аббревиатур, зачастую без их предварительного/ последующего разъяснения. Возможно, сокращения ОСПК, ФАПы, ОСХПК понятны сельчанам, но остаются непонятными для стороннего читателя. Однако подобные сокращения встречаются лишь в очерках или информационных статьях, касающихся жизни села Ярково. При описании мировых событий журналист использует только общеизвестные сокращения: РФ, ЕГЭ и др.».

4. «Газетные материалы, принадлежащие перу журналиста районной газеты „Заря“ И. Сашиной, тематически весьма разнообразны. Это публикации на морально-этические темы, очерки о земляках, информационные материалы и др. Следует сказать, что каждый раз, обращаясь к той или иной теме, журналист находит адекватные языковые средства, чтобы более доходчиво и полно изложить суть вопроса, высказать свою позицию по обсуждаемой теме.

Большинство материалов привлекает тем, что они написаны грамотно, с соблюдением норм русского литературного языка. И сами поднимаемые в публикациях темы не оставляют равнодушными читателей газеты. Ведь те, о ком повествует И. Сашина, живут и работают рядом с ними. К тому же, автор часто обращается к своим героям и читателям, так сказать, напрямую, сохраняя в газетной строке интонацию и структуру живой разговорной речи. Например: *Низкий вам поклон за дело, которое вы начали; Приходите, участвуйте. Будет интересно всем!*

Высокой оценки заслуживает рассказ о Коммунаровской ветеранской организации. Речь идет об активной работе ветеранов с молодежью, об активной деятельности многих пожилых людей, продолжающих служить своим землякам и тем самым — Отечеству. Нельзя не обратить внимания на такие строки из этой публикации: *„Я с благодарностью слушала рассказ своих собеседниц, удивляясь их воодушевлению, задору, оптимизму. А с каким увлечением они говорят о любимом деле!“*. Весьма к месту оказались здесь и фотографии энтузиастов, сделанные И. Усовым.

А вот что пишет И. Сашина о земляках-энергетиках в материале с хорошим метафорическим заголовком „Они делают жизнь светлее“: *„Высокое предназначение — нести людям свет и тепло — требует самоотверженности и, конечно, любви к своему делу. Действительно, работать здесь без любви к профессии просто невозможно“*. Вот какие слова находит журналист для этих людей: *„День энергетика — это свет в квартирах, гудящие на ветру провода, искорки, слетающие с трамвайных дуг, ночные города и села с высоты птичьего полета… Как много стоит за той обыденностью, с которой мы вечером включаем телевизор, чтобы посмотреть любимую программу! За всем этим судьбы и жизни“*. Это глубокое обобщение помогает увидеть героическое, необыкновенное в самом, казалось бы, обыкновенном!

<…> Замечаний по языковому оформлению публикаций, подготовленных И. Сашиной, немного. Неудачно построено предложение *Это проверенные временем и закалкой энергетики.*

Казенный оборот *в части невыполнения обязанностей по оформлению паспорта* звучит очень уж бюрократически. Отмечены пунктуационные небрежности и опечатка. <…>

В заключение отметим: газетные материалы на страницах, подготовленных И. Сашиной, написаны профессионально, со знанием дела, без нарушения культуры письменной речи. Автор этих материалов достоин поощрения».

Слово о русском языке в газете главным редакторам «районок»

В начале 2008 года кафедра русского языка ТюмГУ предложила главным редакторам районных газет юга Тюменской области ответить на три вопроса: 1. Каков взгляд редакции на качество русского языка в газете? 2. Все ли стили русского языка могут войти в газету? 3. Какие запреты предъявляются к языку газеты?

Среди полученных ответов были и ответы главных редакторов трех рассматриваемых нами газет. Приведем эти ответы.

Л. И. Носков, гл. редактор газеты «Заря»: «1. Информация излагается доступным, понятным, образным языком, без нарушения общепринятых норм. 2. Все, после редакторской правки. Если стиль соответствует жанру публикации и преследует стиль материала. 3. Нельзя использовать сленг, ненормативную лексику, хотя если требует жанр… Уважительный тон — самое главное».

Н. К. Тайлакова, гл. редактор газеты «Слава труду»: «1. Считаю, что качество русского языка во многих газетах очень низкое: много орфографических и пунктуационных ошибок. Этим, бывает, страдает и наша газета. А еще — стилевые смешения, речевые и грамматические неправильности. 2. Все — в зависимости от жанра газеты. 3. Складывается впечатление, что в настоящее время абсолютно никаких запретов не предъявляется. Я же от своих журналистов требую, чтобы материалы были написаны доступным, понятным для простого читателя языком. Грамотность — и никаких аббревиатур и сокращений!»

Т. А. Нагибина, гл. редактор газеты «Советская Сибирь»: «1. В нашей газете качество русского языка удовлетворительное. Мы стараемся придерживаться норм и правил русского языка. 2. Основной стиль газеты — публицистический. Не приемлем официально-деловой стиль. К нему можно прибегнуть лишь в некоторых случаях, когда того требует жанр. Ограниченно используем научный стиль. 3. В газете запрещены слова сниженного стиля, жаргонизмы, современного молодежного сленга, бранные».

Вместо послесловия

В число номинантов конкурса «Речевая культура журналиста — 2009», кроме И. Сашиной, вошла и журналист газеты «Наша жизнь» Олеся Руф. В посвященном ей заключении эксперта (автора настоящей статьи), в частности, написано: «На экспертизу представлено пять материалов. Самым удачным из них считаю материал „Воспоминания бередят душу“. Здесь нет избыточной, навязчивой сентиментальности вперемежку с «казенными“ оборами, что, к сожалению, так свойственно подобным юбилейным текстам. Речь журналиста „живая“. Ее отличает лексическое, синтаксическое и стилистическое богатство. Чувствуется уважительное отношение к герою материала, заинтересованность его судьбой, понимание проблем, о которых идет речь. Самым неудачным, „казенным“ — для отписки! — представляется текст „Конкурс стихов“.

В представленных текстах нет орфографических ошибок (кроме *так же* в заметке „В память о великом русском писателе“). Радует пунктуационная грамотность материалов. Основное замечание связано с наличием стилистических и речевых ошибок: *также* в начале предложения, точка в конце эмоционально окрашенного оценочного предложения, сочетание *трудиться вручную*. К грамматическим ошибкам следует отнести словосочетания типа *занятия физкультуры, составляющие для счастья*».

На заключительный тур конкурса О. Руф прислала материал, с которым хотелось бы познакомить более широкую аудиторию. Хотя в тексте («Наша жизнь», 24.10.2009) и много кажущихся на первый взгляд избыточными деталей крестьянского быта (порой — забытых, порой — неизвестных), много движений, подробностей, но за каж-

дым из них — проявления любви; за ними размеренность, лад, покой, уверенность в сегодняшнем дне, в самодостаточности и этой минуты, и целого дня (чего так порой не хватает нам, «современникам по человечеству» (А. К. Омельчук)) — и потому не хочется ничего сокращать и править…

25 октября — День бабушек и дедушек

БУДУ ПОМНИТЬ ВСЕГДА

Олеся Руф

Нередко я вспоминаю свое детство, и мне очень хочется в него вернуться. Если бы это было возможно! Детство, пожалуй, — самая беззаботная пора у каждого человека. Помню, как по утрам помогала бабушке стряпать пирожки. Те, что лепила я, здорово отличались от бабушкиных. Мои были большие и длинные, а ее — аккуратные, один к одному. Помню, как вдыхала аромат наливных ягод из клубничных букетиков, которые приносил мне мой дедушка, когда возвращался с покоса.

— Кушай, миленькая. Это зайчик из леса послал тебе гостинец, — ласково говорил он.

Я верила и каждый день ждала, когда он снова принесет мне ягод.

Огромный покос дед выкашивал вручную. Знойными днями палящие лучи солнца обжигали ему спину, усталость валила с ног, но он помнил, что дома жду я, его маленькая внучка, и находил в себе силы собрать для меня спелой клубники или ежевики.

Долгими зимними вечерами дед играл со мной в прятки и притворялся, будто не может найти. «Надо же, как хорошо я спряталась», — наивно думала я. А после мы с дедом лежали на горячей печи, и он долго-долго рассказывал мне интересные сказки.

Раскаленные кирпичи русской печки как будто кусали меня за спину, и я все время вертелась, а дед тихонечко спрашивал: «Олесенька, ты не спишь?». Я делала вид, что уснула, потом мы смеялись, и я уходила. В просторной комнате бабушка грела мне большое ватное одеяло, приложив его к горячему боку круглой печки. Спать мы ложились вместе. Слушая бабушкины рассказы о ее детстве, я засыпала. Утром она вставала очень рано. Я все время намеревалась встать вместе с ней, но она меня не будила.

Утро. За окном еще немного сумрачно. На кухонном столе уже раскатаны большие круглые булки хлеба, ждут своей очереди пирожки, на противне томятся шаньги с творогом, а бабуля заводит тесто на блины.

В печке огонь жадно облизывает поленья, а они пощелкивают и потрескивают. Бабушка ждет, когда появятся угли.

— Ты уже встала? — увидев меня, спрашивает она. — Спала бы, ведь еще рано.

Я сажусь на стул у окна. Бабуля несет и кладет на подоконник овчинный полушубок, чтобы от окна не несло холодом. Дрова быстро прогорели, и на углях в русской печке бабушка начинает жарить блины. Ее блины были очень вкусные. Они совсем не похожи на те, что пекут сейчас на газовой или электрической плите. Стойкий запах стряпни хозяйничает по всему дому. Я смотрю сквозь узоры на стеклах окон, которые за ночь разрисовал мороз. Дедуля ходит по двору, носит из колонки воду, поит корову и прочую живность. Дед уже вычистил снег в ограде, сгреб его в две большие кучи, чтобы было удобнее вывозить.

Мне очень хочется на улицу, но бабушка не пускает, пока не позавтракаю. Когда на стол уже все наставлено, в дом заходит дед, от мороза у него щеки алого цвета. Он снимает старую шапку-ушанку, телогрейку и ватные штаны. «Сегодня на улице „зюзя“», — говорит он. Так дедушка выражался, когда было холодно. Мы едим, а потом вместе с дедом идем на улицу убирать снег. По моей просьбе он сколотил маленький деревянный ящик и привязал к нему веревку. За ограду дедушка везет большой жестяной капот, полный снега, а следом я, пыхтя, тяну свой ящик. Он вываливает снег и на обратном пути катит на капоте меня. Так проходит полдня.

Мне очень нравилось бывать у них в гостях, это был мой второй дом. Он опустел, когда их не стало. Бабушка Шура была мне второй матерью, а дедушка Николай заменил отца.

Мы с мамой часто вспоминаем дорогих нам и любимых людей. Каждый раз от этих воспоминаний у меня к горлу подкатывает комок, а из глаз непроизвольно катятся слезы. Я так хотела, чтобы они жили вечно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русское население юга современной Тюменской области — переселенцы из европейской части России. Переселявшиеся в Сибирь на протяжении XVI–XVIII вв. были преимущественно выходцами из северных губерний России. Середина XIX — начало XX в. отмечены второй волной заселения Сибири — из центральных и южных губерний России (Курской, Орловской), а также из Украины и Белоруссии («россейские», «самоходы», «лапотники», как называло их местное население, — в отличие от «старожилов», «сибиряков», «чалдонов»).

[2] Так как задача данной статьи — дать общее представление о речевой ситуации в районных газетах, в отдельных приводимых далее экспертизах опустим имена журналистов и названия газет. Авторами экспертиз выступили, кроме автора статьи, канд. филол. наук С. Л. Смыслова, канд. филол. наук О. В. Почтарева и д-р филол. наук Л. А. Вараксин. Содержание заключений позволит читателю сделать вывод о жанровой палитре районных газет и о широком тематическом спектре интересов отдельного «районщика».

[3] В экспертном заключении приведены примеры тавтологии, ошибок в употреблении фразеологических оборотов, в использовании предлогов, в построении сложных предложений с союзным словом *который* и нарушений сочетаемости слов.

Т. С. Борщевская

ИДИОМАТИКА В ЯЗЫКЕ МЕНЕДЖМЕНТА

TATIANA S. BORSHCHEVSKAYA

IDIOMS IN THE LANGUAGE OF MANAGEMENT

Единицы языка менеджмента разнообразны по структуре и стилистической принадлежности. Здесь используются единицы разного ранга, как термины, так и околотерминологические средства (чаще всего это сверхсловные номинации). В статье рассматриваются подобные номинации с точки зрения их межъязыковой и внутриязыковой идиоматичности.

Ключевые слова: язык менеджмента, термин, терминоид, идиома, внутриязыковая и межъязыковая идиоматичность.

Units of language management are diverse in structure and stylistic identity. Here we use the units of different ranks, both the terms and around terminological means (more often we are speaking about phrases). The article deals with such a nominations in terms of their inter- and intralinguistic idiomatic.

Keywords: language of management, a term, a terminoid, an idiom, inter- and intralinguistic idiomatic.

Язык менеджмента как относительно новое языковое явление начал привлекать внимание исследователей сравнительно недавно. Современный этап развития лексики экономического менеджмента характеризуется, с одной стороны, профессионализацией средств коммуникации языка, а с другой — расширением количественного состава вовлекаемых в процесс общения лексических единиц.

Лексика менеджмента охватывает круг терминов, передающих теоретические понятия сферы экономической деятельности, функций и задач менеджмента, инструментов, объектов, организационных процессов, а также понятия корпоративной культуры. Однако во всякой специальной лексике имеются единицы, соотносимые с функциями терминов, но в строгом смысле терминами не являющиеся. Такие единицы называют *терминоидами*. Обозначение *терминоид* было введено в 70-х годов XX в. А. Д. Хаютиным. Под терминоидами понимались специальные обозначения «либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам» [4: 46].

Нередко терминоиды вытесняют собственно терминологические средства и обеспечивают «работу» этой области деятельности. В процессе употребления подобные номинации теряют графическую маркированность, обретают точную дефиницию, теряют экспрессивность, нередко и коннотацию оценочности.

Подобным номинациям свойственна повторяемость и регулярность воспроизводства; по многим параметрам они приближаются к терминам, сохраняя свои индивидуальные особенности и специфику.

Некоторые из них получают широкое распространение и, лишаясь специфической окраски, входят в состав терминологии данной отрасли. Например, перешедшие в разряд терминов «американизмы» ***бум*** (англ. *boom*) ‘кратковременный, иногда искусственно возбуждаемый подъем

Татьяна Станиславовна Борщевская

Старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов
► Charly1991@yandex.ru

производства, торговли, деловой активности'; ***играющий менеджер*** (англ. *playing manager)* — 'менеджер, который, наряду с исполнением функций контроля за другими работниками, сам является исполнителем' [2]. Широко распространенный в маркетинге термин ***брэнд*** (англ. *brand)* постепенно вошел в общее употребление, но потребовалось довольно много времени, чтобы установить, что *брэндовый товар* (представленный в маркетинговом канале как совокупность *brand name* и *brand mark*) воспринимается большей частью покупателей как товар, продаваемый по более высокой цене. «Большинство англо-русских словарей, однако, не делают различия между *брэндом, торговой маркой* и *торговым именем*. Это и сегодня еще создает дополнительные так называемые „шумы" (коммуникативные сбои) в маркетинговых каналах» [5].

В лексике менеджмента выявлено большое количество сверхсловных номинаций, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к термину, таким, как краткости и экспрессивной нейтральности, точности значения, контекстуальной независимости и т. д. Однако такие единицы составляют ядро лексико-семантического поля «менеджмент», тогда как термины занимают периферийное положение.

Рассмотрим такие номинации с точки зрения их внутриязыковой и межъязыковой идиоматичности.

Идиомы понимаются как устойчивые сочетания слов с частично или полностью целостным значением (см.: [1; 3]). Под идиоматичностью понимается структурное своеобразие языковой единицы по отношению к ее аналогу в другой языковой системе или в другой подсистеме того же языка (см.: [3]).

Особенностью языка менеджмента является обогащение его за счет англоязычных заимствований, чаще всего соотносимых с калькированием, что приводит к гомоморфности структурной организации словосочетаний на уровне плана-выражения. При калькировании используются грамматические и лексические трансформации, обусловленные различием в структуре двух языков. Ср.: ***предложение Крестного Отца*** (англ. *Godfather Offer*) — 'настолько выгодное предложение о приобретении, что руководство покупаемой компании не в силах убедить акционеров от него отказаться'; ***акции-близнецы*** (англ. *Twin shares*) — 'акции двух юридически независимых компаний с одинаковым составом акционеров'; ***белая кольчуга*** (англ. *whitemail*) — 'механизм, разработанный против поглощения, при котором уязвимая компания продает большое число своих акций дружественной компании по цене ниже рыночной'; ***надгробный камень*** (*англ. tombstone*) — 'объявление о займе, размещенное в открытой продаже ценных бумаг'; ***наблюдатель за акулами*** (англ. *shark watcher*) — 'компания, специализирующаяся на раннем выявлении попыток поглощения'; ***средство для отпугивания акул*** (англ. *shark repellent*) — 'меры, предпринимаемые корпорацией для того, чтобы предотвратить нежелательные попытки поглощения'.

Кроме того, во многих случаях калькирование имеет интерпретационный характер, что приводит к гомоморфности структурной организации номинаций также на уровне плана содержания. Ср.: трансформированные калькированные номинации: ***ищейка*** (англ. *bird dog)* — 'в административном управлении получение данных, необходимых для изучения позиций фирмы и ее потенциальных доходов'; ***50 любимчиков*** (англ. *nifty-fifty)* — '50 видов акций, наиболее популярных среди инвесторов, обычно отличаются высоким стабильным доходом и доходностью выше среднерыночной'; ***белый воротничок*** (англ. *white collar worker*) — 'специалист офиса, руководитель или административный работник'; ***синие воротнички*** (англ. *blue-collar worker)* — 'производственные рабочие, занятые ручным трудом'; ***свистун*** (англ. *whistle blower*) — 'работник компании, имеющий доступ к конфиденциальной информации и использующий свои знания во вред своему учреждению' и др.

Именно такое приблизительное соответствие (а не тождество) структур в плане выражения или в плане содержания позволяет утверждать, что подобные сверхсловные номинации обладают межъязыковой идиоматичностью.

Для многих названий характерна также внутриязыковая идиоматичность, реализующая семантическую осложненность, семантическую

неравнообъемность (несовпадение объема значения знака с объемом значения его неидиоматичного аналога) и семантическую целостность языковой единицы (см.: [3]). При установлении характера внутриязыковой идиоматичности языковая единица, у которой общее значение не совпадает с суммой значений частей, сопоставляется с ее буквальным аналогом. Фактически сопоставляются значение и внутренняя форма языковой единицы. При этом оказывается, что сверхсловные номинации обладают разной степенью идиоматичности. Соответственно выделяют фразеоматизмы (неполные идиомы) и фразеологизмы (по терминологии В. М. Савицкого).

Фразеоматизмами считаются фразовые идиомы, которые обладают частичной семантической целостностью и имеют суженное, расширенное или смещенное значение. А фразовые идиомы с переносным по объему значением, обладающие целостным значением, — фразеологизмы. При изучении структурного своеобразия номинаций мы основывались на различных видах логических связок: репликации, импликации, строгой и нестрогой дизъюнкции. На основании этого выделены следующие группы идиом.

Фразеоматизмы с суженным значением. Рассмотрим номинацию ***акции-близнецы.*** В данном случае переосмысление происходит на уровне отдельного слова, однако сочетание в целом не поддается идентификации с помощью номинального значения и фоновых знаний. На наш взгляд, словосочетание возможно отнести к фразеоматизмам с суженным значением. Номинальное значение словосочетания ***акции-близнецы*** можно определить как: 1) акции с одинаковым номиналом; 2) акции одной компании; 3) акции разных компаний с одинаковым составом акционеров.

Лишь одно из этих толкований (последнее) соответствует реальному значению — ‘акции двух юридически независимых компаний с одинаковым составом акционеров’. В данном случае номинальное и реальное значения слова находятся в отношении логической репликации. Это отношение может быть сформулировано следующим образом: только если А, то Б. В нашем примере это отношение не подразумевает, что любые акции-близнецы являются акциями разных компаний с одинаковым составом акционеров. Следовательно, из суммы значений частей данного словосочетания (*акции + близнецы*) невозможно вывести реальное значение; оно не выводится дедуктивным путем из комбинации лексических значений, а приписывается данному слову. Часть реального значения, содержащая все остальные признаки этой номинации, является условным (конвенциональным) компонентом значения. Этот компонент не закреплен ни за одной единицей, входящей в данное словосочетание, он относится ко всему словосочетанию в целом, что дает основания назвать его целостным компонентом данной языковой единицы. Кроме того, третье значение и является идиомой вследствие амбивалентности его номинального значения. Идиомы способны аккумулировать информацию, не зафиксированную в их номинальном значении средствами плана выражения.

Фразеоматизмы с суженным значением: ***колоколообразный портфель*** — ‘портфель с более высокой долей среднесрочных облигаций, по сравнению с кратко- и долгосрочными’; ***портфель-гантель*** — ‘несбалансированный портфель инвестора, в котором преобладают ценные бумаги с очень короткими либо очень длинными сроками’; ***посевной капитал*** — ‘венчурное финансирование на ранних этапах инновационного процесса, обычно в период разработки продукта’; ***бизнес-ангелы*** — ‘состоятельные персоны, которые инвестируют в развивающиеся компании‘; ***горячие деньги*** — ‘суммы, полученные незаконным или сомнительным путем’; ***портфель агрессивный*** — ‘портфель акций и инвестиций, обычно хранимый в расчете на повышение котировок’; ***ловушка бедности*** — ‘ситуация, при которой безработный, получающий пособие по социальному страхованию, не желает искать работу, так как его потенциальный заработок меньше получаемого пособия’; ***мягкий товар*** — ‘группа сырьевых товаров рынка, в частности зерно, кофе, шерсть, хлопок, каучук’; ***налоговые убежища*** — ‘способы законного уклонения от уплаты части подоходного налога путем тщательного изучения налогового законодательства‘; ***налоговый щит*** — ‘сумма амортизации, вычитаемая из дохода, защищает эту часть дохода от уплаты налога по ней‘;

пороговая компания — ‘компании, находящиеся на пороге корпоративной зрелости, которые еще управляются не профессиональными менеджерами, а руководство которых осуществляется интуитивно группой профессионалов’; ***рынок-кладбище (мертвый рынок)*** — ‘ситуация, когда участники рынка не могут его покинуть (выйти из сделок), а другие биржевики или банки не хотят выходить на рынок (заключать сделки)’; ***капитал-морковка*** — ‘капитал в виде акций, которыми наделяются менеджеры, служащие компании для повышения их заинтересованности в деле’; ***стадное поведение инвесторов*** — ‘ситуация, когда портфельные менеджеры следуют в своих решениях за стратегией коллег, дабы не показывать клиентам низкий уровень своей квалификации’ и др.

Идиоматичные сверхсловные единицы (фразеоматизмы) со сдвинутым по объему значением. У таких номинаций наблюдается лишь частичное совпадение границ реального и номинального денотатов. Между реальным и номинальным значениями имеет место отношение вероятностной корреляции (нестрогая дизъюнкция: А и / или В). Для описания данной связи можно использовать формулу: если А, то вероятно Б, и наоборот.

Вероятностная корреляция находит отражение в семантике идиоматичных словосочетаний.

Например, ***инкубационный период.*** Номинальное значение (значение 1): ‘латентный период, промежуток времени от момента заражения до появления клинических симптомов болезни’. Реальное значение (значение 2): ‘правило, в соответствии с которым взаимные фонды не могут расширять свою деятельность до тех пор, пока не продемонстрируют стабильные результаты деятельности за определенный период времени’. С логической точки зрения отношение между объемами номинального и реального значений в данном случае основано на логической связке А и / или В. Такие языковые единицы имеют сдвинутое значение.

Фразеоматизмы со сдвинутым по объему значением: ***мертвая точка*** — ‘уровень производства, достигнув которого фирма способна покрыть все издержки и начинает приносить прибыль’; ***метод изъятий и инъекций*** — ‘определение равновесного чистого продукта путем выявления величины его объема, при которой размер изъятий равен размеру инъекций’; ***мозговая атака*** — ‘групповой сеанс, когда работники предлагают идеи для решения проблемы или достижения цели компании; ***набег на банки*** — ‘массовое изъятие вкладчиками денег из банка в связи с сомнениями в его надежности’; ***холодная вербовка*** — ‘маркетинговый прием, схема продаж, при которой потенциальные покупатели начинают обслуживаться без предварительного выяснения их реальных потребностей’; ***воздушная яма*** — чрезвычайная слабость каких-либо конкретных акций; ***мягкое приземление*** — плавное снижение валютного курса до стационарного уровня после повышения курса; ***риск заразиться*** — ‘риск того, что проблемы дочерних компаний перекинутся на материнскую компанию’; ***управленческая эрозия*** — ‘психологический феномен, который заключается в том, что со временем эффективность деятельности субъектов власти (руководителей) уменьшается, решения, которые принимает руководитель, становятся все менее эффективными и рациональными’ и др.

К этой группе относятся в основном термины, заимствованные из других дисциплин, и словосочетания с метонимическим переносом.

Идиоматичные сложные слова с переносным по объему значением (фразеологизмы). У номинаций с переносным значением объемы денотативных областей номинального и реального значений совершенно не совпадают. Отношение между объемом номинального и реального значений основано на строгой дизъюнкции: А или В. Например, ***хромая утка***. Реальное значение: ‘компания в тяжелом финансовом положении, исправить которое может государственная поддержка’. Очевидно, что всякий объект номинации является либо хромой уткой, либо компанией в тяжелом финансовом положении. Иначе говоря, две эти денотативные области не имеют общего участка. Соответственно номинальное значение и реальное значение не имеют общей зоны номинации.

В проанализированном языковом материале обнаружено большое количество языковых единиц с метафорическим значением. Метафора предназначена для эмотивно-оценочного изображения объекта, выявления его прагматически значимых сторон.

Фразеологизмы: ***адвокат дьявола*** — ‘метод, который используется для улучшения принятия решений’; ***белый рыцарь*** — ‘компания-инвестор, которая делает согласованное предложение о поглощении компании’**;** ***белый слон*** — ‘собственность, убытки от которой практически неизбежны’; ***большие уроды*** **—** ‘акции, к которым утратила интерес основная масса инвесторов’; ***босой паломник*** — ‘неискушенный инвестор, потерявший все средства на спекуляциях с ценными бумагами’; ***венок ромашек*** — ‘серии сделок или операций с определенными ценными бумагами с целью создания видимости активной торговли’; ***дилемма заключенных*** — ‘ситуация, когда решение индивида о максимизации полезности оборачивается вредом для него самого‘; ***доктор компании*** **—** ‘финансовый консультант’; ***долина смерти*** — ‘период развития компании на стартовом этапе, который могут пройти только самые выносливые компании’; з***олотой жук*** — ‘аналитик, считающий золото наиболее надежным объектом инвестиций’; ***золотой парашют*** **—** ‘контракт менеджеров с компанией о выплате большого вознаграждения в случае увольнения’; ***концепция длины дамских юбок*** — ‘увлекательная теория, согласно которой курсы ценных бумаг изменяются в том же направлении, что и длина женских юбок’; ***кредитная акула*** **—** ‘ростовщик’; ***мать-гусыня*** — ‘краткое, без описания технических деталей изложение того, что означает данный проспект’; ***ракетный ученый*** — ‘сотрудник брокерской фирмы, занятый операциями на финансовых рынках на основе новейших компьютерных программ и других технических методов’; ***мыльный пузырь*** — ‘крайне неустойчивая, ненадежная фирма’; ***могучие слоны*** — ‘крупные, надежно управляемые, стабильно растущие фирмы, способные диверсифицировать производство’; ***жирный кот*** — ‘финансовая фирма, получающая сверхвысокие прибыли благодаря финансированию рисковых операций’; ***серая волна*** — ‘новые компании, далекие от вступления в стадию прибыльности’; ***снятие сливок*** — ‘ценовая политика, проводимая торговыми фирмами при введении на рынок нового товара, рассчитанная на временное получение высокой прибыли’; ***шантаж «зеленых»*** **—** ‘покупка значительного пакета акций компании, которая может стать объектом поглощения, с целью вынудить ее выкупить затем свои акции по повышенной цене’; ***китайская стена*** — ‘коммуникационный барьер между финансистами (инвестиционными банкирами) и трейдерами, который возводится во избежание утечки внутренней информации, которой могут владеть банкиры’; ***золотые наручники*** — ‘денежное вознаграждение работника, удерживающее его на данной работе’; ***золотое приветствие*** — ‘внушительная сумма денег, выплачиваемая специалисту, которого переманивают из одной фирмы в другую’; ***разрезать дыню*** — ‘производить дополнительное распределение средств или акций среди акционеров после проведения прибыльной сделки’; ***издержки стоптанных башмаков*** — ‘издержки инфляции, обусловленные уменьшением запаса реальных денег, необходимостью использования большего количества денежных знаков’ и др.

Исходя из определения внутриязыковой идиоматичности как невыводимости общего значения языковой единицы из суммы значений ее частей, можно обнаружить, что в языке менеджмента это «несовпадение» представляет собой неравнообъемность трех видов (суженное значение, сдвинутое значение и несовпадение значений), а с логической точки зрения «невыводимость» означает невозможность дедуктивного вывода реального значения из номинального на основе эквиваленции.

По нашим наблюдениям, весьма значительное количество сверхсловных номинаций в языке менеджмента принадлежит к числу полных идиом, несколько меньшее количество словосочетаний относятся к неполным идиомам, где степень идиоматичности варьирует в широких пределах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аничков И. Е.* Идиоматика в ряду лингвистических наук // Труды по языкознанию. СПб., 1997.

2. *Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е.* Современный экономический словарь. 1999. — http://vocable.ru/dictionary/88

3. *Савицкий В. М.* Основы общей теории идиоматики. М., 2006.

4. *Хаютин А. Д.* Термин, терминология, номенклатура: Уч. пос. Самарканд, 1972.

5. *Черенков В. И.* Экономическая глобализация // Проблемы современной экономики. № 3 (7). — http://www.m-economy.ru/art

Л. В. Бармина

ЗАТЕКСТОВЫЙ КОММЕНТАРИЙ И ВРЕМЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)

LYUDMILA V. BARMINA

COMMENTS OUT OF TEXT AND TIME:
LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"

Людмила Васильевна Бармина

Старший преподаватель Московского государственного лингвистического университета
► ludmila_barmina@mail.ru

В статье рассматривается история затекстового комментария к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Автор статьи, отдавая должное существующим комментариям, говорит о необходимости расширения, уточнения и дополнения, прежде всего, лингвистических комментариев к тексту, которые обусловлены, главным образом, тем, что со времени последнего научного комментирования прошло 25 лет.

Ключевые слова: затекстовый комментарий, лингвистический комментарий, устаревшая лексика, диалектизмы, специальная лексика.

The article deals with the comments to Leo Tolstoy's «Anna Karenina» from the first to the latest publication. The author gives proper respect to existing commentaries but argues that language comments to the text need extension, specification and addition. This need is mainly caused by the fact that the latest academic comments to the novel was done 25 years ago.

Keywords: comments out of text, linguistic comments, obsolete words, dialect words, professional words.

Впервые роман «Анна Каренина» был напечатан в журнале «Русский вестник» [4], название которого имело подзаголовок — «Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым». Роман выпускался ежемесячно по частям: 1875-й (с января по апрель; публикацию этого года завершала статья «По поводу нового романа гр. Толстого», подписанная «А.», в майском номере; 1876-й (с января по апрель, а также в сентябрьском выпуске); 1877-й (январь). И в 1877 году последняя, 8-я часть вышла отдельным изданием с предварительным замечанием перед текстом, указывавшим на разногласия автора и редакции журнала: «Редакция „Русского вестника" не захотела печатать эту часть без некоторых исключений, на которые автор не согласился» [5].

В этом издании, так же как и во многих последующих, начиная с 1878 года — первое отдельное издание под наблюдением Н. Н. Страхова — вплоть до 1913 года, *абсолютно никаких комментариев нет*. Сам Толстой не снабдил роман пояснениями. С одной стороны, это связано с существующей традицией: издания, выходящие при жизни автора, обычно или не комментируются, или комментируются минимально. С другой стороны, отсутствие комментариев к «Анне Карениной» говорит о читателе, на которого был рассчитан роман: это читатель круга и образования самого писателя, ему Толстой не счел нуж-

ным что-либо объяснять: всё, что писатель хотел сказать, он сказал текстом и в тексте.

В 1913 году вышло Полное собрание сочинений Толстого, в IX и X томах была напечатана «Анна Каренина» с указанием: под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова [6].

В первом посмертном издании романа, в конце IX тома, излагается история экземпляра «Анны Карениной», подаренного Н. Н. Страховым и хранящегося в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Именно с этого экземпляра печаталось отдельное издание 1878 года, он состоит из листов, вырванных из «Русского вестника» с исправлениями Льва Толстого и исправлениями Страхова. Затем полностью приводится Предисловие Страхова к этому экземпляру, датированное 18 апреля 1880 года, в котором Страхов рассказывает, как летом 1878 года в Ясной Поляне перечитывал «Анну Каренину», «исправлял пунктуационные, орфографические и другие явные ошибки и указывал Толстому на места, требующие поправок (неправильности языка и неясности)» [6: 343]. Страхов дочитал до середины, дальше читал Толстой, затем они работали отдельно, каждый вносил исправления. Работа длилась больше месяца.

За текстом следует Приложение, в котором приводятся зачеркнутые, выпущенные или замещенные варианты, но не все, а, по мнению издателей, наиболее значительные. В конце X тома также помещены варианты, относящиеся к тексту, напечатанному в этом томе. Таким образом, в этом издании «Примечания» являются, во-первых, текстологическим комментарием, который рассказывает историю текста, и издательским комментарием, который описывает историю данной публикации. Никаких других комментариев в этом издании нет.

В 1919 году вышло первое издание «Анны Карениной» при новой власти, оно предварялось следующим замечанием: «Все сочинения Толстого монополизированы РФС Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г. Перепечатано со старых изданий» [7: 2]. В этом издании также нет затекстовых комментариев, а имеется лишь Приложение, в котором на одной странице напечатаны два отрывка с указанием, что они были исключены автором из первоначальной редакции романа.

Впервые комментарии к роману появляются в издании 1928 года, которое сопровождалось Предисловием А. Старчакова и Примечаниями В. Ф. Саводника [8]. Кроме того, издание снабжено Предисловием и Примечаниями, последние помещены в конце издания; слова, к которым даны примечания, в тексте не помечены.

Рассмотрим первые затекстовые комментарии к роману подробнее. Что, по мнению составителя, могло быть непонятно читателю 20-х годов XX в. или могло быть не увидено им?

Комментарии, данные в Примечаниях, в большинстве своем являются не столько лингвистическими, сколько лингвострановедческими. Вслед за другими исследователями мы различаем понятия «лингвострановедческий комментарий», который «поясняет скрытые цитаты, намеки на события и факты, лиц и факты, упоминание в произведении мало известных читателю бытовых деталей» [2: 134] (комментарий имеет также другое название «реальный» [3: 414]); и «лингвистический», который «переводит трудные выражения» [2: 134].

Кроме того, в текстах комментариев издания 1928 года приводятся литературоведческие рассуждения составителя (о прототипах братьев Константина и Николая Левиных), даются попутные замечания о биографии Толстого, в частности о его увлечении сельским хозяйством и т. д.

Впервые в этом издании появляются постраничные сноски к иноязычным вкраплениям с переводом, но без указания языка — такое оформление сохранится вплоть до 1970 года. Например: **entendons nous [Договоримся.] (Ч. 2. Гл. IV)*. Однако не все иноязычные вкрапления переведены на той же странице, на которой они употреблены, некоторые объяснены в примечаниях, в конце книги. Например: «*Enfaut terrible*» — *буквально: «ужасный ребенок»*. Далее подробно излагается история появления этого выражения и приводятся сведения о его авторе — рисовальщике Гаварни. Подробные лингвострановедческие комментарии часто сопровождают собственно лингвистические разъясне-

ния. Например: *Крокет-граунд — выровненная и утрамбованная площадка для игры в крокет.* (Затем детально рассказывается об английском крокете.) *Эрлаухт, эксцеленц, дурхлаухт — немецкие титулы: сиятельство, превосходительство, светлость.* Иноязычные вкрапления, вынесенные в Примечания, поясняют эти реалии.

Лингвистический комментарий сопровождает также другие заимствованные слова, устаревшую, диалектную, специальную и профессиональную лексику. Заимствованное и устаревшее: (*«Вязанье миньярдиз» — миньярдиз называется узенькая тесемка или шнурок с петельками, которые крючком вплетались в вязанье*); диалектное и устаревшее: *(«Обидно́й лес» — молодой лес, годный лишь на мелкие поделки (ободья, оглобли, полозья))*, диалектное, специальное, устаревшее: *(«Двоить» — вторично перепахивать пашню для лучшего разрыхления почвы)*.

Характерной особенностью затекстовых комментариев издания 1928 года является то, что в них мало лингвистических пояснений: они сопровождаются исторической, литературоведческой, культурологической или страноведческой информацией. Так, при объяснении устаревшего выражения *«разлатые» рюмки* указывается *расширенные кверху, употребляемые для шампанского*, т. е. форма и назначение; при объяснении диалектизма *«варо́к» — огромное пространство поля или луга, обычно примыкающего к скотному двору, где скот может пастись без особого надзора*, т. е. размер, месторасположение, назначение. А толкование диалектизма *«обидно́й лес»* сопровождает литературоведческий комментарий: *Употребляя это народное выражение, Облонский желает щегольнуть своими знаниями деревенского хозяйства, но на самом деле попадает впросак, так как в действительности обидной (обедной, обедовый) лес, как молодой и низкорослый, ценится дешевле дровяного, более старого и рослого.*

В 1934 года вышли XVIII и XIX тома ПСС Толстого под общей редакцией В. Г. Черткова, ред. Н. Н. Саккулин, Н. К. Гудзий [9]. В этом издании оформление иноязычных сносок не отличается от того, которое было принято в публикации 1928 года: сноски даны постранично, перевод в квадратных скобках, без указания языка-источника: [1]*Il mio tesoro — [Мое сокровище.]*. После каждого тома приводится перечень конъектур, так же как в издании 1913 года. Из этого же издания в XIX томе, в статье «Текстологический комментарий», воспроизведена информация о печатаемом тексте романа, его основе, отличиях от журнального варианта и первого прижизненного издания.

Затем идет «Указатель собственных имен в XVIII, XIX томах»: личные, географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.), учреждений, издательств, заглавия книг, изданий статей, журналов, газет, произведений слова, скульптуры, музыки, имена героев художественных произведений [9. Т. XIX: 367]. Указатель составлен в алфавитном порядке с указанием тома и страницы (правда, не во всех случаях): *Америка — I 4* (к общеизвестным именам собственным толкования нет); *Вавилон — древний город в Месопотамии — I 54; «Бог» — ода (1780–1784) Г. Р. Державина. См. Державин Г. Р.*; *Диккенсковский господин — очевидно, мистер Микобер, один из героев романа Ч. Диккенса «Давид Копперфильд», по своей беспечности и легкомыслию ближе всего напоминающий С. А. Облонского. См. Диккенс Ч.* Таким образом, в издании 1934 года лингвистических комментариев нет.

В 1970 году в серии «Литературные памятники» издательства «Наука» вышло отдельное издание «Анны Карениной» под ред. В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур [10]. Помимо перевода в сносках иноязычных вкраплений и текстологических комментариев о рукописи, первом издании и настоящем издании романа, в этой книге, в Приложении, в разделе «Иностранные и трудные для понимания слова и выражения», в алфавитном порядке, без ссылок на части и главы объяснено всего 34 слова.

28 толкований являются лингвистическими, среди которых, кроме заимствований (*Персеверировать (persévérer франц.) — упорствовать, быть настойчивым)*, в том числе специальных *(Трип — шерстяная ворсистая ткань)*, объяснены два специальных диалектизма без указания на то, что это диалектные слова: 1. *Обидно̀й лес — молодой низкорослый лес, пригодный толь-*

ко на мелкие поделки, ободья, полозья и т. п.; 2. Топчачок — молотилка, приводимая в движение лошадьми, топчущимися по кругу), а также 4 фразеологизма (в частности, *Аттическая соль — это выражение восходит к Цицерону и Юлию Цезарю, восхвалявшим ораторское искусство греков, особенно жителей Аттики, прославленных своим красноречием. Приводится в смысле: тонкое остроумие)*; некоторые устаревшие слова (например, *Каральки (коральки) — ожерелье из кораллов)*, в том числе устаревшие специальные *(Стегно — верхняя часть ноги до колена, бедро)*.

В этом издании не все объяснения можно отнести исключительно к лингвистическим, потому что они сопровождаются замечаниями энциклопедического характера *(Гемза — дикая коза, которая водится главным образом в горных местностях*) [10: 908–909].

В 1978–1985 гг. выходит юбилейное Собрание сочинений Л. Н. Толстого в 22 томах, «Анна Каренина» напечатана в VIII и IX томах с комментариями Э. Г. Бабаева, которые значительно расширены, переработаны и дополнены по сравнению с предыдущими изданиями романа [11. Т. VIII: 472–492; Т. IX: 449–461].

Во-первых, изменилось оформление иноязычных вкраплений: перевод по-прежнему дается на той же странице, но уже с указанием языка-источника: *combinations — комбинации (франц.); four in hand — четверкой (англ.)*. Во-вторых, помимо лингвострановедческих и литературоведческих комментариев, увеличилось количество лингвистических комментариев: из 147 комментариев 20 являются лингвистическими, причем 16 объясняют заимствованные слова (*безик, бонмотист, важи, вегикул, гемза, инфернальная, кепи, коб, медиум, персеверировать, пиетистка, рекапитюлировать, рекриминации, трансцендентный, тюрбо, фаст*), один — архаизм (*разлатые рюмки*), один — историзм (*гласный*) и два — историзмы-диалектизмы (*обидной лес, топчачок*). Из 20 комментариев 9 являются исключительно лингвистическими (например: *Персеверировать — упорствовать (от франц. persèvèrer)*), остальные 11 содержат дополнительные сведения литературоведческого, исторического, политического и т. п. характера (например: *Гласный — член земского собрания. Срок полномочия гласных — три года. Абсолютное большинство гласных в земских собраниях составляли дворяне. «Законодательство давало дворянству право везде председательствовать» («Отечественные записки», 1874, V, с. 65)*).

Многочисленные последующие издания «Анны Карениной» или полностью повторяют комментарии Э. Г. Бабаева со ссылкой на этого ученого, или берут их за основу. Например, составитель Н. Л. Вершинина в издании 1999 года, в разделе «В помощь ученику и учителю», указывает, что в данных комментариях использованы материалы, содержащиеся в трудах, посвященных «Анне Карениной», и комментарии к ней: В. Садовникова, Б. М. Эйхенбаума, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, В. А. Жданова, Е. Н. Купреянова, Н. К. Гея, Э. Г. Бабаева, В. Е. Ветловской: «В соответствии с учебно-организационными целями они [комментарии] объединены и, где необходимо, расширены» [12: 843].

В издании 2003 года (издательство «Дрофа»), вышедшем под грифом «Допущено Министерством образования РФ», составителем и комментатором указан В. М. Сотников [13]. При сопоставлении этих комментариев (всего 62) с комментариями Э. Г. Бабаева ничего принципиально нового выявлено не было: автор сократил количество комментариев и прибавил несколько новых (например: *Серии — здесь: гос. процентные казначейские билеты пятидесятирублевого номинала*). Прошло 20 лет между юбилейным и изданием 2003 года и расстояние между произведением и читателем только увеличилось, однако это не отразилось на публикации всех последующих изданий. Между тем в романе много слов, значение которых не совсем ясно или совсем неясно из контекста, и поэтому, по нашему мнению, их следует объяснить современному читателю.

Сегодняшнему читателю непонятна лексика, связанная с крестьянской жизнью — бытом, работой: это названия предметов, используемых при сельскохозяйственных работах (*скоропашка*), средств транспорта (*катки*), домашних животных (*валушок, третьяк*), единиц измерения (*четверть*), работников (*рядчик*), действий (*дво-*

ить). В романе много сцен, посвященных охоте. Автор широко использует специальную охотничью терминологию: названия экипажей (*догкарты*), частей оружия (*антаба*), собак (*половопегий пойнтер*), одежды (*поршни, подвертки*); диалектную лексику, описывающую места охоты (*можечина, кочкарник*). Употребляется большое количество устаревших заимствований: архаизмов, обозначающих абстрактные понятия (*авантаж* — варваризм), качества людей (*бонмотист*); историзмов, называющих различные предметы обстановки (*бювар*), одежды (*ротонда*).

При составлении комментариев к художественному произведению один из вопросов, который решают составители, — вопрос об объеме комментариев: что включать или не включать в комментарий? При этом, в первую очередь, учитывается направленность издания: для массового читателя, для школьников, научное издание. Кроме того, существуют определенные традиции составления комментариев: считается, что стремление объяснить *всё* в произведении должно быть свойственно прежде всего автономным комментариям, т. е. выходящим отдельным изданием (к «Анне Карениной» нет автономного комментария — условно таковым можно считать информацию из исследования Э. Г. Бабаева «„Анна Каренина“ Л. Н. Толстого», предваряющую комментарий юбилейного издания [1]). Представляется, что при переиздании сегодня этого романа Л. Н. Толстого требуются новые комментарии, которые отразят изменения, произошедшие за 150 лет со времени написания романа и за 25 лет со времени последнего комментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев Э. Г.* «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М., 1978.
2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного М., 1990.
3. *Мильчин А. Э., Чельцова Л. К.* Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. М., 2003.
4. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина // Русский вестник. 1875–1877.
5. *Толстой. Л. Н.* Анна Каренина. 8 ч. и последняя. М., 1878.
6. *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч. Т. 9, 10. М., 1913.
7. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Петроград, 1919.
8. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М.; Л., 1928.
9. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 18 и 19. Ред. Н. Н. Саккулин, Н. К. Гудзий. М.; Л., 1934.
10. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина / Под ред. В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур. М., 1970.
11. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 8, 9. М., 1978–1985.
12. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М., 1999.
13. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М., 2003.

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИОСИФ БРОДСКИЙ В XXI ВЕКЕ»

(Санкт-Петербург, 20-23 мая 2010 года)

Научно-исследовательская конференция, посвященная семидесятилетию со дня рождения поэта, проходила в Санкт-Петербургском государственном университете. В конференции приняли участие около восьмидесяти исследователей творчества Бродского из 30 городов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

Вице-губернатор Петербурга Алла Манилова подчеркнула важность изучения творчества Иосифа Бродского и его влияния на современную культуру.

На открытии участников конференции поприветствовали председатель комитета по науке и высшей школе правительства Санкт-Петербурга А. Максимов и Генеральный консул США в Санкт-Петербурге г-жа Шейла Гуолтни.

В первый день работы конференции были подведены итоги городского конкурса среди общеобразовательных школ Санкт-Петербурга на лучшую музыкально-поэтическую композицию по произведениям Бродского. На открытии перед участниками выступили победители конкурса — учащиеся школы № 700 Василеостровского района под руководством Ирины Петровой и школы № 328 Невского района под руководством Надежды Куруч. Победители были награждены грамотами и призами. Приз Оргкомитета также получила Марианна Борщевская — доцент кафедры словесности и культурологии Нижегородского института развития образования за создание лучшей учебно-методической разработки по произведениям Иосифа Бродского.

21 мая 2010 года в рамках конференции прошел круглый стол на тему «Влияние творческого наследия Иосифа Бродского на русскую и англоязычную культуру XX–XXI веков», сопредседателями которого выступили члены Оргкомитета конференции: почетный проф. Кильского ун-та (Великобритания) В. Полухина, проф. МГУ им. М. В. Ломоносова А. Ранчин, зав. отделом критики и публицистики журнала «Новый мир» В. Губайловский, ст. науч. сотр. ИРЯК СПбГУ О. Глазунова. В качестве гостей на за-

(Окончание на с. 78)

Н. В. Русанова

ПОЭТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА РАННЕГО СИМВОЛИЗМА

NATALYA V. RUSANOVA
POETICAL RHETORIC OF EARLY SYMBOLISM

Статья посвящена проблеме изучения русской риторики в период раннего символизма, для которого был характерен расцвет художественной литературы. В период раннего символизма произошло соединение приемов классической риторики и гражданственной поэзии.

Ключевые слова: риторика, ранний символизм, поэзия, риторический анализ.

The paper is devoted to the problem of the Russian rhetoric of the early symbolism period studies, which is characterized by the blossom of fiction. The combination of the methods of classic rhetoric and civil poetry took place during the period of early symbolism.

Keywords: rhetoric, early symbolism, poetry, rhetoric analysis.

Наталья Викторовна Русанова

Аспирант Санкт-Петербургского государственного горного института (технического университета)
► natasha_nvp@mail.ru

Уровень развития науки о риторике сегодня позволяет использовать давно уже имеющиеся методы анализа текста в новом ракурсе. В истории существуют примеры того, что художественный опыт предварял теоретические обобщения: так проза «потока сознания», созданная Дж. Джойсом и М. Прустом, или поэзия О. Мандельштама и А. Ахматовой стимулировали интертекстуальные исследования. Поэтому и генезис риторики вполне можно проследить с опорой на художественные произведения.

Применение риторического анализа по отношению к художественному тексту не является новым. В изучении приемов воздействия художественного произведения на читателя представляются наиболее значимыми исследования В. В. Виноградова [4], подходившего к художественному тексту с учетом его целостности, с акцентом на риторичность прозаических жанров.

Воздействующая функция литературного произведения позволяет сближать художественный текст и ораторское искусство. По выражению Р. Лохманн, «риторика репрезентирует не первичный код языка, а поэтический…» [8: 7]. С другой стороны, А. А. Волков, рассматривая различные виды риторического пафоса, показывает, что поэзия выражает риторическую эмоцию [5: 25–26]. Таким образом, смысл и эффект воздействия поэтического произведения выходит за пределы текста как

последовательности знаков, поэтому исследование поэтической риторики не может замыкаться на прямом сопоставлении художественных средств с риторическими приемами.

В современной риторической практике смысловая составляющая высказывания, в большей степени, зависит не от его истинности, а от убедительности формы выражения информации, то есть эмоция превосходит логику, а значит, цель высказывания заключается не в передаче информации, а в эмоциональном воздействии на аудиторию.

В живой разговорной речи редко употребляются формы полного предложения, поскольку используется минимальный набор речевых конструкций, достаточный для коммуникации, ограниченной простейшей бытовой ситуацией. Таким образом, для речи допустимо, чтобы функциональность, прагматика превалировали над грамматикой и синтаксисом.

Художественный текст и риторическое высказывание функционируют в рамках определенных ситуаций, выходящих за пределы бытовой речевой деятельности. Рифма, строфа, ритм стихотворения не закрепляются за определенным текстом, вариант их сочетания может наполняться различным смысловым содержанием, обусловленным задачей автора. Относительная автономность риторических фигур позволяет рассматривать их в роли модели для высказываний различной функциональной направленности. Художественные тексты обладают наибольшей силой воздействия на воспринимающего, поэтому их исследование при помощи риторического анализа может обогатить науку о риторике. В художественном тексте термины «ораторские приемы» и «художественные приемы» организации текста при выбранном подходе выступают как синонимы, так как выполняют одну общую задачу: воздействовать на слушателя, а также максимально раскрыть мысли и чувства автора.

Традиционный риторический анализ речевого высказывания включает в себя выявление и изучение риторических фигур и композиционных составляющих. Такой подход применим к нехудожественной речи, но прямое перенесение его на художественный текст исключает образность, являющуюся неотъемлемой составляющей искусства как такового, а без нее текст утрачивает свою художественность. Метод, при котором риторический анализ строится однолинейно, только на основе лексического и композиционного анализа, неприменим к художественному тексту по той причине, что его смысл исходит из целостности художественного образа. Риторический анализ художественного текста необходимо выстраивать, в первую очередь, на выявлении системы значений и их художественной функции. Исследование риторических компонентов текста целесообразно проводить в два этапа: выявление текстовых единиц, несущих художественный смысл, анализ выделенных единиц и моделирование риторической конструкции текста.

Предлагаемый метод исходит из взаимообусловленности образности текста и его речевой структуры. При данном подходе риторическая конструкция выступает компонентом структуры художественного текста, выполняющим художественную функцию. В свою очередь, структура художественного текста остается определяющей основой риторического анализа, создающегося для каждого художественного произведения.

В России связь поэзии и ораторского искусства особенно ярко проявилась в период раннего символизма.

Рубеж XIX–XX вв. стал началом перехода от традиционалистского к индивидуально-авторскому искусству, переменой установившихся социальных отношений, общекультурного перелома, выразившегося, по словам М. М. Гиршмана, в кризисе риторической культуры. Всё это явилось результатом «переоценки всеопределяющих законов всего сущего» [6: 432]. Русский декаданс возник позднее, чем в других странах, однако его развитие вышло за пределы элитарного круга декадентов. Творческое уныние, присущее всем поэтам периода Fin de siecle, стало почвой для создания произведений новейшего искусства эпохи модернизма.

Особенностью именно русской литературы в целом С. А. Венгеров [3: 234] называл её героический характер, а для данного периода важно от-

метить, что в России художественная литература всегда брала на себя дополнительную роль — философского осмысления и практического преобразования современной ей общественной жизни. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в., в период зарождения символизма, эту дополнительную роль взяла на себя поэзия.

Поэзию конца XIX века можно разделить на три направления. Во-первых, выделившаяся в отдельное направление поэзия С. Надсона и хор его последователей — стихи-«надсониады», сохраняющие тон «скорбных» песен гражданской лирики. Во-вторых, традиционные мотивы лирики Я. Полонского и народовольческая поэзия, в большей мере напоминающая публичную речь, чем поэзию (затем эта поэзия вливается в пролетарскую); и наконец, — нарождающийся символизм.

Символизм возникает как отталкивание от проблем окружающей действительности, уход от погруженности литературы шестидесятых годов в общественную жизнь. Поэзия символизма устремляется вглубь индивидуального сознания, где в отдельно взятом мире, в тишине, пробуждается потребность обрести новые ценности.

Несмотря на мистические устремления рубежа веков, исследователи отмечают, что отличительной чертой русского символизма явилось именно влияние шестидесятничества. Чем же гражданские мотивы русской поэзии так важны для понимания процессов развития риторики?

Теоретико-литературные итоги изучения XX века выявили, что на сегодняшний день гораздо плодотворнее, по мнению В. Кожинова [7], изучать не отдельные течения, школы, эстетические программы или отдельные стилевые принципы, а феномены литературного сознания и литературного бытия.

Однако неисследованной остается проблема трансформаций в теории и практике риторики на рубеже XIX–XX вв. Применительно к теории литературоведения Ю. Тынянов [10: 137–148] писал, что в переходные периоды развития литературы возможно перекрещивание различных литературных направлений — уходящего и нарождающегося. В обилии поэтических течений рубежа веков также возникает совмещение народнических мотивов, присущих поэзии XIX века, и новых мистических устремлений.

По утверждению С. А. Венгерова, русская литература никогда не замыкалась в сферу чисто художественных интересов и всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительское слово [3]. Но выбор периода раннего символизма, с точки зрения истории риторики, оправдан именно тем, что стремление к высшим внеземным идеалам символистской поэзии на первом этапе совпадает в эмоциональном направлении с риторическим пафосом гражданской лирики. Он выражался риторикой гражданской и народнической литературы, но если гражданский пафос был направлен от действительности к революционному идеалу, то у символистов происходит замена революционного идеала на этический.

Сначала протест и желание изменить окружающую жизнь вылились в 1890-х годах в воспевание культа наслаждения, вакхическое восприятие мира требовало поставить красоту превыше всего (гедонизм). Такой способ преодолеть земные путы применяли декаденты и символисты и во Франции, и в Англии, и в других странах. Увлечение различными манифестами в период рубежа XIX–XX вв. было всеобщим: практически все литературные направления и течения излагали свои художественные взгляды не только посредством произведений искусства, но в большей мере — в лозунгах, призывающих предать забвению великие заветы классической литературы.

Поэтом-философом русского декадентства был Николай Минский (Виленкин) (1856–1937). Д. С. Мережковский назвал его поэтом-критиком, поэтом мысли [9: 556]. Гражданским пафосом пронизаны первые сборники стихов Н. Минского — «Песни о Родине» и «Белые ночи». Здесь он выступил как холодный ритор (Д. Мережковский). А. Блок в критической статье, посвященной творчеству Минского, дал определение его поэтическим речам — «холодные слова» [2]. Ю. Айхенвальд, писал, что Минский платит щедрую дань риторике, что он «не совсем поэт» [1: 366–367]. Но Н. Минский был личностью, глу-

боко страдающей от общественной апатии, пришедшей на смену общественного подъема 60-х годов. Сборники Н. Минского отличает не углубленность в нарцисстическое созерцание, а риторический диалог с миром.

Пред зарею

Приближается утро, но еще ночь.
(Исайя, гл. 21,12)

Не тревожься, недремлющий друг,
Если стало темнее вокруг,
Если гаснет звезда за звездою,
Если скрылась луна в облаках
И клубятся туманы в лугах.
Это стало темней — пред зарею...

Не пугайся, неопытный брат,
Что из нор своих гады спешат
Завладеть беззащитной землею,
Что бегут пауки, что, шипя,
На болоте проснулась змея:
Это гады бегут — пред зарею...

Не грусти, что во мраке ночном
Люди мертвым покоятся сном,
Что в безмолвии слышны порою
Только глупый напев петухов
Или злое ворчание псов.
Это — сон, это — лай пред зарею...

Общее настроение стихотворения «Пред зарею» (1878) близко ораторской речи, поскольку риторический пафос придает тексту интонацию вдохновляющую, близкую к воззванию. Обращения «не тревожься, недремлющий друг», «не пугайся, неопытный брат», «не грусти», а также анафоры «это стало темней», «это гады бегут», «это сон, это лай», эпифора «пред зарею», выступающая в качестве названия стихотворения, соотносятся с одним из наиболее характерных приемов художественной речи — приемом повтора. В нехудожественной речи повтор одних и тех же слов и выражений является признаком невысокой речевой культуры, однако тот же самый повтор в художественном контексте приобретает специфическую функцию — он говорит об особом значении, придаваемом автором повторяющемуся слову. В данном случае — слову «заря», выступающему смысловой доминантой всего текста. В поэзии Минского мотив света-тьмы занимает важное место, декадансные настроения он облекает в метафору предрассветной тьмы, а «заря» становится символом нового состояния, получившим в дальнейшем в поэзии символистов другое значение.

Попытка подхватить гражданские мотивы — некрасовские ноты — была воспринята восторженно публикой, но не стала художественным откровением. Поэзия раннего символизма лишена гармонии, она — констатация неблагополучного состояния мира, однако в ней нет призыва к немедленному изменению, а присутствует лишь тягучее ожидание. Поэт декаданса осознает, что «жажда жгучая святынь» – единственно возможное состояние художника в эпоху безвременья, «среди пустыни бесконечной». Его уныние проистекает из невозможности воплощения идеала. В начале своего творческого пути он исповедует общественный, гражданский идеал и исчерпывает его. Поэт прозревает святыню значительнее — «мир не существующий и вечный».

Другим источником «сознательного горя» Минского стало его поэтическое отвлечение от тем гражданственного характера. Русскому интеллигенту конца XIX века было присуще ощущать себя лично ответственным за общественное неблагополучие, но именно этот стыд и лишил его свободы творчества. Не случайно его знаменитый трактат назван «При свете совести». Но именно совесть интеллигента не дает ему стать свободным художником. Его философский трактат был нужен в первую очередь ему самому, чтобы преодолеть земные оковы, утвердить в себе стремление к идеальному, невозможному, несуществующему, растворенному во вселенной, и признать его непознаваемым. И это не парадоксальная основа философской теории, меонизма (от платоновского μὴ ὂν — несуществующее), а вариант новой философии. Настоящее раскрытие его поэтического таланта происходит тогда, когда Минский в риторическом поиске находит внеземной идеал. Пройдя дорогой скитаний, он находит единственно возможный путь:

Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что всё равно,
Каким путем идти.

Таким образом, можно сделать вывод, что в поэтике революционные принципы раннего символизма утверждались посредством революционной риторики шестидесятничества. Всеобщая классическая риторика в период раннего символизма начинает эпоху перехода от единого канона к множеству индивидуальных риторик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1994.
2. *Блок А. А.* Холодные слова // Золотое руно. 1908. № 7–9.
3. *Венгеров С. А.* Русская литература XX века. 1890–1910. М., 2004.
4. *Виноградов В. В.* О художественной прозе. М.; Л., 1930.
5. *Волков А. А.* Основы риторики. М., 2003.
6. *Гиршман М. М.* Литературное произведение: Теория художественной целостности. М., 2007.
7. *Кожинов В. В.* Классицизм, модернизм и авангардизм в XX в. В кн.: Теоретико-литературные итоги XX века. М., 2003.
8. *Лохманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. (Серия «Современная западная русистика». Т. 34.)
9. *Мережковский Д. С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
10. *Тынянов Ю. Н.* О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 137–148.

[хроника]

[МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИОСИФ БРОДСКИЙ В XXI ВЕКЕ»]

(Окончание. Начало на с. 73)

седании присутствовали режиссер документального кино А. Гутман и гл. ред. журнала «Нева» Н. Грацева.

Участники круглого стола отметили, что «Иосиф Бродский не только завершает классический период русской поэзии XX века, но и является посредником между высокой традицией прошлого и современным литературным процессом». Было подчеркнуто, что сегодня настал момент, когда стоит поговорить и об обратной тенденции в нашем поэтическом и культурном пространстве: о влиянии творчества Бродского на современную русскую и англоязычную культуру — влиянии не столько прямом, сколько косвенном, но от этого не менее действенном.

На круглом столе были рассмотрены проблемы, связанные с творчеством Иосифа Бродского и его местом в отечественной и мировой культуре. Обсуждение проходило по следующим вопросам:

– с чем связано усиление интереса к творчеству поэта?

– какие ответы на духовные запросы времени даёт Бродский?

– можно ли считать Бродского главной поэтической фигурой конца XX века — по масштабу творчества и степени влияния на культуру и поэтический процесс?

– что изменилось в нашем сознании и культуре после ухода поэта?

– имеет ли расширение интереса сугубо положительные стороны или неизбежны «издержки» на пути распространения творческого наследия Бродского?

– что надо учитывать при преподавании поэзии Бродского в условиях, когда его творчество изучают уже не его современники, а младшее поколение — те, кто родился и вырос совсем в другую эпоху?

По итогам работы круглого стола было принято заявление, в котором отмечались как положительные моменты усиления интереса к творчеству Бродского, так и настораживающие стороны этого процесса.

Заседания по секциям в рамках работы конференции отражали наиболее существенные направления современных исследований: «Иосиф Бродский и русская культура XVIII — XX веков», «Творчество Иосифа Бродского в контексте англоязычной поэзии и культуры», «Анализ одного стихотворения», «Иосиф Бродский: искусство перевода». С докладами выступили ведущие российские и зарубежные исследователи творчества Бродского: И. Плеханова (Иркутск), А. Ранчин (Москва), И. Романова (Смоленск), Р. Измайлов (Саратов); О. Лекманов (Москва), О. Глазунова (Санкт-Петербург), В. Полухина (Великобритания), С. Хаги (США), М. Кшондзер (Германия), А. Аллева, К. Скандура и А. Ниеро (Италия), В. Семёнов (Эстония).

Во время проведения круглого стола «Произведения Иосифа Бродского в рамках школьной программы» обсуждались вопросы, связанные с уровнем подготовки российских школьников и качеством преподавания в средних учебных заведениях РФ. Преподаватели вузов, школьные учителя, методисты и исследователи творчества Бродского поделились своими взглядами на эти проблемы.

На конференции состоялся открытый обмен мнениями по наиболее актуальным вопросам изучения творчества Бродского и его влияния на современную отечественную и зарубежную культуру. Участники подвели итоги, наметили дальнейшие перспективы исследований. Было отмечено, что в настоящее время интерес к личности и творчеству Бродского в России заметно вырос и стал одним из важнейших показателей сопротивления культурной энтропии последних десятилетий.

Конференция собрала в Санкт-Петербурге исследователей самых разных взглядов и направлений деятельности, дала возможность выявить их глубокий научный и философский интерес и бережное отношение к творчеству одного из самых ярких поэтов XX века.

Институт русского языка и культуры (ИРЯК) СПбГУ

Э. К. Александрова

ДИСКУРС СЛУХОВОЙ ПАМЯТИ В РОМАНЕ ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»

ELMIRA K. ALEKSANDROVA
THE DISCOURSE OF «AURAL MEMORY»
IN THE NOVEL OF GAZDANOV «AN EVENING AT CLARE»

Эльмира Камильевна Александрова

Стажер Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
► egumerova@mail.ru

Статья посвящена дискурсу слуховой памяти в романе писателя-младоэмигранта Гайто Газданова «Вечер у Клэр» (1929). Анализ ряда акустических образов, составляющих слуховое воспоминание героя-рассказчика Николая Соседова, позволяет вскрыть некоторые «механизмы» творческого метода Газданова. Ассоциативный ряд, построенный главным образом на основании памяти слуха, дополнен визуальными образами, отложившимися в зрительной памяти, интертекстуальными и интеркультурными аллюзиями. В творческом арсенале писателя различные виды памяти взаимопроникают, взаимодействуют, позволяя «двигать» внутренний сюжет произведения без опоры на традиционную романную интригу.

Ключевые слова: Газданов, «Вечер у Клэр», слуховая память, акустический образ, интертекстуальность.

The present study is devoted to the discourse of «aural memory» in the novel «An Evening at Clare» (1929) by Gayto Gazdanov (Russian émigré writer of the junior generation). The analysis of acoustic imagery (which comprises the acoustic recollections of the narrator named Nikolay Sosedov) makes it possible to reveal some Gazdanov's creative devices. Associations based mostly on aural memory are supplemented by adding other «receptors», intertextual references, historical actuales, etc. In Gazdanov's novel different kinds of memory interact with each other and construct the plot, helping develop it without the traditional novel intrigue.

Keywords: Gazdanov, «An Evening at Clare», aural memory, acoustic imager, intertextuality.

Современники Газданова в своих критических отзывах и рецензиях на «Вечер у Клэр» отмечали одну из главных особенностей романа — бессюжетность и построение на основе череды эпизодов, связанных друг с другом лишь памятью героя-рассказчика. Роман воспринимался как «развертывание длинной цепи образов-ассоциаций»[1], «серия воспоминаний, переходящих из одного в другое»[2]. Такое построение критики и рецензенты связывали, в первую очередь, с влиянием М. Пруста[3]. По его собственному признанию, ко времени создания «Вечера у Клэр» Газданов еще не прочел Пруста. Как указывает Л. Диенеш, «…память, наряду с другими важными для него темами, была естественным предметом его рассуждений и одновременно являлась для него <…> структурным принципом»[4].

Подобное определение «Вечера у Клэр» как романа, построенного на нанизывании отдельных эпизодов, где сцепляющей нитью,

«структурным принципом», становится память, уже не раз становилось предметом исследования в газдановедении[5]. В данной работе мы обратимся к анализу эпизода, который демонстрирует дискурс слуховой памяти[6], вскрывая многие «механизмы» газдановского творческого метода. Слуховая память — одна из разновидностей образной памяти, связанная с запечатлением, сохранением и воспроизведением слуховых образов[7]. Благодаря слуховой памяти человек может узнавать знакомые звуки, мысленно воспроизводить их и использовать звуковые впечатления из прошлого.

«Сцепляющим» звеном двух эпизодов «Вечера у Клэр»: рассказа о Борисе Белове, художнике Северном и студенте Смирнове и повествования об учебе в гимназии, — становится воспоминание героя-рассказчика, вызванное «подземным шумом» из темноты и глубины. Его можно определить как меморативный знак,[8] провоцирующий дальнейший ряд акустических образов слуховой памяти: «Я слышал в нем (в подземном шуме. — *Э. А.*) и шорох песка, и гул трясущейся земли, и плачущий, ныряющий звук чьего-то стремительного полета, и мотивы гармоник и шарманки; и, наконец, ясно доходил до меня голос хромого солдата: Горел-шумел пожар московский…»[9] Слова, предваряющие этот эпизод: «Тогда в России…» (I, 106), — неоднозначно указывают на то, что перед нами действительно воспоминание. По всей видимости, речь идет о времени пребывания героя-рассказчика в Севастополе.

Это отрывочное, как будто «недоговоренное» перечисление акустических образов несет на себе, по-видимому, гораздо бо́льшую смысловую нагрузку, чем может показаться на первый взгляд. «Шорох песка и гул трясущейся земли» можно расценивать как автореминисценцию, отсылающую к началу романа. Герой-рассказчик после посещения в Севастополе могилы своего товарища Дикова ощущает «внутреннюю тишину», которая связывает его с происшедшей катастрофой: «И мне *представилось* огромное пространство земли, ровное, как *пустыня*, и *видимое* до конца. Далекий край этого пространства внезапно отделяется глубокой трещиной и *бесшумно* падает в пропасть, увлекая за собой все, что на нем находилось. *Наступает тишина*. Потом *беззвучно* откалывается второй слой, за ним третий; и вот мне уже остается лишь несколько шагов до края; и, наконец, мои ноги уходят в *пылающий песок*; в медленном *песчаном* облаке я тяжело лечу туда, вниз, куда уже упали все остальные. Так близко, над головой, горит желтый свет, и солнце, как громадный фонарь, освещает черную воду неподвижного озера и оранжевую мертвую землю» (курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, мой. — *Э. А.*; I, 63–64).

В данном отрывке резко подчеркнута беззвучность происходящего обрушения: «бесшумно падает», «наступает тишина», «беззвучно отрывается». Первая компонента интересующего нас ряда акустических образов, напротив, подчеркнуто «звучащая»: «шорох», «гул». Представляется, что два этих описания являются зеркальными отражениями одного и того же «пейзажа» с точки зрения чувственного восприятия: «видимое», но беззвучное пространство, воспринимаемое зрением («мне представилось»; «видимое до конца»), и услышанные (с закрытыми глазами) «шорох песка и гул трясущейся земли». В то же время подчеркнутая беззвучность, безмолвие этой разверзающейся бездны как будто и позволяет услышать тихий звук — «шорох»/шуршание осыпающегося в пропасть песка и физически ощутить гул земли. Далее в романе снова возникает тот же пейзаж: «…опять оранжевое пламя подземного солнца осветило долину, куда *я падал в туче желтого песка*, на берег черного озера, *в мою мертвую тишину*» (I, 93).

Таким образом, акустические образы «шорох песка, и гул трясущейся земли» из первого отрывка становятся метонимией всеобщего краха, гибели, смерти, раскрытых в последующих фрагментах, которые строятся на визуальных образах зрительной памяти. Комментаторы «Вечера у Клэр» расценивают его как «пейзаж смерти», имеющий «большую традицию, восходя к „Мыслям“ Б. Паскаля, „Сказке извилистых гор“ Э. По[10], полотну Д. Беллини „Души чистилища“ (источники, указанные самим автором)» (I, 810). С. Кабалоти связывает эти «пейзажи» с ландшаф-

тами на картинах С. Дали[11]. Вполне определенную трактовку означенный эпизод получает при сравнении его с последующим творчеством Газданова. В многочисленных обращениях к «пейзажу смерти» самим писателем дана атрибутированная аллюзия, отсылающая к книге Б. Паскаля «Мысли о религии и о некоторых других вопросах» (первое неполн. изд. 1670).

В «Заметках об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» (1929) Газданов пишет: «…обостренное сознание неминуемого приближения смертельной опасности делает этих людей, с нашей точки зрения, почти сумасшедшими: вспомните Паскаля, всегда видевшего *бездну рядом со своим стулом*» (I, 708). В рассказе «На острове» (1932) преподаватель русской литературы Валентин Валентинович Рашевич «с волнением в голосе повторял фразу Паскаля, ужасную по своему трагизму, почти нечеловеческому: — "C'est le silence éternel des éspaces infinis qui m'effraye" [Меня ужасает вечное безмолвие бесконечных пространств (фр.)]» (II, 330)[12].

В романе «Ночные дороги» (1938) бездомный философ-алкоголик Платон при встрече с героем-рассказчиком заявляет: «Паскаль был просто больной, вы это знаете так же хорошо, как я; <…> А *стул на краю бездны*, который он видел? А это глупейшее "*вечное безмолвие бесконечных пространств*"? — что нам до этого *безмолвия*, скажите на милость? Клинический случай? — да. Материал для анализа в области буйных помешательств? — да. Но только не философия и не наука, будем же, наконец, говорить серьезно» (II, 193–194). Жестокая ирония этой ситуации заключается в том, что Платон, последовательно отвергающий все достижения цивилизации и иронизирующий над «клиническим случаем» Паскаля, сам находится в состоянии того же неудержимого падения в бездну, «погружается в мертвое молчание» (II, 193). Федорченко, который скоро покончит жизнь самоубийством, не справившись с обрушившимися на него вопросами о смысле жизни, вызывает у встретившего его в кафе на Монпарнасе героя-рассказчика паскалевские ассоциации: он «был похож на *человека, падающего с отвесной стены*, — и, подумав это, я вспомнил Платона и разговор *о стуле над бездной*» (II, 201).

Глубочайший интерес Газданова к этой теме можно проследить, обратившись к его выступлению на радио «Свобода», посвященному П. Валери, от 15/16 ноября 1971 года. Газданова заинтересовала одна из «Вариаций»[13] Валери по поводу знаменитой фразы Паскаля: «Меня пугает это вечное безмолвие бесконечных пространств». Приведя пространную цитату, Газданов задается вопросами: «Молчит ли небо, как утверждает Паскаль, или поет, как говорит Валери? Вопрос, совершенно опять-таки недоказуемо, в другом: кто прав? Тот, кто слышит метафизическую симфонию, или тот, кто ее не слышит? Или еще иначе. Должны ли мы ее слышать или нет? Для Валери ответ на этот вопрос ясен: да, должны. Это симфония мира, в котором мы живем. Это смысл религии. Это наша защита против той мрачной безличности, которую мы создаем сами, как безутешный Паскаль» (IV, 426). По мнению самого Газданова, «спора, собственно нет. Есть два различных мироощущения. Оба одинаково законные, но ни одно из которых не может рассматриваться как очевидная истина» (IV, 426).

Песчаная бездна, в которую погружается герой-рассказчик в «Вечере у Клэр», подчеркнутое безмолвие, окружающее его, непосредственным образом отсылают к паскалевской философии. Можно говорить о некоем способе мировидения/мироощущения, которому присуще метафизическое восприятие смерти как ухода в безмолвное небытие, падение в песчаную бездну и, соответственно, растворение в окружающем мире (неслучайны огромные *песчаные* пространства: человек как будто становится песчинкой в пустыне). Можно было бы предположить, что это состояние близко к буддистской «нирване», однако паскалевское небытие, вызывающее у человека ужас, воспринимается как нечто явно со знаком «минус».

Обратимся к следующей составляющей означенного ряда акустических образов: «Я слышал в нем <…> *плачущий*, *ныряющий* звук чьего-то *стремительного полета*» (I, 106). Последующий текст романа позволяет предположить, что речь в данном случае идет о нырке, водоплавающей птице из разряда гусеобразных (обратим внима-

ние также на общую корневую основу у отглагольного прилагательного «*ныр*яющий» и существительного «*ныр*ок»). Эта птица в романе упоминается еще дважды. По прибытии бронепоезда «Дым» в Севастополь, герой-рассказчик так описывает местные пейзажи: «Лежали белые известковые дороги, проходившие над морем, глиняные горы громоздились по берегам, *летели и стремительно падали в воду* маленькие нырки…» (I, 147). Заметим, что в данном случае, описывая полет птицы, Газданов пользуется тем же эпитетом — «стремительно»[14]. Далее герой-рассказчик говорит о том, как он однажды «убил из винтовки нырка; он долго качался на волнах и должен был, казалось, вот-вот подплыть к берегу, но прибрежное течение снова относило его, и я ушел только тогда, когда стемнело и нырок стал не виден» (I, 152).

Любопытно, что герой-рассказчик долго наблюдает за трупом птицы. По-видимому, это вызвано не только и не столько голодом и желанием добраться до птицы, чтобы употребить ее в пищу, а скорее связано с внутренними, метафизическими переживаниями героя, которые отчасти раскрываются в дальнейшем: «С таким же бессилием и мы колебались на поверхности событий; нас относило все дальше и дальше — до тех пор, пока мы не должны были, оставив зону российского притяжения, попасть в область иных, более вечных влияний и плыть, без романтики и парусов, на черных угольных пароходах прочь от Крыма, побежденными солдатами, превратившимися в оборванных и голодных людей» (I, 152).

Николай не раз упоминает о своем повышенном интересе к книгам немецкого зоолога А. Э. Брэма «Жизнь животных»: «Я очень любил вообще изображения животных, знал, никогда их не видя, множество пород диких зверей и *три тома Брэма прочел два раза с начала и до конца*. Как раз в то время, когда *я читал второй том "Жизни животных"*, ощенилась сука отца, сеттер-лаверак» (I, 57)[15]. Прямое указание на чтение именно второго тома, посвященного птицам, акцентирует внимание на интересе героя-рассказчика к орнитологической теме. Во втором томе «Жизни животных» помещены главы, посвященные подотряду собственно гусеобразных (Anseres), в который входит подсемейство нырков.

По-видимому, звук полета нырка (который к тому же дополнен визуальными образами ныряющих птиц (I, 147) и образом трупа нырка (I, 152)) — в противовес смысловой нагрузке разрушения, гибели, которую несет на себе рассмотренный выше «шорох песка, и гул трясущейся земли», — приобретает противоположный смысл — творения, созидания (при этом однородные члены предложения: «шорох», «гул» — «звук (полета)» — расширяют свои грамматические характеристики, становясь контекстными антонимами). Демиургическое толкование данного отрывка возможно при обращении к мировым космогоническим мифам, в которых птице, и в частности нырку (утке, водоплавающей птице вообще), отведена ведущая роль. Тотемические образы гуся, лебедя, селезня (утки), нырка наиболее архаичны. В мировоззрении древних они связаны с доиндоевропейскими мифами о первородном яйце и птице, творящей мир. По русскому космогоническому мифу творцом Вселенной был селезень (гоголь-нырок), который долго плавал по безбрежному океану, потом нырнул, достал со дна песок и сотворил из него Мир. Сказание это тесно примыкает к общемировой мифологической традиции, записано в нескольких вариантах и вошло в славяно-русские апокрифы.

Б. А. Рыбаков указывает на средневековую космогоническую легенду, в которой «мир сотворен уткой, плававшей по мировому океану. Согласно мордовскому варианту легенды, <…> мир произошел так: по первичному океану плавала утка (гоголь, нырок), которая нырнула на дно, достала комочек земли и из этого комочка возникла земля и все живое на ней»[16]. Этот космогонический миф встречается и в других вариантах. В книге В. Шкловского «Zoo. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923), которая в свое время оказала сильное влияние на юного Газданова (свидетельство чему — его письмо Н. С. Муравьеву от 7 апреля <1924 г.>; V, 25), приводится «богумильская» легенда о сотворении человека. Бог посылает черта на дно моря, чтобы тот достал

со дна песок, из которого впоследствии Бог создает человека[17]. Тот факт, что Газданов был знаком с книгой Шкловского (более того, он очень высоко оценивал ее художественные достоинства), еще раз косвенно подтверждает правомерность рассмотренного выше толкования.

Таким образом, принимая следующую трактовку обоих акустических образов: всеобщее крушение и гибель и противостоящее ему созидательное усилие, творение нового мира, — можно говорить о том, что в романе криптографически проведена линия крушения старого/созидания нового. И она выражена не только эксплицитно: как отраженное и проговоренное самим героем-рассказчиком внутреннее состояние или внешнее изменение условий (как на уровне личного бытования героя, так и в масштабах страны), — но и имплицитно, в иных случаях, возможно, даже бессознательно.

Возвратимся к интересующему нас эпизоду «Вечера у Клэр» — слуховому воспоминанию героя-рассказчика: «Я слышал в нем и шорох песка, и гул трясущейся земли, и плачущий, ныряющий звук чьего-то стремительного полета, *и мотивы гармоник и шарманки; и, наконец, ясно доходил до меня голос хромого солдата: Горел-шумел пожар московский...*» (I, 106). Кульминационный момент этого слухового «припоминания» сосредоточен в строке песни. На первый взгляд эта вербальная компонента органично продолжает предшествующий акустический ряд. Вместе с тем уточнение героя-рассказчика: «голос *хромого солдата*», — визуализирует картину этого «аудиовоспоминания» (весьма сомнителен тот факт, что голос *хромого солдата* можно отличить от голоса кого-то другого (не солдата), тем более не хромого, «на слух»). Неопределенность субъекта действия в предыдущем отрывке: «звук *чьего-то* <…> полета» (I, 106) и предваряющее звуковой ряд пояснение героя-рассказчика еще раз это подчеркивает: «А когда мои *глаза* уставали, я *закрывал их*, и *перед моим взглядом как бы захлопывалась дверь*; и вот из *темноты* и глубины рождался подземный шум, которому я внимал, *не видя* его, не понимая его смысла, стараясь постигнуть и запомнить его» (I, 106).

«Ясно доходящий» голос хромого солдата как будто разрывает эту временную слепоту и стирает границы между чувствами зрения и слуха, ведь только после песни «Горел-шумел пожар московский» герой-рассказчик снова возвращается к визуальному восприятию мира: «И тогда я *снова открывал глаза* и *видел* дым и красное пламя, озарявшее холодные зимние улицы» (I, 107). По-видимому, в данном случае можно говорить о «семантическом жесте» (Я. Мукаржовский), т. е. художественном образе, основанном на введении в действие «отклоняющихся словесных групп», получении преднамеренного сдвига в тезаурусе, создании асимметрии между ожидаемым и реализованным в тексте[18]. В данном случае перед нами снова пример того, как взаимодействие различных видов памяти позволяет двигать внутренний сюжет.

Обращение Газданова именно к этой песне весьма существенно. «Горел-шумел пожар московский…», как указывают комментаторы собрания сочинений Газданова: «в ином варианте: „Шумел, горел пожар московский…“ — первая строка песенной переработки популярного во второй половине XIX — начале XX вв. стихотворения поэта и драматурга Н. С. Соколова „Он“ (1850) о пожаре в Москве во время нашествия Наполеона» (I, 813). Уточним, что авторство именно драматурга Николая Семеновича Соколова (конец 1810-х — после 1850-х гг.) с полной достоверностью не установлено[19]. В основе песни — текст стихотворения «Он» («Кипел, горел пожар московский...»), опубликованного в 1850 году в альманахе «Поэтические эскизы» и подписанного «Н. Соколов». Авторский текст, состоящий из девяти строф, в народной песенной переработке сокращен до шести и существенно изменен на уровне лексики[20].

Песня появилась сначала в лубках (в 1880-х гг.)[21] с изображением Наполеона на фоне пожара Москвы, в начале XX века — в песенниках[22]. У нее было несколько названий: «Пожар московский, или 1812 год», «Наполеон в Москве» и др.; неоднократно переделывалась вплоть до Гражданской войны. Песня была записана на металлические пластинки для механических органов, стоявших чаще всего в трактирах. Возможно поэтому, в романе Газданова голосу солдата аккомпанируют «мотивы гармо-

ник и шарманки» (I, 106). В начале 1900-х годов. «Пожар московский» был записан на пластинках в исполнении самых популярных исполнителей того времени — М. Комаровой, М. Лидарской, Ю. Морфесси и др. В дискографии Н. Плевицкой автором мелодии указан А. Зарема, то же в дискографии Ю. Морфесси[23]. Приведем текст песни[24]:

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;
Он видел огненное море.
Он видел гибель впереди.

И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил
И тихим голосом сознанья
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

Войска все, созванные мною,
Погибнут здесь среди снегов.
В полях истлеют наши кости
Без погребенья и гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

Обращение к этой песне как будто поддерживает тему «невозвращения» на Родину, смерти вне Отечества, рефреном проходящую через весь роман и словно бы нашедшую отражение в строках песни: «Войска все, созванные мною, / Погибнут здесь среди снегов. / В полях истлеют наши кости / Без погребенья и гробов». Указание на то, что это песня «хромого солдата» (I, 106), призвано катализировать «военную» тематику.

Еще одну смысловую коннотацию этого эпизода можно выявить, обратившись к рассказу Газданова 1928 года «Товарищ Брак». В ресторане «Румыния» герои наблюдают за скорченной от «злобы и ожидания» Татьяной Брак, которая тщетно ожидает прихода на свидание коммерсанта Сергеева. Вила комментирует эту сцену следующим образом: «Посмотрите <…> вот: любовь играет человеком» (I, 566). Генерал Сойкин тут же «меланхолически» поправляет своего товарища: «Что ты путаешь? <…> Судьба играет человеком, а не любовь». На это Вила иронически замечает: «Конечно, если ты играешь на мандолине, то ты должен знать „Горел-шумел пожар московский“» (I, 566). Суть этого разговора в том, что оба друга «оперируют» словами из песни «Пожар московский»: генерал Сойкин практически цитирует строку из последнего куплета: «Судьба играет человеком, / Она изменчива всегда, / То вознесет его высоко, / То *бросит в бездну без стыда*». Эта песня вводит мотив переменчивой судьбы человека, который особенно актуализирует трагическая судьба Татьяны Брак. Примечательно, что в песне также упоминается образ «бездны», но в весьма упрощенном виде, вне метафизического смысла паскалевской философии[25]. В «Вечере у Клэр» слуховое воспоминание героя-рассказчика о песне «Пожар московский», воспринимаемое в свете рассказа «Товарищ Брак», подспудно вводит другую тему, весьма характерную для всего творчества Газданова — тему случайности/закономерности происходящего в жизни[26].

Обращение к приведенному эпизоду, демонстрирующему дискурс слуховой памяти, позволяет говорить о том, что творческий метод Газданова отнюдь не ограничивается рамками простого «нанизывания эпизодов». Ассоциативный ряд, построенный главным образом на основании памяти слуха, дополнен визуальными образами, отложившимися в зрительной памяти, интертекстуальными и интеркультурными аллюзиями и пр.[27] В творческом арсенале писателя различные виды памяти взаимопроникают, взаимодействуют, позволяя «двигать» внутренний сюжет произведения без опоры на традиционную романную интригу[28].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Савельев А.* [Рец. на:] Газданов «Вечер у Клэр» // Руль. 1930. 3 апр. (№ 3843). С. 5.

[2] *Оцуп Н.* [Рец. на:] Гайто Газданов. «Вечер у Клэр» // Числа. 1930. Кн. 1. С. 232.

[3] См.: *Осоргин М.* [Рец. на:] Гайто Газданов. «Вечер у Клэр» // Последние новости. 1930. 6 фев. С. 3; *Адамович Г.* «Вечер у Клэр» Г. Газданова // Иллюстрированная Россия. 1930. 8 марта. № 11 (252). С. 14; *Зайцев К.* «Вечер у Клэр» Гайто Газданова // Россия и славянство. 1930. 22 мар. (№ 69). С. 3; *Слоним М.* Роман Газданова // Воля России. 1930. № 5/6. С. 454–457; *Вейдле В.* Русская литература в эмиграции: новая проза // Возрождение. 1930. 19 июня (№ 1843). Современные исследователи склонны к пересмотру данной тенденции и не столь категоричны в оценке возможного влияния Пруста на творчество Газданова. См. об этом, напр.: *Кибальник С. А.* Газданов и Толстой: (о романе «Вечер у Клэр»). — http://www.newruslit.ru/for_classics/tolstoy (дата обращ.: 18. 05. 2010); *Ким Се Унг.* Мемуары как один из важнейших источников изучения культурной жизни «Русского Монпарнаса»: творчество Дж. Джойса и М. Пруста в художественных исканиях молодого поколения первой волны русской эмиграции // Проза: поэзия: критика. М., 1996. С. 89–103; *Матанцева Л. В.* К проблеме литературного характера в свете западноевропейской романной традиции XX в.: Г. Газданов и М. Пруст // Вестн. Самарского гос. ун-та. Самара, 2001. № 1 (19). С. 111–115; *Северинец А. К.* «Поток сознания» в системе модернистского романа: (Г. Газданов и М. Пруст) // Славянские литературы в мировом контексте: Ч. 2. Минск, 2000. С. 210–213; *Цхофребов Н. Д.*: 1) Марсель Пруст и Гайто Газданов // Гайто Газданов в контексте русской и европейской культуры. Владикавказ, 1998. С. 13; 2) Марсель Пруст и Гайто Газданов // Русское зарубежье: приглашение к диалогу. Калининград, 2004. С. 65–76.

[4] *Диенеш Л.* Гайто Газданов: жизнь и творчество. Владикавказ, 1995. С. 105–106.

[5] См., напр.: *Геблер Ф.* Время и воспоминания в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» / Пер. с нем. Е. Шуклиной // URL: http://lit.1september.ru/2001/45/2.htm (дата обращ.: 24. 05. 2010); *Джусойты Н. Г.* Высокое «искусство воспоминания»: о романе Газданова «Вечер у Клэр» // Соц. Осетия. 1991. 1 авг.; *Кузнецова А.* Параллели Г. Газданов — В. Яновский: «проза памяти» и «проза вымысла» // Балканская русистика [сайт]. — http://www.russian.slavica.org/article917.html (дата обращ.: 24. 05. 2010); *Шабурова М. Н.* Мотив памяти в романах Газданова 30-х годов // Гайто Газданов и «незамеченное поколение». М., 2005. С. 170–177.

[6] Под «дискурсом» мы понимаем «всякое употребление языка» (*Fasold R.* Sociolinguistics of Language. London, 1990. P. 65. Цит. по: *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003. С. 86). О проблеме литературного дискурса см., напр.: *Кулибина Н. В.* Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // Мир русского слова. 2001. № 1. С. 57–64; *Шаклеин В. М.* К вопросу определения понятия невербального дискурса / В. М. Шаклеин, Т. Л. Музычук // Там же. 2009. № 2; *Бальбуров Э. А.* Память в литературном дискурсе // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: матер. конгресса: СПб., 15–17 окт. 2008 г.: рус. лит. в контексте мировой культуры: В 2 т. / Под ред. П. Е. Бухаркина, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. СПб., 2008. Т. 2. Ч. 2. С. 15–16.

[7] См.: Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М., 2004. Американский исследователь Р. Вроон использует термин «акустическая память» (в докладе «Акустическая память как сверхличностный творческий импульс (на материале Набокова, Бродского и др.)»), заимствуя его из сферы когнитивной психологии, где он обозначает «механизм кратковременной памяти, при котором слуховые образы сохраняются в форме, отражающей их акустические свойства. <…> Применительно к литературному творчеству речь идет об акустических впечатлениях (часто оперирующих на дологическом уровне), которые в силу их постоянного резонирования в окружающей среде входят в фонд долговременной памяти и спонтанным образом вкрадываются в текст» (См.: *Сазонова Л. И.* Вторая научная конференция «Память литературного творчества»: 30 окт.–1 нояб. 2007 г // Известия РАН: сер. лит. и яз. 2008. Т. 67. № 4. С. 70–77).

[8] О меморативном знаке у М. Пруста см., напр.: *Подорога В. А.* Двойное время // Феноменология искусства. М., 1996. С. 105–106, 114.

[9] *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 106. Далее ссылки на это издание (М., 2009. Т. 1–5) приводятся в тексте с указанием номера тома римской цифрой и номера страницы — арабской.

[10] Обычно переводится как «Повесть скалистых гор» (См.: *По Э. А.* Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1995. Т. 2). Газданов был знаком с произведением Э. По в переводе К. Д. Бальмонта — со «Сказкой извилистых гор» (см.: *По Э. А.* Собр. соч.: В 5 т. / Пер. К. Д. Бальмонта. М., 1901–1912. Т. 1).

[11] См.: *Кабалоти С.* Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. СПб., 1998. С. 187–188.

[12] В неопубликованном при жизни Газданова рассказе «Последний день» (1943) герой-рассказчик положительной стороной своей «душевной бедности» называет «отсутствие страха во всех его видах, за исключением страха чисто метафизического». Далее он продолжает: «Я помню, что знаменитая фраза Паскаля — c'est le silence éternel des éspaces infinis qui m'effraye — была мне всегда необыкновенно понятна» (IV, 564).

[13] П. Валери издал пять сборников эссе и афоризмов «Variétés» (в 1924, 1929, 1936, 1937 и 1944 гг.), т. е. «Разное». Газданов переводит их как «Вариации» (IV, 712).

[14] Примечательно, что могилу Дикова, посещение которой вызывает у Николая «визуальное» воспоминание о «пейзаже смерти», он также находит в Севастополе.

[15] См.: *Брэм А. Э.* Жизнь животных: В 3 т. СПб., 1902–1903.

[16] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 587. В. Н. Топоров приводит широко распространенный в Евразии и Северной Америке космогонический миф, в котором творцом мира выступает гагара. См.: *Топоров В. Н.* Космогонические мифы // Мифы народов мира: энцикл. М., 1980. Т. 2. С. 6–9. О легенде североамериканских индейцев об утке-нырке, творящей мир из кусочка глины со дна моря, см., напр.: *Фрэзер Д. Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1990. 542 с. Примечательно, что ранее в «Вечере у Клэр» уже встречается «намек» на демиургическую функцию птицы именно в такой интерпретации. Бориса Белова, который как-то при-

шел в ателье художника Северного, «поразила нарисованная *птичья голова, держащая в клюве какой-то темный кусок, отдаленно напоминавший обломок железа*. Под картиной было написано: этюд лебедя» (I, 104).

[17] *Шкловский В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1973–1974. Т. 1. С. 197.

[18] См.: *Караулов Ю. Н.* Лингвистические основы функционального подхода в литературоведении // Проблемы структурной лингвистики: 1980. М., 1982. С. 24.

[19] Такое предположение сделал И. Н. Розанов в 1928 г. См.: *Розанов И. Н.* Литературные репутации: Сб. ст. М., 1928. 147 с.

[20] *Соколов Н.* Он // Поэтические эскизы. М., 1850. С. 36.

[21] См.: Бюллетени Гос. лит. музея: № 4. Лубок. Ч. 1. Русская песня / Сост.; коммент. С. А. Клепикова. М., 1939. С. 147.

[22] См., напр.: Новые песни. М., 1910; Новые песни: калека солдат истомленный. М., 1913.

[23] Пластинка фирмы «Пате». М., 1908. № 26715. См.: Очи черные: старинный русский романс. М., 2004, С. 112; 143. В военной открытке «Шумел, горел пожар московский. (Наполеон в Москве). 1812 г. Русская песня» <б. д.> песня приведена в аранжировке И. С. Левкасси.

[24] Старинные русские песни и романсы / Сост. О. И. Федотов. М., 2006. С. 358–359. Здесь указана как песня неизвестного автора.

[25] Ср. с текстом оригинального стихотворения Н. Соколова: «Судьба играет человеком; / Она, лукавая, всегда / То вознесет тебя над веком, / То бросит в *пропасти* стыда» (*Соколов Н.* Он // *Поэтические эскизы. М., 1850. С. 36).* Примечательно, что фраза «судьба играет человеком» стала впоследствии крылатой. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) она получила не менее знаменитое продолжение: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе» (*Ильф И., Петров Е.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 262).

[26] Напр., о проблеме случайного/закономерного в романе Газданова «Полет» см.: *Кибальник С. А.* «J'ai de la chance…», или «счастливый случай» в мире русского экзистенциализма: введение в тему // Случай и случайность в литературе и жизни. СПб., 2006. С. 169–177.

[27] Ср. замечание исследователей (в лингвостилистическом анализе рассказа Газданова «Фонари» (1931)): «Мир Гайто Газданова эгоцентричен, внешняя реальность для него „состоит из напоминаний", служащих для Я лишь первичным впечатлением, которое уводит в путешествие по „галерее своей памяти"» (Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века: анализ текста / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 2002. С. 77).

[28] По-видимому, в этом Газданов оказывается весьма близок творческому методу В. В. Набокова, для которого память становится сюжетообразующей компонентой. См. об этом: *Аверин Б. В.* Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.

[хроника]

«РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ»

В ходе реализации четвертой программы «Русский язык и современная Россия» Российским обществом преподавателей русского языка литературы в 2010 году проводится ряд научных мероприятий: мониторинг состояния современной русской речи с целью выявления и дальнейшего анализа динамики языковых изменений, анализ состояния преподавания русского языка в школе и вузе, изучение отношения различных слоев российского общества к состоянию современной русской речи. Результаты мониторинга будут отражены в серии научных статей.

Актуальность данного проекта обусловлена необходимостью повышения интереса граждан России к русскому языку и русской культуре. Существует также потребность обмена опытом проведения мероприятий, связанных с русским языком, русской культурой, а также потребность представления общественности объективной картины состояния современного русского языка.

В октябре 2010 года в рамках данного проекта в Санкт-Петербурге состоится награждение победителей IV фестиваля русской речи «Русское слово».

Проект «Русский язык и современная Россия» проводится при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина.

[«КАКИМ Я ВИЖУ РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАВТРА»]

(Окончание. Начало на с. 20, 26, 48)

стему миропонимания народа, его философию, психологию, историю и духовную культуру в целом. Глубинная взаимосвязь языка и культуры определяет жизнеспособность русского языка.

Как справедливо написала учитель Марина Михайловна Панова: «*А еще наш язык будет зависеть от того, какой будет наша жизнь. Если мы согласимся жить под те три притопа — два прихлопа, которые льются на нас с телеэкранов, то „великим и могучим" он останется лишь там, где не достает его волна псевдокультуры — в деревнях, лишенных телевидения, на лесных заимках, в книгах, написанных до нас с вами. Значит, и мы ответственны за то, чтобы не загнать в подполье наше национальное сокровище — язык русского народа, мистически сохраняющий нашу национальную самобытность, наше самосознание, нас, как народ*».

Оргкомитет конкурса эссе благодарит всех участников за высказанные идеи и суждения, перекличка которых дает яркое представление как о состоянии самого русского языка, так и об отражении этого состояния в сознании современников. Мнения петербургских учителей и студентов о будущем развитии русского языка внушают оправданный оптимизм, настраивая на вдумчивое обращение с нашим национальным богатством.

И. М. Вознесенская,
канд. филол. наук, доц. СПбГУ, ст. научн. сотр. ИРЯК СПбГУ

Ю. В. Стрельченя

СИТУАЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ И ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ»)

YULIA V. STRELCHENYA

SITUATION AS A FORM OF IMPLEMENTATION AND A TOOL FOR ANALYZING ETHICAL CONCEPTS IN ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE ON Y. TRIFONOV'S NOVEL "THE HOUSE ON THE EMBANKMENT")

Статья посвящена вопросам, связанным с механизмами формирования этических концептов в смысловой структуре художественного текста. Задача решается на примере концепта *предательство*. Анализ произведен с опорой на ситуативный подход, который включает рассмотрение этической ситуации в ее текстовом воплощении, что позволяет интерпретировать содержание этических концептов с точки зрения тех смыслов, которые актуальны для понимания целого текста.

Ключевые слова: анализ художественного текста, этическая ситуация, этический концепт, концепт *предательство*.

The article is devoted to issues related to the mechanisms of formation of ethical concepts in the semantic structure of literary text. The problem is solved on the example of the concept *betrayal*. The analysis is carried out on the base of situational approach which includes the consideration of ethical situation in its textual embodiment. Such approach allows interpreting the content of ethical concepts in terms of the meanings that are relevant to understanding the whole text.

Keywords: artistic text analysis, an ethical situation, ethical concepts, concept *betrayal*.

Юлия Викторовна Стрельченя

Ассистент кафедры русского языка Петербургского государственного университета путей сообщения
► strelchenya@bk.ru

В смысловой структуре художественного текста информация, затрагивающая нравственные проблемы, является одной из наиболее существенных, определяющих адекватность и глубину восприятия произведения в целом. Основную художественную нагрузку в воплощении такого рода информации несут этические концепты (*добро, зло, долг, честь, совесть, вина, справедливость* и др.), изучению которых посвящены специальные исследования [1]. Реализация этических концептов в художественном тексте (в сравнении с другими типами дискурса — публицистическим, религиозным, научным) имеет свою специфику, что делает актуальной задачу поиска возможных подходов к выявлению и представлению содержания данных концептов, процедуры их анализа.

Проблематика повести Ю. Трифонова «Дом на набережной» обращена к этическим поискам и коллизиям, внутреннему миру человека, который в определенных жизненных условиях поставлен перед необходимостью сделать нравственный выбор. Главный герой повести — Глебов, заключая компромисс с совестью, ищет оправдания своим поступкам, нарушающим верность своему учителю — профессору Ганчуку и его семье. Таким образом, в тематической и смысловой структуре повести особой значимостью обладает концепт *предательство*, который и будет объектом анализа в данной статье.

Содержание данного концепта представлено в тексте преимущественно имплицитно и выводится читателем из интерпретации изображенной ситуации. Связано это с тем, что бóльшая часть информации, затрагивающей нравственную сферу, передается в произведении путем изображения поступка (поступков) того или иного персонажа в проблемной, часто конфликтной ситуации. Осмысление ситуативных параметров (мотивов, целей, средств, последствий и т. п.), связанных с изображением поступка в контексте произведения, включается в рефлективную деятельность реципиента в процессе восприятия текста. Этические категории, часто не имеющие в тексте буквального словесного выражения, идентифицируются читателем посредством установления смысловых отношений между единицами текста, репрезентирующими ситуацию, в рамках которой реализуется смысловое поле концепта.

В качестве опоры, организующей анализ и интерпретацию этического концептуального пространства произведения, может быть рассмотрена *этическая ситуация*, представленная на разных участках текста в отдельных фрагментах, отражающих поступки героя и их оценочное восприятие. В результате анализа и творческой переработки фрагментов текста реципиент, опираясь на общекультурные знания и индивидуальный опыт, конструирует цельный «образ ситуации» [2: 112–113].

Содержание концепта *предательство*, реализованного в смысловой структуре повести «Дом на набережной», можно схематично представить в виде следующей фрейм-структуры:

(a) проявляя доброжелательность к объекту предательства (*O)* и скрывая корыстные цели по отношению к *O;*
(b) субъект предательства (*S*) совершает поступок (*P*), который является результатом нравственного выбора *S*;
(c) совершив *P*, *S* нарушает верность *O*, обманывая доверие к себе со стороны *O*;
(d) поэтому эмоциональная реакция *O* на *P* резко отрицательная;
(e) потому что *O* верил в честность *S*, считал *S* своим другом и не ожидал от *S* бесчестного поведения по отношению к себе;
(f) *S* испытывает чувство вины за *P*;
(g) в итоге отношения между *S* и *O* претерпевают изменения в сторону ухудшения или же полностью прекращаются.

Перечисленные признаки концепта получают реализацию через изображение этической ситуации предательства во фрагментах текста, семантической доминантой которых является тот или иной элемент фрейм-структуры. Такие участки текста являются непосредственными единицами наблюдения и определяются как *композиционно-семантические компоненты* текстовой этической ситуации.

Наблюдение над зонами текста, представляющими композиционно-семантические компоненты этической ситуации предательства, дает возможность анализа речевых средств, являющихся текстовыми репрезентантами концепта *предательство* и конституирующими его смысловое наполнение.

Выявленные компоненты условно можно объединить в группы в соответствии с тремя взаимосвязанными этапами, отражающими динамику совершения предательства главным героем: предпосылки возникновения ситуации → процесс выбора/принятия решения → совершение поступка и его последствия как результат выбора.

Первая группа композиционно-семантических компонентов, репрезентирующих в тексте два концептуальных признака *предательства:* (a) и (e), связана с изображением отношений Глебова с семьей Ганчука до возникновения конфликта*:

(a^1) причиной возникновения дружеских отношений между Глебовым и Ганчуком становится осознанное стремление Глебова **извлечь пользу** из дружбы с профессором для своей учебы в институте; речевую реализацию данный компонент получает в прямой оценке Глебовым «выгодных» для него качеств профессора: «Ганчук был фигурой *внушительной* и, как Глебов догадался, чрезвычайно *ценной* для него на первых порах»;

(a^2) семантика **корыстных намерений** Глебова по отношению к профессору актуализирована в речевых средствах, характеризующих стратегию поведения главного героя: «Глебов не сказал, что работал ночами. Он вовсе не обязан

был так *надрываться* <…> но, как оказалось, сей подвиг вышел гениально *полезным*»; «Постепенно и заново Глебов *вползал* в ауру большого дома»; в качестве предлога для сближения с профессором Глебов использует свое давнее знакомство с Соней Ганчук, которую он знает со школы: «Он *решился* профессору сообщить: так и так, мол, мы с вами, Николай Васильевич, в некотором роде знакомы. Я дома у вас бывал»; «Соня его *занимала слабо*»; «*улучил* минуту и передал привет Соне»;

(a^3) мотивацией **корыстных намерений** героя является дом на набережной, в котором живет семья профессора и к которому с детства вожделеет Глебов; значение этого компонента передают глаголы, содержащие оценку внутреннего состояния Глебова, связанного с восприятием дома: «Большой дом, так много значивший в прежней жизни Глебова — *тяготил*, *восхищал*, *мучил* и каким-то тайным магнитом *тянул* непреодолимо»;

(a^4) тяжелое материальное положение и непреодолимое желание вырваться из нищеты становятся главной причиной, по которой Глебов решает использовать Соню Ганчук и ее чувства для достижения **корыстных целей —** стать в доме на набережной не гостем, а хозяином; содержание данного компонента реализовано на смысловом уровне следующих фрагментов повествования: «стал думать о Соне совсем иначе», «понял, что может полюбить Соню», «Каждый день за завтраком видеть дворцы с высоты птичьего полета!», «И он стал бывать у Ганчуков чуть ли не каждый день. То приходил к профессору, то к Соне», «когда в Брускове разгоралась глебовская любовь, в его доме в Дерюгинском сгущалась комом безысходность, какая сопутствует всякой жизни на излете. Жизнь глебовской семьи была на излете: все шло к развалу, к концу <…> Грудь его теснило, кровь стучала в висках от предчувствия перемен в своей судьбе»;

(e) приложив усилия, чтобы завоевать доверие Ганчука, Глебов добивается своей цели; семантика **доверия** выражена на содержательном и смысловом уровнях текста и связана с экспликацией оценки поведения и внутренних переживаний профессора по отношению к Глебову: «Особенно *расположился* он к Глебову после того, как тот принес всю библиографию по теме, важной Ганчуку для его собственной работы <….> Ганчук *растрогался*»; «Когда Глебов *сделался секретарем семинара*, он стал бывать у Ганчуков чуть ли не каждую неделю»; «Профессор *улыбался*, *довольный… радость* крепла, *дружнела*», «Ганчук всегда был *рад* приходу Глебова», «Профессор раньше говорил ему „голубчик“ и „Вадим Александрович“, а теперь *стал звать его Димой*», «Ганчук объяснял — теперь уже как *своему* человеку, — отчего разразилась вся эта кампания против него»;

Вторая группа компонентов ситуации предательства связана с экспликацией в тексте концептуальных признаков (b) и (c) и репрезентирует внутренний и внешний конфликт, сопровождающий весь процесс нравственного выбора Глебова:

(b^1) анализ речевых средств, эксплицирующих поведенческие характеристики и внутреннее состояние главного героя в процессе принятия решения, позволяет выявить такие семантические компоненты, как **страдание** и **безысходность**: «началась морока, та, что запутала, заморочила и *истерзала* его в конец», «*мучившее* душу нагромождение», «ходил по комнате из угла в угол», «*нещадно* курил, *клял* себя за то, что не объяснился с Ганчуком загодя», «неотлучно *терзала боль*: что делать в четверг», «дело *запутывалось* все туже», «борьба разгоралась нешуточная», «приближалось *неотвратимо* то распутье, пыточное, перед которым стоял и ног под собой не чуял в *изнеможении* — вот-вот упасть…»;

(b^2) в рефлексии над возможными альтернативами выбора содержится информация о конфликте мотивов Глебова, характеристика которых представлена в тексте переплетением синхронного и ретроспективного плана повествования:

– проявления ретроспекции репрезентируют рациональную самооценку Глебовым главного мотива своего поступка — **страха** («Но надо всем этим мучившим душу нагромождением тайно светился — тогда невидимый, теперь же он обрел рисунок — невзрачный скелетик, обозначавший *страх*. Вот ведь что было истинное»; «Но то, что казалось тогда очевидностью и простотой, теперь открывается вдруг новому взору, виден скелет

поступков, его костяной рисунок — это рисунок *страха*»);

– во фрагментах повести, где рефлексия-оценка Глебовым возможных последствий предстоящего поступка представлена в синхронном плане, конфликт мотивов изображен как **борьба «страхов»**: 1) страх неодобрения окружающих («*озлобление* администрации», «*возненавидят* и те и другие», «тут будет со всех сторон: и *проклятие*, и держание рук за спиной, чтобы, не дай бог, не осквернить рукопожатием», «сочтут *предательством*»); при этом осуждение со стороны друзей Ганчука оценивается Глебовым как менее значительное («на все это можно наплевать»), чем неодобрение со стороны врагов профессора («месть будет страшная, скорая»); 2) страх потерять любовь Сони, обманув ее доверие («такая *неотвратимость*, такой *отлом души*: лишиться любви к себе хотя бы одного человека»); 3) страх упустить выгоду и сломать собственную судьбу, защищая интересы Ганчука («*прости-прощай* стипендия Грибоедова, аспирантура и все прочее», «не денежный приварок важен, а моральный импульс — *вперед и вверх*», «спасать его — все равно что *грести против течения* в потоке <…> Выбьешься из сил, и *выбросит волною на камни*»); в формах внутренней речи имплицитное выражение получает **внутренняя борьба с совестью** («А как потом? Как с Соней? Выскажись! Легко сказать. Язык-то не поворачивается»; «Но ведь Николай Васильевич честнейший, порядочнейший человек, вот же в чем суть! И напасть на него — значит, напасть как бы на само знамя порядочности»);

(b^3) поступок главного героя заключается в том, что он не приходит на собрание — смерть бабушки становится для Глебова той уважительной причиной, которую он использует в качестве оправдания невозможности осуществления «должного» в сложившейся ситуации поступка: «Так начался четверг. И никуда в этот день Глебову *не пришлось* идти»; «То, что он не пришел на Ученый совет, имело *уважительную* причину»;

(c) на уровне смысла текста реализуется компонент ситуации, связанный с **обманом доверия**, которое Глебову оказывали друзья, сторонники и семья Ганчука: отсутствием на собрании Глебов нарушает данное обещание оказать поддержку профессору и выступить в его защиту, («Неправда! Выступлю в четверг, скажу!»).

Третья группа композиционно-семантических компонентов ситуации предательства соотносится с концептуальными признаками (d), (f) и (g), связанными с результатом морального выбора — оценкой поступка/последствий поступка Глебова и изменением отношений между участниками ситуации. Речевое воплощение данных концептуальных признаков подчинено точке зрения субъекта предательства. В этой связи фокус изображения последствий, которые повлек за собой поступок Глебова, сосредоточен на внутреннем состоянии главного героя, его оценках и размышлениях:

(d^1) эксплицитную форму выражения в тексте имеет **негативная эмоциональная реакция** жены Ганчука на поступок Глебова, представленная в тексте с позиции Глебова как субъекта восприятия («мгновенно и неуловимо *шатнулась*», «быстрым, *небрежным* жестом показала на вешалку», «*небрежным* жестом было указанно, где сидеть», «отчетливо *холодна*», «*сердита*», «глаза ее *блестели*, движения были поспешные», «Я вас *ненавижу*», «*ненавидела* Глебова», «*Лучше* всего, *если вы уйдете* из этого дома»).

(d^2) отрицательная реакция близкого друга Ганчука на поступок Глебова имплицитно содержится в изображении внешнего конфликта при их встрече; негативная оценка предательства не имеет в данном эпизоде речевых репрезентантов, но ее реализация осуществляется на смысловом уровне благодаря наличию информации об ответной агрессивной поведенческой и негативной эмоциональной реакции Глебова: «И как вел себя Глебов, услышав то, что ему сказали <…> отчего-то *нервность, взвинченность* <…> у Глебова *помутилось сознание* <…> *не соображал, что делает*. Он хотел чуть ли не *задушить* этого человека, *повалил* его наземь, *стискивал* горло»;

(f) существенной смысловой и художественной нагрузкой обладают разнообразные показатели внутреннего **душевного разлада**, которые свидетельствуют о том, что Глебов испытывает **чувство вины и муки совести** за совершенное им предательство:

– семантика вины тесно связана с семантикой оправдания, которая реализована в формах речи, где Глебов выступает субъектом рефлексии-оценки: «То, что он не пришел на Ученый совет, имело уважительную причину. *Более чем!*»; «с тайным *злорадством* подумал, что, в общем-то, *неплохо*, что этих людей поприжали. *Нельзя* же на все смотреть со своей колокольни. *И не случайно у них так мало защитников*»; «Эти слова *успокоили* Глебова: он понял, что старик остался тем же, чем был. Значит, все, что делалось, было *правильно*»; «*Не Глебов виноват* и не люди, а времена»;

– в имплицитной форме **семантика вины** представлена в синхронном плане повествования во внутренней речи Глебова, в которой выражается его нежелание брать на себя ответственность за разрыв отношений с Соней Ганчук («его тянуло хотя бы косвенно, отдаленно, скрытно *получить разрешение* Сони. То есть он мечтал, чтобы она сказала: „Да, милый, *ты должен оставить* меня…“ <…> пусть хотя бы *увидит* и *разделит* его страдания, *поймет*, что выхода не было»), а также во фрагментах текста, репрезентирующих негативные переживания Глебова как субъекта восприятия («испытывал некоторый *неуют* и предчувствие *болезненных* ощущений, как в приемной у зубного врача», «начал *нервничать*» и др.);

– образ **памяти-совести**, которая не дает Глебову избавиться от чувства вины, несмотря на его усилия забыть о предательстве, получает многочисленную речевую реализацию в ретроспективных формах повествования, где главный герой является субъектом рефлексии-оценки: «старался *не помнить* того, что сказал ему Куно Иванович», «всю жизнь старался об этом *забыть*, и почти удалось, *почти забылось* <…> и сохранилось лишь в виде *слабого сжатия посередине груди*, как от давно миновавшего ужаса. Когда возникало *воспоминание* <…> крайне редко и *необъяснимо от чего*, все ограничивалось ощущением *сжатия посередине груди*»; «*старался не помнить* лица Юлии Михайловны <…> это застывшее лицо он сильно *старался забыть* <…> Застывшее лицо, бескровное лицо *забывалось* ненадолго, но *вдруг опять появлялось*»; «он старался *не помнить*. То, что *не помнилось*, переставало существовать. Этого *не было никогда*»; «*томило* и *мучило*»; «*отпечаталось* в оттенках, в подробностях, с переливами»;

(g^1) информация о прекращении отношений между Глебовым и семьей Ганчука эксплицирована в тексте: «Он сказал, что позвонит после занятий и придет вечером. Он *больше не пришел в тот дом никогда*»; данный компонент тесно связан с актуализацией **равнодушия** в описании событий, последовавших за разрывом отношений, представленных в повести ретроспективно с позиции Глебова как субъекта рефлексии-оценки: «…Сони нет. И о профессоре Ганчуке ничего неизвестно, *скорей всего*, тоже нет, а если и есть, то *все равно*, что нет»; «все то, что доносилось к нему из прошлого <…> теперь *не вызывало никаких чувств, отшелушилось, отпало*»; «Когда-то узнал, что Соню отвезли в больницу за городом <…> Потом она *как будто* поправилась. Он знал *неточно*. Не было никаких людей между ним и ею, все остались в тех временах»; в сочетании с негативной оценкой событий прошлого: «Глебов *ненавидел* те времена»;

(g^2) значимым в смысловом отношении является эпизод, в котором описывается встреча Глебова с другом своего детства: эксплицитную форму выражения получает презрение к Глебову и нежелание с ним общаться («я тебя *узнавать не хотел*», «*противен* ты мне был ужасно», «ужасно *противен*», «посмотрел на Глебова мутно и *отвернулся*», «посмотрел сурово и чуть выдавил *презрительную* ямку на подбородке»).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в художественном текстовом воплощении фрейм-структура концепта *предательство* получает содержательное наполнение в сложных комбинациях композиционно-семантических фрагментов текста, представляющих этическую ситуацию в развертывании ее отдельных компонентов, формирующих значимые этические смыслы в структуре произведения.

Анализ речевых средств показал, что в структуре художественного концепта *предательство* в повести Ю. Трифонова актуализированы смысловые компоненты *польза, корысть,*

зависть, (материальное) благополучие, слабость духа, покорность, равнодушие (как предпосылки предательства), с одной стороны, *доверие и любовь* (как неотъемлемое условие) — с другой. Совершение предательского поступка происходит в ситуации морального выбора и сопровождается изображением мучительного состояния внутренней борьбы с помощью речевых средств, актуализирующих семантику *страха, вины, страдания, совести*. Ситуация предательства получает художественное воплощение преимущественно во внутренней речи героя (синхронно и в ретроспекции), ее последствия представлены с иной оценочной позиции, отражают внешнюю точку зрения, вербализуя *неприязнь, ненависть и презрение* к предавшему.

Таким образом, содержание данного концепта находит воплощение в литературном произведении в художественном изображении этической ситуации предательства, представленной в тексте композиционно-семантическими фрагментами, соотносимыми с отдельными смысловыми компонентами этой ситуации.

При таком подходе процедура анализа, на наш взгляд, включает в себя: 1) выявление базового этического концепта и определение компонентов этической ситуации, представляющих его основные когнитивные признаки; 2) установление денотативных характеристик текстовой ситуации, к которым относятся: а) поступок или событие, связанное с концептуализацией в тексте определенной этической проблемы; б) пространственно-временные и причинно-следственные характеристики ситуации; в) состав, статус и взаимоотношения участников ситуации; 3) семантический анализ разноуровневых единиц текста, репрезентирующих компоненты ситуации, с учетом композиционных, сюжетных, стилистических и др. особенностей произведения, релевантных для понимания анализируемой ситуации и смысла текста в целом; 4) выявление оценочного ракурса ситуации и авторизация субъекта этической оценки.

Описанная процедура анализа, нацеленная на объемное представление текстовой этической ситуации, позволит выявить и проанализировать частные (важные для понимания данной ситуации) и глобальные (значимые для понимания целого текста) смыслы, связанные с экспликацией содержания этических концептов в художественном произведении.

ПРИМЕЧАНИЕ

* При наличии нескольких композиционно-семантических компонентов, детализирующих разные содержательные аспекты текстовой этической ситуации, но репрезентирующих один и тот же элемент фрейм-структуры, их буквенное обозначение дополняется числовым индексом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М., 2000.

2. *Чугунова С. А.* Получение дополнительных (выводных) знаний как части образа ситуации текста // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь, 2002. С. 112–115.

[приглашаем принять участие]

II КОНГРЕСС РОПРЯЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО МИРА»

(Санкт-Петербург, 26–28 октября 2010 года)

Работа II Конгресса РОПРЯЛ планируется по следующим научным направлениям:

1. Государственная политика в области укрепления позиций русского языка в Российской Федерации и за рубежом.
2. Лингвокультурные доминанты Русского мира.
3. Русский язык в разных сферах общения.
4. Русский язык и культура русской речи.
5. Лингвистические основы описания русского языка в учебных целях.
6. Методика преподавания русского языка: родного, неродного, иностранного.
7. Русская литература: проблемы изучения и преподавания.

Для участия в работе Конгресса приглашаются специалисты в области изучения, преподавания и распространения русского языка и культуры.

II Конгресс РОПРЯЛ проводится при финансовой поддержке фонда «Русский мир».

Информация на сайте: http://www.ropryal.ru/, http://russian4foreigners.com/ru

Л. Д. Бугаева

ЭКФРАСИС В РОМАНЕ ПЕЛЕВИНА «GENERATION „П“»

LYUBOV D. BUGAEVA
ECPHRASIS IN PELEVIN'S NOVEL «GENERATION „P“»

В статье рассматривается экфрасис в романе Пелевина «Generation „П“» (1999). Экфрасис, понимаемый как особый сюжетный тип включенного текста, у Пелевина часто представляет собой notional ecphrasis, т. е. описание произведений в процессе их создания, видений, фантазмов и т. п. Экфрасис у Пелевина выступает как текст-код, подчеркивающий текстовые границы и обостряющий игровую составляющую текста. Он превращает весь роман в подобие просмотра телепрограммы, время от времени прерываемого реламными паузами — вставными рекламными текстами. Тексты-экфрасисы объединены с текстом повествования телеметафорой жизни и, как mise en abyme, сообщают относительность всему повествованию.

Ключевые слова: Пелевин, телевидение, реклама, экфрасис, mise en abyme.

This article deals with ecphrasis in Pelevin's novel «Generation „P“» (1999). In this novel ecphrasis, which is understood as a special type of included text, turns out to be notional ecphrasis, i.e. a description of an artwork in the making, of hallucinations, phantasms etc. In Pelevin ecphrasis serves as the text-code, emphasizing the text's boundaries and its gaming component. As a result, the novel is turned into a kind of TV broadcast, now and again interrupted by TV commercials. The ecphrastic texts are interwoven into the main body of the text, creating a TV-metaphor of life; like *mise en abyme*, they make the whole narrative relative.

Keywords: Pelevin, TV, commercials, ecphrasis, *mise en abyme*.

Любовь Дмитриевна Бугаева

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
► ldbugaeva@gmail.com

1. Экфрасис в литературе

В литературной традиции «текста в тексте» особое место занимает экфрасис. Вслед за Джеймсом Хеффернаном экфрасис часто определяется как “the art of describing works of art, the verbal representation of visual representation”[1] [19:7], тем не менее единого взгляда на экфрасис не существует. Экфрасис, “the most extreme and telling instance of the visual and spatial potential of the literary medium”[2] [22: 6], “a mirror of the text, a mirror in the text, a mode of specular inversion, a further voice that disrupts or extends the message of the narrative, a prefiguration for that narrative (whether false or true) in its suggestions”[3] [17: i], понимается и как жанр или топос (Leo Spitzer), и как прием, «в котором сама идея интермедиальности предстает в чистом виде — т. е. как эстетический эйдос жанровой метафоры, синтеза и даже синкриза» [6: 182]. Варьируется понимание экфрастического топоса: от экфрасиса как текстового фрагмента до повести-экфрасиса [12]. Как особый тип текста рассматривает экфрасис Н. В. Брагинская, отмечая в качестве характерной черты экфрастического описания его сюжетность:

> Итак, мы называем экфрасисом, или экфразой, любое описание, а не только риторические упражнения эпохи «языческого возрождения». Мы называем так только описания произведений искусства; описания, включенные в какой-либо жанр, т. е. выступающие как тип текста, и опи-

сания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собою некий художественный жанр. При этом «самостоятельность» — недостаточный признак «жанровости». Экфраза, например, может совпадать по границам с эпиграммой, но она остается при этом типом текста, включенным в жанр эпиграммы. И, наконец, мы называем экфразой описания не любых творений человеческих рук, но только описания сюжетных изображений [2].

Грант Скотт, хотя и не говорит о сюжетности экфрастического описания, но поворачивает рассмотрение экфрасиса в направлении противопоставления статики и динамики, определяя экфрасис как "that which quickens as well as that which stills life"[4] [23: xii] и заостряя внимание на его рецепции: экфрастическое описание разворачивается во времени, в то время как восприятие зрительного образа моментально. Скотт видит в экфрасисе случай нарушения границ и запретов: "When we become ekphrastics, we begin to act out what is forbidden and incestuous; we traverse borders with a strange hush, as if being pursued by a brigade of aesthetic police"[5] [23: xiii]. Сергей Зенкин полагает, что значимым для экфрасиса является не противопоставление статичное/динамичное, а противопоставление континуальное/дискретное и об экфрасисе можно говорить только тогда, когда транспонируемый эстетический объект имеет континуальную природу, а транспонирующий объект — дискретную, т. е. экфрасис — «это род словесно-творческой „оцифровки" непрерывного образа: живописного, музыкального, театрального и т. д.; противоположный же процесс лучше будет называть „иллюстрацией"» [4].

Н. В. Брагинская выделяет диалогический экфрасис, или вопросно-ответный экфрасис, восходящий к архаичным диалогическим и вопросно-ответным композициям и представляющий собой тип текста, созданный на основе мифотворческого мышления. Однако если для Брагинской за диалогичностью стоит некий архетипический или сакральный смысл (Брагинская обращается к античным диалогам перед изображением, связанным со святилищем или храмом),[6] то, например, для Скотта диалогизм — неотъемлемая характерная черта экфрасиса в целом: "Ekphrasis is necessarily intertextual — about citing artworks as much as sighting them"[7] [23: 1].

Среди видов экфрасиса выделяют так называемый "notional ecphrasis", т. е. понятийный или воображаемый экфрасис, — термин, введенный в научный оборот Джоном Холландером [21; 20]. Так, Хеффернан, рассуждая о борьбе слова с другими средствами выражения за символическое первенство, отмечает, что экфрастическая поэзия создала "a museum of words — a gallery of art constructed by language alone"[8] [19: 8]. Подобный экфрасис включает мысленные картины: сны, галлюцинации, фантазии и т. п. К данному типу относят описания произведений искусства в процессе их создания и становления, а также претендующие на статус описаний реальных объектов описания прозведений искусства, не существующих в реальности. Уильям А. Ковино (William A. Covino) рассматривает возникающие в сознании человека фантазмы как определенного рода отражения реальности. Фантазм, в силу того, что оставляет о себе зрительную память, и есть экфрасис, соединение искусства и действительности.

Из обозначенных выше многочисленных и разнообразных подходов к экфрасису и его определений для разговора о Пелевине значимыми являются следующие моменты: понимание экфрасиса как особого типа включенного текста, обладающего сюжетностью; континуальность эстетического объекта экфрасиса; диалогичность экфрасиса; *notional ecphrasis*, т. е. экфрасис, включающий описание произведений в процессе их создания, видений, фантазмов и т. п.

2. Клипмейкерство и экфрасис: «Generation „П"»

Роман Виктора Пелевина «Generation „П"» (1999), повествующий об удачной карьере Вавилена Татарского, проделавшего путь от безработного выпускника Литературного института и продавца в коммерческом ларьке до копирайтера в рекламном бизнесе, криэйтора, а затем и главного криэйтора, мужа богини Иштар, включает в повествование рекламные сценарии: тексты рекламных клипов, которые пишет (или

видит/слышит в измененном состоянии сознания) взбирающийся по иерархической лестнице Татарский, рекламу, попавшуюся ему на глаза, рекламные проекты коллег. В тексте пелевинского романа данные вставные элементы — «тексты в тексте» — зачастую получают выпуклое графическое оформление: выделяются другим шрифтом, кавычками, курсивом, заглавными буквами и пробелами. В то же время встречаются рекламные описания, полностью инкорпорированные в текст романа.

Предметное содержание рекламных клипов отличается многообразием: среди рекламирумых объектов — торты и пирожные, сок, спрайт, нескафе, пиво, джин, сигареты, одеколон, шампунь, стиральный порошок, джинсы, мерседес и т. д. Разнообразна и структурная организация клипов. Так, некоторые клипы включают обоснование концепции и ее возможную реализацию:

> Кроме того, необходимо подумать об изменении оформления продукта, продаваемого на российском рынке. Здесь тоже необходимо ввести элементы ложнославянского стиля. Идеальным символом представляется березка. Было бы целесообразно поменять окраску банки с зеленой на белую в черных полосках наподобие ствола березы. Возможный текст в рекламном ролике:
>
> «Я в весеннем лесу
> Пил березовый Спрайт» [11: 37][9].

Другие тексты уделяют внимание технической стороне воплощения идеи (видеоряд, звук, передний/задний план, работа камеры):

> Росла и рушилась Вавилонская башня, разливался Нил, горел Рим, скакали куда-то по степи бешеные гунны — а на заднем плане вращалась стрелка огромных прозрачных часов. «Род приходит, и род уходит, — говорил глухой и демонический (Татарский так и написал в сценарии) голос за кадром, — а земля пребывает вовеки». Но даже земля с развалинами империй и цивилизаций погружалась в конце концов в свинцовый океан; над его ревущей поверхностью оставалась одинокая скала, как бы рифмующаяся своей формой с Вавилонской башней, с которой начинался сценарий. Камера наезжала на скалу, и становился виден выбитый в камне пирожок с буквами «ЛКК», под которым был девиз, найденный Татарским в сборнике «Крылатые латинизмы»:
>
> MEDIIS TEMPUSTATIBUS PLACIDUS.
> СПОКОЙНЫЙ СРЕДИ БУРЬ.
> ЛЕФОРТОВСКИЙ КОНДИТЕРСКИЙ КОМБИНАТ (с. 28)

Третьи, подробно пересказывающие содержание клипа по мере его развертывания, представляют собой мини-рассказы, в том числе с детективно-авантюрным сюжетом:

> «Нескафе Голд: Взрыв вкуса!» Приведем сценарий рекламного клипа.
>
> Лавка в скверике. На ней сидит молодой человек в красном спортивном костюме, с суровым и волевым лицом. Через дорогу от скверика — припаркованный возле шикарного особняка «мерседес-600» и два джипа. Молодой человек смотрит на часы. Смена кадра — из особняка выходит несколько человек в строгих темных костюмах и темных очках — это служба безопасности. Они окружают подходы к «мерседесу», и один из них дает команду в рацию. Из особняка выходит маленький толстячок с порочным лицом, пугливо оглядывается и сбегает по ступеням к машине. После того как он исчезает за тонированным стеклом «мерседеса», охрана садится в джипы. «Мерседес» трогается с места, и тут же один за другим гремят три мощных взрыва. Машины разлетаются на куски; улица, где они только что стояли, скрывается в дыму. Смена кадра — молодой человек на лавке вынимает из сумки термос и красную чашку с золотой полоской. Налив кофе в чашку, он отхлебывает из нее и закрывает глаза от наслаждения. Голос за кадром: «Братан развел его втемную. Но слил не его, а всех остальных. Нескафе Голд. Реальный взрыв вкуса» (с. 65).

Еще одна группа клипов — описания, переводящие на вербальный язык рекламные плакаты или другие художественные изображения, в т. ч. граффити, и содержащие сюжетность в свернутом виде:

> Плакат представляет собой фотографию набережной Москва-реки, сделанную с моста, на котором в октябре 93 года стояли исторические танки. На месте Белого дома мы видим огромную пачку «Парламента» (компьютерный монтаж). Вокруг нее в изобилии растут пальмы. Слоган — цитата из Грибоедова:
>
> И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ
> СЛАДОК И ПРИЯТЕН.
> ПАРЛАМЕНТ (с. 59);

В то же время клипы — разнообразные в материальном плане — объединяет лежащее в основе их создания общее стремление преуспеть в виртуальном бизнесе, который сводится, как считает один из героев романа Ханин, к торговле нематериальными вещам — рекламным пространством и эфирным временем.

В зависимости от отношения к своему объекту экфразис у Пелевина образует один из типов отношений, описанных Чарльзом Сандерсом Пирсом, и является иконическим знаком (*icon*), индексом (*index*) или символом (*symbol*). Напомним, что в иконическом знаке, например в фотографии, знак связан со своим динамическим объектом на основе сходства или подобия. В индексе, к которому можно отнести флюгер или многие дорожные знаки, знак связан с объектом в силу причинно-следственной связи. В символе — в силу естественной привычки или привычки, сформировавшейся в результате соглашения.

Пелевинский экфразис выступает иконическим знаком, когда воспроизводит образы описываемых объектов, к примеру, плакатные слоганы, выполненные разными шрифтами, или рекламный текст, сопровождаемый рисунком (в рекламе поддельных кроссовок «Найки»):

> В конце, после того как неподвижные подошвы с надписью «Найки» экспонируются достаточное время, в кадре оказывается спинка кровати с приклеенным листом ватмана, на котором черным маркером выведен swoosh, похожий на комету <…>[10]
>
> Камера сдвигается еще ниже, и виден слоган, выведенный тем же маркером:
>
> JUST DO IT* (с. 127).

Р. Ходель, впрочем, обнаруживает в экфразисе иконическое отображение более широкого плана — культурной «стесненности» в общем смысле, ввиду того что экфразис сигнализирует о проникновении образа — произведения культуры — между субъектом и миром и, тем самым, обнаруживает «медийный» характер языка и образа [16: 25].

В то же время в «Generation „П“» рекламные клипы представляют собой индексальные знаки, сигнализирующие о своей вторичной природе — плода фантазии — по отношению к условной реальности изображаемого мира. Вставные тексты указывают на реальность / виртуальность и их соотношение, переключают сознание читателя с наррации событий на описание рекламируемых продуктов. Границы между мирами, на первый взгляд обладающими разным модальным статусом, в итоге оказываются размытыми. Так, в рекламном проекте для дистрибьютера джинсов “Diesel” случайно выбранное Татарским имя «Иван Иванович» оказывается знаковым — именем партнера и главного финансиста владельца фирмы, которому приносит свой проект Татарский. Владелец фирмы платит Татарскому деньги за работу, но «не потому, что решил использовать его текст в рекламе, а, скорее, по суеверно-мистическим причинам» (с. 135). При этом, как и в тексте рекламы, владелец фирмы и Иван Иванович утрачивают дизель — им не удается стать дистрибьютерами. В результате модальный статус экфрастических фрагментов оказывается далеким от однозначности.

Г. А. Золотова представляет лингвистическую модальность как «противопоставленность реального/ирреального отношения высказывания к действительности» [5: 141] и различает три типа семантико-синтаксических отношений: отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего, отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение между субъектом — носителем признака и предикативным признаком [5: 142]. Согласно А. В. Бондарко, модальность — это «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности» [13: 59]. По мнению А. В. Зеленщикова, следует более внимательно присмотреться к смыслу терминов «реальное» и «ирреальное». Если под «реальным» понимать объективную действительность, то «реальность» события в предложении «отождествляется с объективной (абсолютной) истинностью предложения как соответствующего реально существующему в действительности положению дел независимо от того, что об этом положении дел (кому бы то ни было) известно» [3: 81].

Категория модальности в широком смысле слова взаимосвязана с проблемой соотношения действительного, необходимого и возможного, заявленной еще в «Метафизике» Аристотеля, т. е. с разделением всего «сущего» на «сущее в действительности» и «сущее в возможности» [1: 151–157, 237–249]. Критерием и основанием выделения каких-либо подтипов модальности у Аристотеля является их отношение или к существующим, действительным объектам «как они есть», или к таким, которые в настоящий момент не существуют, но могли бы существовать. Я. Хинтикка, опираясь на аристотелевское понятие сущего в возможности, рассматривал модальную логику как «изучение свойств и взаимоотношений различных возможных миров» [15: 39]. Д. Е. Максимов для обозначения категории модальности в художественном тексте ввел термин «поэтическая модальность» и определил два конституирующих поэтическую (художественную) модальность момента: 1) связь «содержательной фактуры» произведения с материальным миром, 2) условность, т. е. ирреальность, мира произведения [8: 169]. Если следовать за Максимовым, то можно рассматривать художественную модальность как форму концептуализации автором действительности, как отношение конкретно-фактического содержания повествования к признаку реальность/ирреальность, определяемому на основе знаний читателя о внетекстовой действительности. В «Generation „П“» условность мира произведения утверждается на нескольких уровнях и разными способами. С одной стороны, в повествовании выделяются вставные тексты-экфрасисы, в свою очередь, подразделяющиеся на подтипы в зависимости от своего отношения к действительности, а именно к объектам «как они есть» (реализованные и нереализованные рекламные проекты Татарского и описания «существующих» в действительности, воображении или галлюцинаторном видении рекламных плакатов), с другой — проблематизируется статус романной реальности, в которую вставлены рекламные тексты. В результате экфрасис становится указанием на транзитивность миров произведения. Татарский, с одной стороны, задает точку отсчета объективной реальности, а с другой — разрушает данную объективность, зачастую оказываясь «ненадежным рассказчиком», пребывающим в измененном состоянии сознания. Кроме того, именно в его перспективе и происходит размывание границы между рекламным текстом и повествованием о событиях.

Элементы «реальности», внесенные в рекламные тексты, как, впрочем, в некоторых случаях и сама тематика рекламных клипов, способствуют становлению экфрасиса как символического знака (третьего типа отношений, по Пирсу), который ведет смыслы, не связанные иконически или индексально с рекламируемыми объектами, в частности суфийский.

Так, в процессе создания рекламы сигарет «Парламент» Татарский, находящийся под действием грибов-галлюциногенов, обращается за советом к галлюцинации своего бывшего нанимателя и получает от галлюцинации ответ:

> – Была такая поэма у аль-Газзави. «Парламент птиц». Это о том, как тридцать птиц полетели искать птицу по имени Семург — короля всех птиц и великого мастера.
>
> – А зачем они полетели искать короля, если у них был парламент?
>
> – Это ты у них спроси. И потом, Семург был не просто королем, а еще и источником великого знания. А о парламенте так не скажешь.
>
> – И чем все кончилось? — спросил Татарский.
>
> – Когда они прошли тридцать испытаний, они узнали, что слово «Семург» означает «тридцать птиц».
>
> – От кого?
>
> – Им это сказал божественный голос (с. 52).

Ответ Гусейна отсылает к поэме «Парламент птиц» персидского поэта Аттара. В поэме Аттара группа птиц преодолевает семь долин — семь ступеней на пути к совершенству, и узнает, что Симург (у Пелевина — Семург) означает тридцать птиц. Впрочем, пелевинская версия имени *Симург* в данном случае расходится с аттаровским текстом и с интерпретацией Гусейна, означая три птицы.

Вторая и последняя встреча Татарского с Гусейном происходит в тот момент, когда Татарский, повинуясь некоему интуитивному

желанию, сочиняет слоган для рекламного клипа пива «Туборг»:

> Чтобы не смотреть на мир вокруг, Татарский уставился на банку. На ней, под желтым словом «Туборг», был большой рисунок: толстый мужчина в подтяжках вытирал пот со лба белым платком. Над мужчиной пылало синее небо, а сам он стоял на узкой тропинке, которая уводила за горизонт; словом, в рисунке была такая символическая нагрузка, что было непонятно, как ее выдерживает тонкая жесть банки (с. 166).

В слогане, сложившемся в голове Татарского, присутствуют основные суфийские мотивы: путь, смерть, прозрение:

> «Примерно так, — думал он. — Жизнь — это одинокое странствие под палящим солнцем. Дорога, по которой мы идем, ведет в никуда. И неизвестно, где встретит нас смерть. Когда вспоминаешь об этом, все в мире кажется пустым и ничтожным. И тогда наступает прозрение. Туборг. Подумай о главном!» Часть слогана можно было бы написать по-латыни, к этому у Татарского оставался вкус с первого дела. Например, «Остановись, прохожий» — что-то там viator <...> (с. 166).

В финале романа вновь возникает рекламный клип пива Туборг, решенный в образах поэмы Аттара «Парламент птиц» и, на этот раз, включающий самого Татарского:

> Это незаконченный клип для пива «Туборг» под слоган «Sta, viator!» (вариант для региональных телекомпаний — «Шта, авиатор?»), в котором анимирована известная картинка с одиноким странником. Татарский в распахнутой на груди белой рубахе идет по пыльной тропинке под стоящим в зените солнцем. Внезапно в голову ему приходит какая-то мысль. Он останавливается, прислоняется к деревянной изгороди и вытирает платком пот со лба. Проходит несколько секунд, и герой, видимо, успокаивается — повернувшись к камере спиной, он прячет платок в карман и медленно идет дальше к ярко-синему горизонту, над которым висят несколько легких высоких облаков. Ходили слухи, что был снят вариант этого клипа, где по дороге один за другим идут тридцать Татарских, но так это или нет, не представляется возможным установить (с. 301).

К Аттару отсылает тема пути, число «тридцать» — «тридцать Татарских», т. е. тридцать птиц, которые и есть Симург, а также слоган «Sta, viator!», или «Шта, авиатор?», устанавливающий образную параллель: авиатор — птица. Таким образом, суфийская тема оказывается сквозной — проходящей через тексты-экфрасисы и сюжетное пространство романа и, в результате, проблематизирующей границу между текстом и вставным текстом. Более того, суфийская тема — одна из основных возможных интерпретационных стратегий прочтения романа Пелевина.

3. Экфрасис и телеметафора

По мнению Р. Ходеля, подробное описание предметов является «причиной выхода экфрасиса из рамок привычного повествования. Детальное изложение достигает определенной завершенности и автономии по отношению к окружающему тексту и, таким образом, способствует сопоставлению текстовых элементов с макротекстом <…> Экфрасис останавливает ход действия <…> автор может незаметно открывать перспективу будущих событий, манипулируя читателем с помощью изоморфного подражания действительности» [16: 23–24]. Видеоряд рекламных клипов в романе Пелевина охватывает разные сферы жизни: религию, философию, литературу, производство, отдых и т. д. В то же время соединение семиотических элементов в видеоряде создает дополнительные смыслы. Экфрасис нарушает причинно-временные отношения повествования, в результате значением наделяются компоненты экфрасиса, не только не связанные непосредственно с сюжетом, но даже не связанные с первым планом текстов рекламных клипов. Экфрасис тогда выступает как текст-код в терминологии Ю. М. Лотмана, т. е. как некое промежуточное звено, подчеркивающее текстовую условность, текстовые границы и обостряющее игровую составляющую текста [7: 425, 431].

И. А. Мартьянова убеждена в актуальности для художественного и массового сознания кинометафоры жизни, которая в 1990-е годы подвергается переосмыслению, уступая место телеметафоре, в т. ч. отрицательной телеметафоре, как в «Generation „П“» Пелевина, и /или компьютерной метафоре [9: 144–145, 153]. Действительно, в про-

странстве «Generation „П“» кинометафора как таковая отсутствует, вытесненная телеметафорой жизни. В отличие от кино в телевидении совпадают моменты исполнения и восприятия (в прямом эфире), создающие эффект непосредственного наблюдения жизни, нарративное действие включает авторский комментарий, создается новое соотношение между глубинным и первым планом, что выражается в плоскостной композиции, а именно: в крупном плане телеповествования [14: 24, 29, 30]. Пелевинские тексты-экфрасисы позволяют совместить ситуацию создания видеоклипа и ситуацию его двойного восприятия — в актуальном настоящем — в процессе становления-развертывания и в антиципации — в восприятии будущего клипа как присутствующего в настоящем. При этом текст-рамка рекламного клипа, в т. ч. и выступающая в рамочной функции по отношению к тексту-экфрасису концепция рекламного проекта, представляют собой аналог рассказчика-комментатора. Линейность вербальной наррации в текстах-экфрасисах исключает монтаж как принцип построения, а включение в текст указаний на формат изображения (передний, задний, крупный план) с преобладанием крупного плана уплощает содержание кадра.

Более того, кинометафора в современной прозе вытесняется не только телеметафорой, но и кинометаболой, что, в частности, подметила И. А. Мартьянова [9: 180–181],[11] — тропом, построенным на взаимопревращаемости метаболитов (крайних членов метаболы) при сохранении их раздельности и дифференцированности. В романе Пелевина телешоумены после съемок на телевидении поразительно похожи на свои экранные изображения — блестят «голографическим блеском», «как будто это не их физические тела сидели за соседним столом, а просто рядом с Татарским работал огромный телевизор, по которому их показывали» (с. 71), но при этом мечтают о прибежище в стране без телевидения, которой в реальности не существует, так как газетная информация о ней — плод фантазии коллеги Татарского Саши Бло. Во время одного из просмотров рекламных роликов Азадовский проходит перед экраном, и Татарскому кажется, что «тень Азадовского на экране не настоящая, а элемент видеозаписи, силуэт вроде тех, что бывают в пиратских копиях, снятых камерой прямо с экрана», получивший название «бегунок», но тогда следует вывод: «если бегунком вдруг оказывается человек, который только что сидел рядом, это вполне могло означать, что и сам ты точно такой же бегунок» (с. 238). Человек-голограмма, человек-бегунок — метаболиты, соединенные посредством медиатора — телевидения.

Таким образом, в «Generation „П“» сталкиваются конкурирующие дискурсы, с одной стороны, телеметафоры, с другой — телеметаболы, в которых метаболитами выступают попеременно то телевидение и жизнь, то текст-экфрасис (или телетекст) и реальность.

Избитая кинометафора иллюзорности исторической реальности, характеризующая начало перестроечного периода, когда по телевидению «показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет», но «теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других» (с. 17), с началом психоделического трипа Татарского сменяется метафорой телеглаза, навеянной семнадцатым фильмом бондианы «Золотой глаз» и переворачивающей привычное соотношение субъекта и объекта восприятия в паре ‘человек — телевизор’:

> Среди мусора Татарский заметил странный кубик и поднял его. Это была точилка для карандашей в форме телевизора, на пластмассовом экране которого кто-то нарисовал шариковой авторучкой большой глаз (с. 58).

Проблематизируя субъектно-объектные отношения, телевизор-глаз проблематизирует однозначность сопоставления телевидения и жизни в целом. Пелевин усложняет сравнение-перевертыш человека и телевизора, формулируя концептуальное содержание *Homo Zapiens*, или *ХЗ*, каковым является современный телезритель, или субъект номер два: «*...это телепередача, которая смотрит другую телепередачу*» (с. 106), «*это просто остаточное свечение люминофора уснувшей души; это фильм про съемки другого фильма, показанный по телевизору в пустом доме*» (с. 107)[12].

Отталкиваясь от визуального ряда музыкального клипа британской группы Pet Shop

Boys “It’s a sin” (Это грех), в котором словесный повтор “It’s a sin” сопровождается реккурентным образом огня (костра, в т. ч. костра Инквизиции, очага, свечи, лампады, факела), Пелевин создает метафору ‘телевизор — огонь’, или, в терминологии сирруфа, — «тофет», в котором сгорает мир, «нечто вроде станции сжигания мусора» (с. 154):

> Вы думаете, что за абсолютно плоским стеклом трубки «Блэк Тринитрон» вакуум? Нет! Там горит огонь, который согреет ваше сердце! «Сони Тофетиссимо». It’s a Sin (с. 239).

Подобно тому, как в песне Pet Shop Boys любое действие, вне зависимости от текстовой интерпретации (в терминах гомосексуальной вины, являющейся одной из тематических линий репертуара группы, или в библейском понимании греховности человека), — это грех — “Everything I’ve ever done / Everything I ever do / Every place I’ve ever been / Everywhere I’m going to / It’s a sin”, в романе Пелевина любое обращение внимания к телеэкрану есть акт самосожжения. Отсюда ироничное представление буддийских способов смотреть телевизор, вложенное в уста Гиреева, — с выключенным звуком, с включенным звуком и отключенным изображением, а также способ смотреть выключенный и перевернутый телевизор. Пелевин создает в романе метафору «экран телевизора — огонь крематория»:

> Вы все равно не знаете, что с этими жизнями делать. И куда бы вы ни глядели, вы все равно глядите в огонь, в котором сгорает ваша жизнь. Милосердие в том, что вместо крематориев у вас телевизоры и супермаркеты. А истина в том, что функция у них одна. И потом, огонь — это просто метафора» (с. 165).

Данная метафора поддерживается омонимией телевизионная трубка — курительная трубка в рекламном клипе “Sony Black Trinitron”:

> — Ви не видылы маю трубку, таварыщ Горький?
>
> — Я ее выбросил, товарищ Сталин.
>
> — А пачэму?
>
> — Потому, товарищ Сталин, что у вождя мирового пролетариата может быть только трубка «Тринитрон-плюс»! (с. 111)

Реклама поглощает телеуниверсум, а вечное повторение лишает телевизионный нарратив какого-либо развития, как в «рекламном ролике» Гусейна, который «с помощью визуального ряда позиционировал себя в сознании клиента, объясняя, какие услуги предлагает его предприятие» (с. 168), а именно: обезглавливание пленников. Татарский отмечает «закольцованность» фрагмента: немедленно после последнего страшного движения убийца вновь подносит саблю к горлу жертвы (с. 168). Роман Пелевина также закольцован телеметафорой: открываясь эпиграфом из песни Леонарда Коэна “Democracy” (альбом *The Future*, 1992) — словами “I’m just staying home tonight / Getting lost in that hopeless little screen” («Просто я сижу сегодня дома, / Пропадая в этом безнадежном экранчике») (с. 7), он заканчивается видеоклипом с участием Татарского: «Ходили слухи, что был снят вариант этого клипа, где по дороге один за другим идут тридцать Татарских, но так это или нет, не представляется возможным установить» (с. 301). Закольцованность, впрочем, глубже, чем кажется на первый взгляд. Если в эпиграфе лирический герой Коэна «пропадает в этом безнадежном экранчике», то в последней главе романа «Туборг Мэн» пропадает «реальный» Татарский, вытесненный в виртуальное пространство рекламных клипов. Последний из клипов с тридцатью Татарскими существует лишь в возможном мире («ходили слухи»). Татарский (тридцать Татарских) удаляется (удаляются) от камеры, направляясь «к ярко-синему горизонту, над которым висят несколько легких высоких облаков» (с. 301), т. е. в финале романа герой уменьшается до размеров точки на экране и исчезает из поля зрения, оставив открытым вопрос о своем переходе на другой уровень сознания.

В поэме Аттара «Парламент птиц» многие истории кажутся парадоксальными и неясными, однако “this obscurity is certainly, in part at least, intentional; the reader is being asked to look at some problem in an unfamiliar way, and logic is often deliberately flouted so that we are, as it were, teased or goaded — rather than logically led — into understanding”[13] [18: 17]. Логика птиц — это другая логика, смысл рождается не в результате логического развития повествования, а в результате парадоксального взаимодейсвия различных контекстов. Аналогичную логику демонстрирует ро-

ман Пелевина. В «Generation „П“» смысл рождается в результате парадоксального взаимодействия текстов-экфрасисов и повествования о Татарском. Использование экфрасиса, в качестве которого выступают рекламные клипы, превращает весь роман в подобие просмотра телепрограммы, время от времени прерываемого реламными паузами — вставными текстами. Тексты-экфрасисы объединены с основным текстом телеметафорой жизни и, как *mise en abyme*, сообщают относительность всему повествованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Искусством описания произведений искусства, вербальной репрезентацией визуальной репрезентации (Здесь и далее перевод наш. — *Л. Б.*).

[2] Исключительный и выразительный пример визуального и пространственного потенциала литературного медиума.

[3] Зеркало текста, зеркало в тексте, вид зеркальной инверсии, добавочный голос, который разрывает или продолжает повествование, прообраз нарратива (ложный или истинный) в своих предположениях.

[4] То, что ускоряет, и в то же время то, что замедляет, жизнь.

[5] Обращаясь к экфрасису, мы осуществляем тем самым нечто запрещенное и инцестуальное; мы переходим границы в каком-то странном молчании, как будто преследуемые эстетической полицией.

[6] Примечательно, что участники Лозаннского симпозиума (Экфрасис в русской литературе: сб. трудов Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М., 2002) наделяли экфрасис священным для русской литературы смыслом, на что обратил внимание С. Зенкин (2002). Религиозному экфрасису как особому виду, усиливающему присущую экфрасису пограничность и переходность, посвящена интересная статья Н. Е. Меднис [10: 58–67].

[7] Экфрасис неизбежно интертекстуален — в той же мере цитирует произведения искусства, что и визуализует.

[8] Музей слов — художественную галерею, созданную одним лишь языком.

[9] Далее цитаты из романа *Generation «П»* приводятся по данному изданию с указанием номеров страниц в тексте.

[10] В этом месте в книге находится рисунок кометы.

[11] По мнению Мартьяновой, «путь к истине персонажей В. Пелевина — путь разрушения коллективной визуализации, одним из выражений которой для героев нашего времени стала метафора кино» [9: 168].

[12] Мартьянова определяет данное сравнение как отрицательную телеметафору, окрашенную сарказмом [9:159].

[13] Эта неясность, несомненно, в той или иной мере умышленная; читателя приглашают взглянуть на проблемы по-другому; логика намеренно подвергается осмеянию с тем, чтобы мы, скорее поддразниваемые и подгоняемые, чем ведомые логикой, пришли к пониманию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.

2. *Брагинская Н. В.* Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: Структура балканского текста. М., 1977. С. 259–283.

3. *Зеленщиков А. В.* Пропозиция и модальность. СПб., 1997.

4. *Зенкин С.* Новые фигуры. Заметки о теории // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. — http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/zenk.html

5. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

6. *Исупов К. Г.* Эстетические возможности экфразиса // Вестн. гуманитарного ф-та СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2005. № 2.

7. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 2005.

8. *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981.

9. *Мартьянова И. А.* Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., 2001.

10. *Меднис Н. Е.* «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67.

11. *Пелевин В.* Generation «П». М., 1999.

12. *Склемина С. М.* «Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева: поэтика жанра и традиции русской классики XIX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007.

13. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.

14. *Фрейлих С. И.* Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М., 2009.

15. *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.,1980.

16. *Ходель Р.* Экфрасис и «демодализация» высказывания // Экфрасис в русской литературе / Под ред. Л. Геллера. М., 2002.

17. *Bartsch Shadi; Elsner Jas.* Introduction: Eight Ways of Looking at an Ekphrasis // Classical Philology. 2007. Vol. 102. N 1.

18. *Davis Dick*. Introduction // Attar Farid ud-Din. The Conference of the Birds. Penguin books, 1984.

19. *Heffernan James A. W*. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago, 1993.

20. *Hollander John*. The Gazer's Spirit: Poems Speaking to Silent Works of Art. Chicago, 1995.

21. *Hollander John*. The Poetics of Ekphrasis // Word & Image: A Journal of Verbal/Visual Enquiry. 1988. N 4.1. P. 209–219.

22. *Krieger Murray*. Ekphrasis: the Illusion of the Natural Sign. The Johns Hopkins University Press. 1992.

23. *Scott Grant F.* The Sculptured Word: Keats, Ekphrasis, and the Visual Arts. University Press of New England, Hanover, 1994.

А. Н. Ременцов, А. Л. Кузнецов, М. Н. Кожевникова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА» В ЦЕЛЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

ANDREY N. REMENTSOV, ALEXANDR L. KUZNETSOV, MARIA N. KOZHEVNIKOVA
TEXT-BOOK "FROM RUSSIAN HISTORY OF XX CENTURY" AS A MEAN OB INTERCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Андрей Николаевич Ременцов
Доктор педагогических наук, профессор, проректор по международным связям Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
► rementsov@madi.ru

Александр Леонидович Кузнецов
Кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой страноведения Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)

Мария Николаевна Кожевникова
Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных граждан Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации на этапе довузовской подготовки. Она основана на недавно опубликованном учебном пособии «Из истории России XX века», вышедшем при поддержке фонда «Русский мир». В статье рассматривается как содержание книги, так и предлагаемые лексико-грамматические задания.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, довузовское обучение, адаптация иностранных студентов.

The article is dedicated to the problem of intercultural communication at the stage of pre-university education. It is based on the recently published text-book "From the history of Russia in the XXth century". This book was published with assistance of the "Russian World" foundation. The article covers both content of the text-book and lexico-grammatical means used in it.

Keywords: intercultural communication, pre-university learning, the adaptation of foreign students.

Интерес к вопросам межкультурной коммуникации в практике преподавания РКИ свидетельствует, с одной стороны, об усилении гуманистической направленности отечественного образования, с другой — об активном поиске новых методов обучения. Численность иностранных учащихся в российских вузах в настоящее время превысила 100 тысяч человек [1].

Как показывает практика РКИ, чем дальше отстоят национальные культуры, тем острее возникает проблема межкультурного взаимодействия и адаптации. Последняя как психолого-педагогическое явление представляет собой процесс приспособления учащегося к новым условиям внешней среды. Межкультурная адаптация является одним из видов социально-психологической адаптации иностранного учащегося, наряду с учебной, языковой, бытовой. Она возникает в процессе межкультурной коммуникации представителей различных национальных общностей. В научной литературе можно встретить также термины «социокультурная адаптация» и «аккультурация». Термин «аккультурация» является заимствованным из трудов западных (прежде всего, американских) ученых, которые первыми начали изучать проблему вхождения индивида в новую национальную среду — Р. Редфильд, М. Херсковиц, Дж. Бери, К. Оберг и др. [4: 18–21]. Социокультурная адаптация подразумевает приспособление к новой социальной среде, освоение новой социальной роли, но не обязательно содержит национальный компо-

нент [7: 398]. С другой стороны, межкультурная адаптация всегда связана с погружением индивида в чужую национальную среду, поэтому представляется правильным использование именно этого термина. Межкультурная адаптация — это сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними [6: 332–333].

Для успешной адаптации иностранного учащегося необходимо выполнение нескольких условий. Первое — овладение русским языком в объеме, достаточном для бытового общения и осуществления учебной деятельности. Второе — овладение значительным объемом страноведческой информации, которая включает в себя сведения о стране — истории, экономике, географии, политическом строе, традициях, этикете, культуре и т. д., — без владения которыми невозможна успешная межкультурная коммуникация. Предметом страноведения является «определенным образом отобранная и организованная совокупность экономических, социально-политических, исторических, географических и других знаний, включаемая в учебный процесс с целью решения образовательных и интеллектуальных задач обучения и связанная с обеспечением коммуникативных потребностей учащихся, реализуемых на русском языке» [5: 248].

В настоящее время нет достаточного количества учебной литературы для иностранцев о российской истории, культуре, экономике. Как отметила в одном из своих докладов Президент МАПРЯЛ Л. А. Вербицкая, «нас не может не беспокоить, что преподаватели многих кафедр до сих пор работают по учебникам, написанным еще в советское время. Перед нами стоит задача создать новое поколение учебников, в том числе и мультимедиа-комплексов, для разных профилей обучения с учетом появившихся в последние годы образовательных стандартов и лингводидактических описаний русского языка» [2: 95].

Проблема систематического обновления методического обеспечения при работе с иностранными учащимися актуальна: изменяется национальный состав граждан, приезжающих на обучение в российские вузы, меняются требования, предъявляемые ими к образованию, а также приоритеты в выборе будущей специальности. Создание учебных пособий для иностранных учащихся должно осуществляться в тесном сотрудничестве специалистов в РКИ и изучаемой дисциплины (историков, экономистов и т. д.), поскольку учебное пособие для иностранных граждан рассчитано на определенный уровень владения русским языком, что накладывает серьезные ограничения на объем и стиль изложения учебного материала.

Результатом такого сотрудничества стало вышедшее в издательстве «Русский язык. Курсы» учебное пособие «Из истории России XX века», созданное на подготовительном факультете МАДИ (ГТУ) при поддержке фонда «Русский мир». Перед авторами стоял ряд задач страноведческого, межкультурного и лингвистического характера.

Во-первых, обеспечить иностранных учащихся актуальными знаниями в области современной российской истории. Для этого из массива исторической информации, связанной с историей России XX — начала XXI в., необходимо было отобрать наиболее важные и интересные, с точки зрения учащегося-иностранца, события и факты.

Во-вторых, отобранные исторические факты должны быть изложены на таком уровне, который был бы понятен иностранцу, владеющему русским языком в объеме базового и первого сертификационного уровней. Учитывая сложность и многообразие исторического материала, важно найти компромисс между информативностью текстов и их доступностью. Иностранные учащиеся не владеют тем набором фоновых знаний, которые имеют носители русского языка, поэтому многие понятия необходимо дополнительно раскрывать (например, «карточки», «меценат», «блокада»). При этом важно, чтобы ограничение в употреблении, например, терминов не обедняло текст, не снижало его учебной ценности. Авторы стремились по возможности избавиться от сложных синтаксических конструкций, строить фразу

так, чтобы новое понятие или имя собственное находилось в именительном падеже, избегать причастных и деепричастных оборотов и т. д.

В каждом разделе предлагается ряд заданий: найти в словаре значение новых ключевых слов; определить значение новых слов с опорой на синонимию / антонимию, словообразование; обратить внимание на конструкции, наиболее часто встречающиеся в данном разделе, и понять их значение. Авторы сознательно включили в предтекстовую часть задания, развивающие языковую догадку иностранных учащихся.

При создании пособия авторы учитывали его роль в межкультурной адаптации учащихся. Знание истории страны изучаемого языка способствует снижению межкультурной напряженности, помогает иностранцу лучше ориентироваться в современной ситуации, понимать национальные традиции и менталитет русского человека. Успешная межкультурная адаптация невозможна без преодоления стереотипов, которые сложились в отношении чужой национальной культуры. К сожалению, в последние годы наблюдается снижение уровня знаний иностранными учащимися российской истории и культуры, а существующие знания зачастую не отражают реальных событий, явлений, тенденций.

В пособии авторы стремились не просто восполнить этот пробел, но и сформировать позитивное отношение к российской истории, подчеркивая, например, решающую роль страны в победе над фашизмом, в мирном освоении космоса. Итоговые вопросы и задания направлены на контроль усвоения изученного материала, они предлагают учащимся беседы по пройденным темам, побуждают к дальнейшему изучению российской истории и культуры.

Пособие адресовано не только учащимся российских центров довузовского обучения, но и слушателям курсов русского языка за рубежом.

Пособие состоит из 8 глав: «Географические сведения о России», «Высшее образование», «Внешняя политика», «Экономическое развитие», «Атомная энергетика и космические исследования», «Транспорт», «Деятели науки, техники и инженерного дела», «Культура».

В первую главу включены сведения об изменении территории и государственных границ России на протяжении XX века, ее рельефе, климате, природных зонах, водных и других природных ресурсах, этническом и религиозном составе населения, государственном устройстве и формах правления, географии промышленности и сельского хозяйства.

Второй раздел, посвященный образованию, дает представление о российской высшей школе. Высшее образование в России уже более 100 лет является неотъемлемой частью мировой образовательной системы, привлекая своим качеством, в том числе, и иностранных студентов.

В третьей главе проанализирована российская внешняя политика XX века, отражено место России в системе международных отношений. При рассмотрении истории Второй мировой войны акцент сделан на героическом подвиге нашего народа, спасшего мир от нацизма. Приводятся конкретные факты, подтверждающие, что в XX веке наша страна неоднократно выступала за создание системы международной безопасности, выдвигала инициативы по мирному разрешению международных конфликтов.

Четвертая глава посвящена анализу экономического развития нашей страны, начиная с рубежа XIX и XX вв., когда на базе реформы 1861 года в России активно развивался капитализм. В этот период Россия выдвинулась на ведущие роли в мире в сельском хозяйстве, добыче нефти, железнодорожном строительстве. Представлены также периоды: 1917–1921 гг., 1921–1925 гг., 1925–1940 гг, экономика в годы Великой Отечественной войны, восстановление народного хозяйства, темы, связанные с промышленным и сельскохозяйственным производством, строительством и транспортом во второй половине XX — начале XXI в.

В разделах об атомной энергетике и космических исследованиях проводится мысль о том, что Россия — это страна с развитой экономикой и всемирно признанными заслугами в науке и технике, достигнутыми благодаря ученым мирового уровня: М. В. Келдышу, К. Э. Циолковскому, С. П. Королеву и многим другим. Важным факто-

графическим материалом в формировании реального образа России является информация об освоении космоса: запуск искусственного спутника Земли (1957), полет Юрия Гагарина (1961), первая женщина в космосе В. В. Терешкова (1963), выход в открытый космос А. А. Леонова (1965), запуск орбитальной станции «Мир» (1986). При этом подчеркнуто сотрудничество России в космических исследованиях со многими странами: США, Японией, Канадой, Германией, Францией, Китаем, Индией, Казахстаном и др.

Уделено внимание достижениям России в транспортной сфере. Например, вторая после Англии железная дорога была построена в 1837 году между Санкт-Петербургом и Царским Селом, а уже на рубеже XIX и XX вв. по железнодорожному строительству мы вышли на первое место в мире.

Следующая глава посвящена выдающимся деятелям российской науки и техники. При этом ученые разделены на три группы: представители естественных наук, медики и физиологи, инженеры.

Среди представителей естественных наук: Ж. И. Алферов, В. И. Вернадский, А. М. Прохоров, А. Д. Сахаров, Н. Н. Семенов. В области медицины и физиологии: Н. И. Бурденко, Н. И. Вавилов, И. И. Мечников, И. П. Павлов.

В пособии представлены также имена выдающихся ученых-инженеров: Н. Е. Жуковский, А. Н. Крылов, А. Н. Туполев, В. Г. Шухов.

Тексты заключительной восьмой главы рассказывают об основных периодах развития русской культуры XX века, о культуре русского зарубежья. Представлены разные виды искусства: живопись, скульптура, архитектура, музыка, театр, кино. Возможно, имена И. Репина и В. Васнецова, А. Бенуа и К. Сомова, Б. Кустодиева и П. Кончаловского, К. Малевича и М. Шагала привлекут иностранцев в российские музеи, а рассказ об архитектурных памятниках Москвы, Санкт-Петербурга и других городов вызовет желание увидеть их своими глазами.

Авторы пособия полностью разделяют высказанную в недавно вышедшей монографии С. К. Милославской озабоченность тем, что у граждан большинства стран мира очень мало возможностей получить истинное и сколько-нибудь полное представление о российской действительности. Среди источников их знаний можно назвать учебники русского языка как иностранного, однако на начальном этапе обучения они концентрируют внимание учащихся, как правило, на лингвистическом аспекте. Другим источником являются школьные и университетские учебники и учебные пособия по географии, всемирной истории, мировой литературе и т. д. Однако содержащаяся в них информация о России и ее народе носит выборочный и краткий характер, а часто такой информации и вовсе нет. Более того, многие зарубежные учебники не свободны от политической конъюнктуры, равно как конфессиональных и этнокультурных стереотипов, а значит, и не создают реальный образ России. Еще более искаженный образ складывается у иностранцев под влиянием средств массовой информации [3: 25, 54–55, 67–85].

Надеемся, что пособие хотя бы частично поможет решению этой проблемы, поскольку дает достаточно полное представление о развитии нашего государства на протяжении минувшего и в начале XXI века, ускорит процесс межкультурной адаптации иностранцев, изучающих русский язык, и будет востребованным в разных формах изучения русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арефьев А. Л., Шереги А. Ф.* Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации. Вып. 6. М., 2009.

2. *Вербицкая Л. А.* Актуальные проблемы сохранения и развития русского языка // Матер. Межд. науч.-практ. конф. «Мотинские чтения». М., 2006.

3. *Милославская С. К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М., 2008.

4. *Мнацаканян И. А.* Адаптация учащегося в новых социокультурных условиях: Автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2004.

5. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. РКИ. М., 2003.

7. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 2007.

7. *Шпак Л. Л.* Социокультурная адаптация: сущность, направления, механизмы реализации: Дис. … д-ра. соц. наук. Кемерово, 1992.

Я. В. Клепацкая

ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НА ОСНОВНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ РКИ

(НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ)

YANA V. KLEPATSKAYA

THE PRINCIPLES AND METHODS OF TEACHING THE LEXICO-GRAMMATICAL PHENOMENA OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR THE FOREIGN STUDENTS AT THE MAIN COURSE OF THEIR STUDY (ON THE MATERIAL OF THE VERBAL INFLECTION)

Статья посвящена особенностям обучения лексико-грамматическим явлениям русского языка на основном этапе изучения РКИ. На примере конструкций с глагольным управлением рассматриваются принципы отбора, организации и обучения данному языковому материалу с позиций системно-функционального подхода в обучении РКИ.

Ключевые слова: системно-функциональный подход, принципы обучения, лексико-грамматический материал, глагольное управление.

The article deals with the teaching process peculiarities of the lexico-grammatical phenomena of Russian as a foreign language at the main course of the study. On the basis of the systemic functional approach the article focuses on the principles of selection, organizing and teaching these phenomena on the material of the verbal inflection.

Keywords: systemic functional approach, the teaching principles and methods, linguistic phenomena, the verbal inflection.

Яна Владимировна Клепацкая

Ассистент кафедры русского языка Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И. И. Мечникова
► yana.klepa@rambler.ru

Глагольное управление считается одним из наиболее трудных разделов грамматики русского языка, а его усвоение порождает значительное количество ошибок у иностранных учащихся как в устной, так и в письменной речи. Исследователи отмечают, что «представление глагольной сочетаемости в учебных целях нуждается в серьезной реорганизации» [3].

Поскольку «система принципов обучения является открытой, допускающей включение новых принципов и переосмысление уже существующих» [6], для преподавателя особенно важным является умение творчески интерпретировать уже разработанные в методике принципы и приемы обучения, учитывая конкретный учебный материал и особенности учащихся.

С опорой на системно-функциональный подход в обучении РКИ нами была разработана и экспериментально проверена система принципов и приемов, обеспечивающая эффективное усвоение учащимися глагольного управления. Эта система включает принципы отбора языкового и речевого материала, принципы расположения (организации) языкового материала, принципы обучения языковому материалу.

Принципы отбора материала. Отбор языкового материала опирается на *принцип минимизации материала в учебных целях*. При отборе лексических единиц учитывались следующие параметры:

– для глагола: а) частотность, б) полисемантичность, в) поливалентность; – для конструкции в целом: а) типичность устанавливаемых

валентных связей глагол-имя, б) стилистическая принадлежность словосочетания.

Заметим, что на основном этапе изучения РКИ противоречие между необходимостью использования частотных лексических единиц, с одной стороны, и необходимостью в расширении словарного запаса учащихся, с другой стороны, должно разрешаться путем изучения новых валентностей у ранее изученных широкоупотребительных глаголов (например, в переносных значениях), а изучение сочетаемости новых глаголов — органично включаться в систему организации языкового материала.

При обучении любому грамматическому явлению важную роль играет отбор речевого материала — учебных текстов, ситуаций, в ходе отбора должны максимально учитываться как прагматические, так и ценностные потребности учащихся. Первые связаны с методическим *принципом профессиональной направленности обучения,* что проявляется при отборе текстов и ситуаций с учетом профиля учащихся. Реализация ценностных потребностей осуществляется в *принципе подбора сюжетных, интересных учебных текстов, а также актуальных для данного контингента учащихся ситуаций,* что способствует повышению мотивации учащихся в процессе обучения. Касаясь вопроса об учебных текстах применительно к глагольно-именным словосочетаниям, заметим, что для знакомства с их типичным контекстуальным употреблением можно использовать небольшие по объему тексты-притчи повествовательного характера, которые, как правило, насыщены словосочетаниями с частотными акциональными глаголами движения, речевого действия, эмоционального состояния (классификация Г. А. Золотовой [4]), имеющими широкое поле сочетаемости. Такие тексты представляют интерес для учащихся по содержанию и хорошо запоминаются.

Принципы расположения (организации) материала.

Принцип контекстного представления конструкций с глагольным управлением, иначе говоря, изучение конструкций не в изолированном виде, а в контексте определенных тем и ситуаций. Этот принцип можно соотнести с методическим принципом ситуативно-тематической организации материала. Трудность такого распределения по отношению к глагольно-именным словосочетаниям заключается, во-первых, в возможности отнесения одного и того же словосочетания к разным тематическим пластам, а во-вторых, в наличии у многих глаголов переносных значений. Но, на наш взгляд, и первое, и второе является скорее преимуществом, поскольку повторяемость в различных контекстах, употребление в различных значениях будет способствовать прочному усвоению данного материала. В рамках темы «Семья. Здоровье» учащиеся знакомятся с конструкцией ***принимать что*** (V+N4) в различных значениях*: принимать гостей, принимать лекарство*. Затем в теме «Работа. Учеба» конструкция приобретает вид V+N4+prep.+N4 — ***принимать кого куда:*** *Его приняли на работу, в институт* и т. д. Изменение контекста зачастую приводит к усложнению структуры словосочетания, к изменениям в семантике его компонентов, а также и к изменению грамматической структуры.

Принцип объединения глаголов в лексико-семантические группы соотносится с принципом функционально-коммуникативного описания языка. Наиболее рациональный путь организации разнородного лексико-грамматического материала при обучении глагольному управлению — это объединение глагольных лексем в семантические группы, каждая из которых отражает коммуникативный аспект, например: «Речевые действия», «Руководство, управление», «Эмоциональное отношение к объекту» и т. п. Зная или догадываясь о значении глагола, учащийся сможет предположить, с какими падежными / предложно-падежными формами зависимых компонентов данный глагол сочетается. Например, лексико-семантическая группа глаголов «эмоционального отношения к лицу или событию» представлена группой глаголов, управляющих беспредложной формой Дательного падежа: *радоваться, удивляться, поражаться, огорчаться, удивляться* + сущ. в Д. п.

Принцип последовательности от простого к сложному. Реализация этого принципа заключается в такой организации материала, при которой в каждом изучаемом блоке словосочетания

располагаются от простых к сложным. При этом максимальное число зависимых лексем как компонентов обозначаемой предикатом ситуации может достигать четырех. Данный принцип опирается на дидактический принцип систематичности и последовательности, учитывающий поэтапность формирования знаний, умений и навыков, а также их усвоение в определенной логической связи [1]. Приведем пример с глаголом *положить*. Самый простой случай сочетаемости — схема V+N4: *положить книгу*. Усложнение конструкции приводит к усложнению ее структурной схемы: V+N4+prep.+N4+N3: *Положи книгу на стол преподавателю*. Подобные конструкции в речи довольно распространены, но для иностранца восприятие, а тем более продуцирование конструкций данного типа может представлять немалую трудность из-за количества падежных и предложно-падежных форм, зависящих от одного и того же глагола. Необходимо формировать у учащихся четкое и осознанное представление о возможных валентностях того или иного глагола, обращая внимание на порядок слов, который также несет смысловую нагрузку.

Следующий лингвометодический принцип организации учебного языкового материала — *принцип стилистической дифференциации,* отражающий распределение изучаемых лексико-грамматических конструкций по стилям и жанрам речи (напр.: *оказать воздействие, принять во внимание* — сочетания, типичные для речевых жанров официально-делового стиля).

Частные глагольно-именные словосочетания, основанные на общих методических принципах: принципе коммуникативной значимости изучаемого материала и принципе разграничения языкового материала, предназначенного для продуктивного и рецептивного усвоения.

Реализация данной системы принципов осуществляется в комплексе упражнений, который строится согласно четырехэтапной схеме формирования и развития речевых грамматических навыков, включающей в себя ориентировочную, стандартизирующую, варьирующую и творческую стадии. Эта схема, получившая распространение в методической литературе [5], на наш взгляд, может быть использована и на основном этапе изучения языка с целью совершенствования речевых лексико-грамматических навыков, однако с учетом характеристик, связанных со спецификой изучаемого материала и с психологическими особенностями его усвоения учащимися.

Первый этап мы соотносим с ориентировочной и стандартизирующей стадиями совершенствования речевых лексико-грамматических навыков. Он связан с систематизацией и углублением знаний об изучаемых лексико-грамматических конструкциях. Основная методическая задача на этом этапе — выявление специфических признаков языкового явления и осознание учащимися синтагматических и парадигматических связей между лексическими единицами, в данном случае — между глаголом и зависимым компонентом в словосочетании. Это осуществляется с помощью *принципа оппозиций* и *принципа наглядности в подаче материала.*

Принцип оппозиций по различным признакам для глаголов и существительных, основывавшийся на учете лингвистических особенностей изучаемого материала, может быть соотнесен с дидактическим принципом сознательности, поскольку реализуется в виде кратких инструкций преподавателя по употреблению той или иной конструкции. Эти замечания не должны носить теоретического характера, а должны представлять собой речевые образцы, содержащие словосочетания в контексте, и сопровождаться комментарием преподавателя либо заданиями типа «Определите различие в значениях глаголов», «Сравните конструкции и определите, в каком случае данный глагол употребляется с предлогом, а в каком — без предлога».

Для глаголов оппозиции могут быть представлены по следующим лексико-грамматическим признакам:

– возвратность/невозвратность (*двигать что (куда) — двигаться как, куда*) — переходные глаголы в возвратной форме становятся непереходными и изменяют свое управление: *Вчера я* ***видел с другом****. Вчера на улице я* ***видел своего знакомого*** («видеться»+ предлог «С»+ сущ. в Тв. п.

указывает на совместное действие двух лиц; «видеть» + сущ. в В. п. — на действие одного лица);

– значение 1 / значение 2 / значение N (*рассчитывать что — рассчитывать на что)* — для полисемантичных глаголов. В данном случае оппозиции возможны не для всех глаголов. Ср.: *обвести вокруг дома — обвести вокруг пальца;* но: *падать с лестницы / падать от усталости.*

Для существительных как зависимых компонентов словосочетаний значимым признаком, влияющим на характер структурной модели, является одушевленность-неодушевленность. Пример: *звонить девушке — звонить в пиццерию.*

Принцип наглядности в подаче материала — традиционно при изучении грамматики осуществляется в виде схем, таблиц, моделей, что особенно важно на основном этапе изучения иностранного языка, когда учащимся необходима осознанная систематизация усвоенных знаний.

На первом этапе совершенствования лексико-грамматических навыков, помимо кратких теоретических сведений, необходимо использовать систему *языковых упражнений*, составленную с учетом возможных ошибок и направленную на их предупреждение. Отметим, что такая система, ввиду особенностей изучаемого материала, должна быть направлена на предупреждение не только грамматических, но также лексических и лексико-грамматических ошибок.

Цель второго варьирующего этапа состоит в создании прочных динамических стереотипов путем проведения интенсивной и многократной речевой тренировки. Как отмечают исследователи, данный этап «является решающим в процессе коррекции ошибок» [2].

Эта цель реализуется на основе системы упражнений условно-речевого характера, которые включают в себя следующие типы заданий:

1) ответы на вопросы в рамках заданной темы;

2) репродукция прочитанного текста и ответы на вопросы по нему;

3) разыгрывание прочитанных диалогов определенной тематики;

4) условно-речевые игры.

При изучении глагольного управления это может быть, например, игра «Вопрос». Преподаватель заранее отбирает глаголы с максимальной сочетаемостью, которые станут отправной точкой для разговора, и просит студентов задать друг другу как можно большее количество вопросов с этими глаголами.

Принцип учета индивидуально-психологических особенностей учащихся проявляется в разнообразии предлагаемых заданий: необходимо использовать работу в парах, учитывать степень сложности текстов, так как зачастую уровень учащихся даже в одной и той же группе может отличаться.

Третий этап — творческий — предполагает дальнейшее развитие речевых умений, перенос приобретенных знаний, навыков, умений в различные ситуации учебного и внеучебного характера. На этом этапе используются задания, предполагающие продукцию устной и письменной речи: устный рассказ, дискуссия, написание сочинений на заданные и свободные темы.

Данная система принципов и приемов обучения была апробирована в учебном процессе в рамках обучающего эксперимента и показала свою эффективность. Анализ результатов постэкспериментального среза выявил повышение уровня владения конструкциями с глагольным управлением у иностранных учащихся: в подготовленной монологической речи — на 9%, в неподготовленной диалогической речи — на 36%, в письменной речи — на 56,5%.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.

2. *Богданова Е. З.* Совершенствование грамматического аспекта устной речи стажеров-филологов, носителей нем.яз., в условиях краткосрочного обучения: Автореф. канд. пед. наук. Л., 1990.

3. *Богданова Л. И.* Идеографическое описание глагольной сочетаемости: методические возможности и перспективы // Коммуникативно-прагматическое и функциональное описание языка в целях его преподавания в иностранной аудитории: Тезисы. М., 1991. С. 18–19.

4. *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

5. *Капитонова Т. И., Московкин Л. В., Щукин А. Н.* Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. М., 2008.

6. *Щукин А. Н.* Методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2003.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК ВНЕ РОССИИ: РУССКОГОВОРЯЩИЕ СООБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ»

(Эдинбург, Великобритания, 1–3 апреля 2010 года)

В первых числах апреля в Эдинбургском университете при поддержке Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки РФ и МАПРЯЛ прошла Международная научная конференция «Русский язык вне России: русскоговорящие сообщества и национальное самосознание». Целью конференции было проведение совместного многостороннего исследования ряда сложных и противоречивых вопросов, связанных с современным состоянием русского языка за пределами Российской Федерации, а также с детальным анализом понятия идентичности носителей русского языка, проживающих на территориях других государств, в положении языкового меньшинства. Центральные вопросы, к которым обращались докладчики, а также используемые методологии лежат в области социолингвистики, что, тем не менее, не помешало интердисциплинарной направленности конференции. Она собрала в одном месте исследователей, представляющих широкий спектр взглядов на русский язык в диаспоре: социологов, культурологов, юристов, литературоведов и представителей других дисциплин.

Среди ключевых вопросов, представленных на конференции, были следующие: как носители русского языка, живущие за пределами России, реагируют на изменение в статусе их родного языка? Какова динамика языковых контаков за пределами России? Какую роль играет русский язык в формировании идентичности и внутригрупповой солидарности в русскоязычных сообществах и диаспорах? Каковы дискурсивные стратегии, использующиеся при конструировании идентичности русского языкового меньшинства? Каковы особенности функционирования русского языка в различных сферах — от Интернета до семейного сообщества? Каковы особенности восприятия образа русскоязычного эмигранта или представителя диаспоры в разных сообществах? В дополнение к исследованию этих вопросов участники конференции предложили уточнения центральных теоретических положений и понятий, таких, как, например, «диаспора», «билингвизм», «языковое меньшинство».

Конференция привлекла 78 участников из 19 стран, среди которых: Великобритания, Россия, страны бывшего СССР (Латвия, Эстония, Украина), США, Израиль, страны Евросоюза (Франция, Германия, Испания, Финляндия) и др. На открытии форума выступили главный организатор конференции, директор научного Центра «Русский язык в контексте» Лариса Рязанова, Генеральный консул Российской Федерации в Шотландии Сергей Крутиков, Президент МАПРЯЛ профессор Людмила Вербицкая.

Формат конференции предусматривал 4 пленарных заседания, 7 секционных заседаний, включающих в себя 42 доклада, и 8 стендовых докладов. Первый пленарный долкадчик Билл Боуринг, профессор-юрист из Лондонского университета, поделился с публикой своими соображениями о юридическом положении русского языка в процессе государственного строительства в Украине. Профессор Наталья Космарская (Российская Академия Наук) выступила с докладом о теоретических и эмпирических аспектах, связанных с понятием русской диаспоры, которые она обсудила на материале русскоязычных сообществ в среднеазиатских странах. Выступление профессора Дэвида Андрюса из университета Джорджтауна, США, было посвящено вопросу языковых контактов английского и русского языков в речи разных поколений американских русскоговорящих эмигрантов.

Пленарные заседания завершились докладом доцента Хельсинкского университета Екатерины Протасовой о динамике самоидентификации в речи русскоязычной диаспоры Финляндии. Выступления декана по Европейским связям Эдинбургского университета профессора Дрю Скотта, профессора Людмилы Вербицкой и депутата Шотландского парламента Роба Гибсона на приеме и торжественном обеде продолжили обсуждение тем, связанных с русским языком, русскоговорящими и Россией. Секционные заседания были организованы по тематическому принципу.

Конференция стала важным событием в развитии научного понимания состояния и динамики русского языка в мире. Об этом свидетельствует большой интерес к событию со стороны научного сообщества, средств массовых информации и шотландского правительства, а также исключительно положительные отзывы со стороны участников.

Д-р Лара Рязанова-Кларк,
директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбургский университет

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ»

(Ялта, 8–11 июня 2010 года)

8–11 июня 2010 года в г. Ялте в рамках Международного фестиваля «Великое русское слово» состоялась IV Международная конференция «Русский язык в поликультурном мире», в которой приняли участие Президент МАПРЯЛ Л. А. Вербицкая, члены президиума МАПРЯЛ, Президент УАПРЯЛ Л. А. Кудрявцева, члены президиума УАПРЯЛ, представители органов государственной власти Российской Федерации, Украины и Автономной республики Крым, ведущие филологи-русисты и педагоги Украины, России, стран СНГ и ЕС, философы, социологи, политологи и культурологи, сотрудники региональных институтов повышения квалификации работников образования, других научных и образовательных учреждений, политических и общественных организаций, Православной Церкви. Конференция проходила при поддержке Федерального агентства по образованию МОН РФ, под эгидой МАПРЯЛ.

8 июня в Ливадийском дворце состоялось Торжественное открытие конференции, на котором с приветственными речами выступили первый заместитель председателя Верховного Совета Крыма, Сопредседатель движения «Русское единство», председатель «Русской общины Крыма» С. П. Цеков, Президент МАПРЯЛ, Президент Санкт-Петербургского государственного университета д-р филол. наук, проф., акад. Л. А. Вербицкая, Президент УАПРЯЛ д-р филол. наук, проф. Л. А. Кудрявцева, депутат Госдумы РФ, член Общественной палаты, директор Института политических исследований С. А. Марков. Сразу же после приветственных речей началось Пленарное заседание, на котором выступили с докладами проф. Ю. Е. Прохоров (Москва): «Национально-культурная специфика русского речевого общения в поликультурном мире», заместитель директора украинского филиала Института стран СНГ А. С. Филатов (Симферополь): «Русский язык как средство культурно-цивилизационной идентификации», В. П. Сидельников (Донецк): «Русский язык в современных социокультурных условиях», В. А. Пироженко (Киев): «Русское культурно-языковое пространство и галицикий проект Украины», проф. Л. А. Кудрявцева (Киев): «Кто и как нами манипулирует: язык украинских масс-медиа глазами лингвиста». В указанных докладах четко прослеживалась идея языкового, культурного и национального единства Русского мира.

В противовес этой доктрине на Пленарном заседании прозвучали доклады проф. А. Н. Рудякова (Симферополь) и О. Г. Ровновой (Москва), выдвинувших идею существования не единого русского языка, а системы так называемых его национальных (украинского, казахского и т. д.) вариантов. Эта идея, которую поддержали на секционных заседаниях ученики проф. А. Н. Рудякова Р. Забашта, Ю. Дорофеев и другие, вызвала широкую волну критики. Выступавшие в прениях проф. Л. А. Вербицкая, проф. Л. А. Кудрявцева, проф. В. Г. Костомаров, проф. В. И. Теркулов и многие другие отмечали, что понятие «национальный вариант языка» может быть употреблено только в том случае, если население той или иной страны самоопределяется как отдельная нация, отличная от нации метрополийной территории использования языка.

В соответствии с программой работали семь тематических секций: «Актуальные проблемы лингворусистики», «Социолингвистические аспекты функционирования русского языка на Украине», «Язык средств массовой информации», «Сопоставительное изучение языков: теоретические и методические аспекты», «Методика преподавания русского языка как иностранного», «Методика преподавания русского языка в условиях би- и полилингвизма», «Социально-политические детерминанты культурно-языкового пространства», III Всеукраинский научно-методический семинар для учителей русского языка и литературы «Русская словесность: теория и школьная практика», а также Круглые столы «Современный учебник по русскому языку: каким он должен быть?» и «Двуязычное образование в школах и вузах Украины».

Л. А. Кудрявцева,
проф. Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко, президент УАПРЯЛ

АЛЯСКА

Аляска (Alaska) — полуостров на северо-западе Сев. Америки (США, шт. Аляска), между Бристольским заливом Берингова моря и Тихим океаном. Длина 700 км, ширина 10-170 км.

Сейчас Аляска — штат США на северо-западе Северной Америки. Площадь 1519 тыс. кв. км. Население 599 тыс. человек (1993). Административный центр — г. Джуно. Северные и центральные области заняты равнинами и плоскогорьями. Коренное население — индейцы, эскимосы, алеуты. Климат холодный, континентальный. Растительность — тундры и редкостойные леса. По долинам крупных рек (Юкон, Колвилл) небольшие участки сельскохозяйственных земель. Южные, юго-западные и юго-восточные области — приморские, много островов, удобные незамерзающие бухты. Рельеф преимущественно горный (г. Мак-Кинли, 6193 м.).

По материалам:
Большая энциклопедия: В 62 т. Т. 2. М., 2006; История Русской Америки (1732-1867): В 3 т. Т. 1. Основание Русской Америки (1732-1799) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М., 1997; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVII века — 1867 г. М., 1971.

ИСТОРИЯ АЛЯСКИ ДО ЕЁ ПРОДАЖИ США в 1867 году — ЭТО ОДНА ИЗ СТРАНИЦ ИСТОРИИ РОССИИ

Уже в середине XVII века русские землепроходцы и мореходы во главе с Семёном Дежнёвым вышли к берегам Тихого океана. Дальнейшая программа исследований была намечена Петром I. В январе 1725 года, снаряжая первую Камчатскую экспедицию, Пётр I распорядился построить боты и двигаться на них вдоль берега, чтобы определить, где земля, которая может быть Америкой, «сошлась» с Азией.

В 1728 году эта экспедиция во главе с В. Берингом на боте «Св. Гавриил» с Камчатки прошла до 67°18′ с. ш. и установила, что Азия «не сошлась» с Америкой, но мореплаватели возвратились к своему исходному пункту, не увидев Американского материка.

В 1741 году пакетботы Второй Камчатской экспедиции под командованием В. Беринга пересекли Тихий океан и открыли северо-западные берега Америки.

Оценивая научные и политические результаты второй экспедиции В. Беринга, историки признают их огромными: Аляска впервые была достоверно описана и нанесена на карту как «часть Северной Америки». Ещё до опубликования этих карт они были использованы М. В. Ломоносовым при разработке проекта Северного морского пути в 1764 году. Познакомившись с материалами экспедиции, М. В. Ломоносов высказал предположение, что «лесной орех» («Алахшак») может быть мысом. На самом деле название Аляска в переводе с алеутского «a-la-as-ka» означало «Большая земля».

В 1799 году была создана и окончательно оформилась на территории Аляски единая «Российско-Американская компания». Она получила от Павла I монопольные права на пушной промысел, торговлю и открытие новых земель в северо-восточной части Тихого океана, а главное, была

обязана представлять и защищать интересы России на Тихом океане.

Акционерами компании с 1801 года стали Александр I и великие князья, а также крупные государственные деятели. А в 1821 году в политике компании был оговорен такой момент: отныне *руководителями Российско-Американской компании должны были быть только военно-морские офицеры*. Флотское руководство компании улучшило её администрацию, расширило колонии, но очень мало интересовалось самим торговым бизнесом. Российская империя дала Британии и США права вести на Аляске торговлю в течение 10 лет, после чего Аляска полностью переходила во владение России.

Исследуя происхождение термина «Русская Америка», историки отмечают, что именно «в итоге русских экспедиций XVIII в. Азия „сошлась“ с Америкой и между двумя соседними континентами завязались более или менее систематические и прочные контакты. Россия стала не только европейской и азиатской, но и в какой-то мере американской державой. Появился и завоевал права гражданства термин „Русская Америка…“».

Итак, с 9 июля 1799 года Аляска с прилегающими к ней островами находилась под управлением Русско-Американской компании. Однако бюджетный дефицит после отмены крепостного права и в связи с ним огромный долг Ротшильдам, с одной стороны, боевые действия на Дальнем Востоке в период Крымской войны и незащищённость восточных земель империи, в особенности Аляски, — с другой, привели к мысли о том, что, дабы не потерять её даром, нужно продать территорию, которую невозможно защитить и освоить в обозримом будущем.

16 декабря 1866 года в Санкт-Петербурге состоялось специальное совещание, на котором присутствовали Александр II, великий князь Константин Николаевич, министры финансов и морского министерства, а также российский посланник в Вашингтоне барон Эдуард Андреевич Стекль. Все участники одобрили идею продажи. По предложению министерства финансов был определен порог суммы — не менее 5 миллионов долларов золотом. 22 декабря 1866 года Александр II утвердил границу территории. В марте 1867 года Стекль прибыл в Вашингтон и официально обратился к госсекретарю Уильяму Сьюарду. Подписание договора состоялось 30 марта 1867 года в Вашингтоне. Территория площадью 1 миллион 519 тысяч кв. км была продана за 7,2 миллиона долларов золотом, то есть по 0,0474 доллара за гектар.

18 октября 1867 года Аляска перешла в ведение военного министерства США и стала называться «Округ Аляска», с 1959 года она— штат США.

В начале 70-х годов XIX в. на Аляске было обнаружено золото: началась «золотая лихорадка», за её время было добыто около одной тысячи тонн золота. Об этих событиях русскому читателю хорошо известно по таким рассказам Джека Лондона, как «Дочь снегов», «Зов предков», «Белый клык», «Время не ждёт» и др. (1902–1910).

Мы публикуем очерк нашей коллеги, преподавателя русского языка, профессора Университета города Орхус, автора известного учебника русского языка, до настоящего времени популярного не только в Дании, но и в Швеции, члена правления МАПРЯЛ ***Анны Кристенсен****, семья которой бережно сохраняла письма прабабушки — жены предпоследнего губернатора «Русской Америки», которые переведены правнучкой на русский язык и становятся достоянием читателя нашего журнала.*

АННА НИКОЛАЕВНА И ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ФУРУГЕЛЬМ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

24 декабря 1858-го, на самое Рождество, в Хельсинки в великолепном доме семьи Лангенскёлдов состоялся бал. Главным гостем этого бала был Johan Hampus Furuhjelm, или, как его звали по-русски, Иван Васильевич Фуругельм, капитан 1-го ранга, который 13 декабря этого же года был назначен главным правителем Русской Америки. Ему было 37 лет, он не был женат, и теперь он приехал домой с единственной целью — жениться! Дело в том, что главный правитель должен был быть женат, иначе у него могла появиться креольская любовница, что уже случалось. Ещё одного такого скандала петербургские директора Российско-Американской компании (в далнейшем — РАК) допустить не могли. На балу он познакомился с 22-летней Анной фон Шульц. Вскоре после встречи он сделал ей предложение, и она его приняла.

Кем же была эта юная девица? Она родилась в Швеции в 1836 году. Её отец был финном шведского происхождения, мать была шотландкой. Отец рано умер, и тогда мать, несмотря на очень скромные средства, поселилась со своими маленькими дочерьми в Германии. В Дармстадте Анна и её сестра Флоранс несколько сезонов были постоянными партнёршами двух принцев-ровесников на балах, которые устраива-

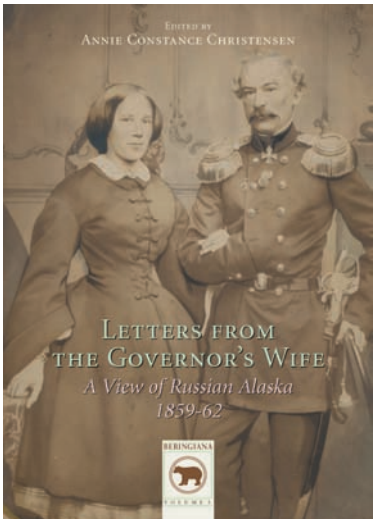
лись при дворе. Один из этих принцев впоследствии стал отцом последней русской царицы. Анна свободно говорила по-английски, по-немецки и по-французски, была светской девицей и, следовательно, подходящей женой для главного правителя Русской Америки.

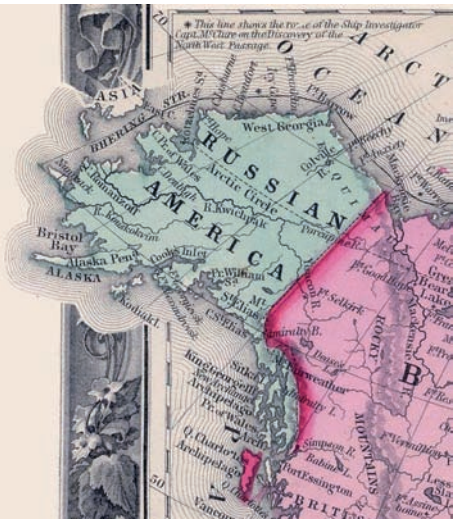
Свадьба состоялась 2 февраля 1859 года и в тот же день началось длинное путешествие на Аляску — сначала на санях в Санкт-Петербург. Вечером Анна пишет первое письмо матери. Она продолжает писать письма матери до тех пор, пока не получает известие о её смерти в мае 1862 года — 52 длинных письма, большинство из которых переплыли океаны. Они написаны почти в форме дневника и дают нам уникальную возможность посмотреть на Русскую Америку глазами европейской женщины. Эти письма дышат любовью к матери и благодарностью Всевышнему, который дал ей такого мужа, как Иван Васильевич. В одном письме мы находим несколько строк от Ивана Васильевича, где он пишет о своём счастье и выражает благодарность, надеясь, что он будет хорошим мужем для своей дорогой, любимой Анны. Два человека нашли друг друга.

5 февраля они доехали до Санкт-Петербурга, где провели 3 недели. РАК устроила для них званый обед, где среди гостей были бывшие главные правители Русской Америки Этолин и Врангель, а также барон Э. А. Стекль, русский посланник в США, который в 1867 году должен будет подписать документ о продаже Аляски. — 25 февраля они продолжали путь на дилижансе через Псков в Варшаву, откуда они поехали на поезде в Дрезден. Ехали уже с комфортом, больше не надо было беспокоиться по поводу глубокого снега. В Дрездене провели одну неделю, купили на пять лет бельё, простыни, наволочки, скатерти и салфетки. — В Лондоне у Ивана Васильевича были дела, Анна навещала родственников и делала последние покупки, а 2 апреля они покинули Европу. — Через Панаму они ехали на поезде, а 18 мая наконец достигли Сан-Франциско, где Ситку считали ближайшим соседом. Туда через несколько лет Анна поедет с маленькой дочерью к фотографу и зубному врачу. Сан-Франциско за короткий срок стал большим городом со ста тысячью жителей, элегантными магазинами и двумя операми.

12 июня они сели на «Кодьяк», корабль, который принадлежал РАК, и утром 2 июля, ровно через 5 месяцев после свадьбы, достигли цели, увидели Новоархангельск, столицу Русской Америки. Анна поспешила на палубу и ахнула при виде великолепного пейзажа с высокими снежными горами.

Иван Васильевич Ситку уже хорошо знал. Он родился в 1821 году в обедневшей дворянской семье в Хельсинки. В 15 лет поступил в 1-й Финский Флотский Экипаж, а в 1850 году — на службу РАК и отправился в далёкое плаванье к берегам Аляски. Он командовал Новоархангельским портом около года, потом совершил походы в Хонолулу, Сан-Франциско и Шанхай. В 1853–1854 гг. он служил командиром барка «Князь Меншиков», входившего в состав вице-адмирала Е. В. Путятина, которому наконец удалось заключить первый русско-японский торговый договор. В это время Иван Васильевич открыл остров в заливе Петра Великого, которому адмирал Путятин дал его имя: остров Фуругельма. — В 1855 году он стал начальником Аянского порта. Оттуда он пишет другу в Финляндию 26.02.1858-го (ст. ст.), что братья после смерти матери отправили ему двух незамужних сестёр, считая, что ему больше по карману их содержать, чем им. Сёстры неожиданно для него приехали





осенью 1857 года вместе со служанкой. Поэтому он думал, что никогда не сможет жениться, средств мало. Но в прекрасный тёплый июльский день он возвращается в Новоархангельск в качестве главного правителя вместе с очаровательной молодой женой. Иван Валсильевич должен был стать тринадцатым, предпоследним правителем Русской Америки.

Анна сразу начинает приводить в порядок их стоящий на холме двухэтажный правительственный особняк с прекрасным видом на горы и море. Уже 5 июля Анна с мужем принимают первых гостей; среди них предыдущий главный правитель адмирал Воеводский с женой, которые уезжали домой. А 9 июля, т. е. всего через неделю после приезда, 30 тлинкитов-вождей были приглашены на обед к главному правителю, который хотел установить с ними хорошие отношения. В 1855 году с этими индейцами был вооружённый конфликт с жертвами с обеих сторон, и Воеводский их боялся. «Гампус (т. е. Иван В.) не поставит охрану вокруг дома, как это делал Воеводский, и я считаю, что это правильно; не надо дать им думать, что мы их боимся. Я собираюсь стоять у окна, чтобы наблюдать за ними, когда они придут, одетые в свои красивые красные и жёлтые шерстяные одеяла и со своими лицами, страшно украшенными и татуированными» [3: 85]. — Своим бесстрашным и решительным поведением Ивану Васильевичу удалось установить с ними более дружественные отношения, и в марте 1862 года Анна пишет матери, что в отличие от предыдущего правителя у её мужа каждый день работают 22 тлинкита; «...некоторые из них уже стали прекрасными плотниками» [3: 241].

Анна с мужем были глубоко верующими людьми и молились вместе утром и вечером. «Без моей веры в бога я не знаю, что бы я делала», — пишет Анна, когда узнала, что муж должен поехать в Сан-Франциско уже в ноябре 1859 года и вернётся не раньше, чем месяца через два; а в декабре они ждут первого ребёнка. Он выйдет в море среди зимних штормов. Вернётся ли он, переживёт ли она роды? Увидят ли они опять друг друга? Но всё кончилось благополучно. Их дочь Анни Фредерик родилась 11 декабря 1859 года, потом родились два сына (16 марта 1861 года и 22 декабря 1862 года). Когда дети болеют, Анна обращается к матери за советом. Если ей повезёт, она получит ответ через полгода. Только молодые и неопытные врачи ездят на край света, и хороших лекарств нет. «Боже, сохрани нас от настоящей болезни», — восклицает Анна [3: 127].

Каждый день в доме главного правителя обедают человек 15–20. Трудно экономить, но они надеются, что по возвращении домой они смогут всё-таки купить имение в Финляндии. Однако, несмотря на большие расходы, Анна счастлива. У неё есть муж, есть дети, есть домашний очаг. Это не само собой разумеется для девушки из хорошей, но обедневшей семьи. Жизнь на Ситке имеет только один недостаток: трудно найти порядочных, чистоплотных, трудолюбивых служанок. Женщины хуже мужчин. Они не хотят работать, потому что могут зарабатывать деньги другим, «более простым образом». Служанку, которая пришла на службу к Анне прямо из школы, Анна запирает на ночь на замок. Она считает, что заботиться о том, чтобы прислуга вела себя прилично, — её обязанность. Она старается им внушить, что вести себя плохо — грех.

Оба супруга почти всегда заняты, но редкое свободное время они посвящают чтению и музыке. Пианино, купленное в Лондоне, привезли в хорошем состоянии, а в Дрездене Анна купила множество нот. Книги они заказывают из Сан-Франциско или через мать Анны из Лондона. — Они ведут интенсивную общественную жизнь. Осенью 1859 года в клубе в честь Анны устроили бал. Её туда несут на паланкине. Когда Иван Васильевич и Анна Николаевна (как её звали по-русски), входят в зал, их встречают почтительными поклонами. Они король и королева колоний. — На Пасху Иван Васильевич и Анна приглашают весь город на завтрак. В клубе устраивают спектакли, а день рождения и именины царя отмечают званными обедами в доме главного правителя. Каждую неделю у них журфикс, а перед свадьбой секретаря Ивана Васильевича приглашают 80 гостей на бал.

Однажды именины Анны, 9 декабря, отмечают праздником на льду. Солнце светит, что бывает редко. Дамы сидят на стульях, к которым прикреплены полозья, и их возят по льду кавальеры на коньках. Потом прямо на озере разводят костёр, приносят стулья и стол. Пьют чай из самовара, едят пирог. Среди дам Аннина подруга, княгиня Максутова, жена первого помощника Ивана Васильевича. Её мать была немкой, отец — англичанин, но выросла она в России. Они часто встречаются, играют в четыре руки на пианино и подолгу беседуют, в том числе о России и её будущем. Княгиня рассказывает о жизни в России за блестящими кулисами. Её рассказы часто вызывают ужас у Анны. Она, выросшая на Западе, задаёт себе много вопросов. Где истина и честность? Когда у русских будет честное правительство? Когда встанут сыны России? Анна думает, что уже при ней будет иметь место страшная революция. Но она ошибается, ибо умирает в 1894 году. Но её сыновья, Отто и Элис, которые родились на Ситке, погибнут в 1918-м во время красного мятежа в Финляндии.

На Ситке нет по-настоящему нищих людей, пишет Анна. РАК заботится обо всех, и все сироты учатся в школе. В Новоархангельске есть школа для девочек, где при главном правителе Этолине учились 50 девочек. Теперь их всего 17. Анна хочет приносить пользу, делать добро, и она решает опекать школу. При предыдущем главном правителе никто о школе не заботился, и он не запрещал молодым офицерам наносить ей позорные ночные визиты. Муж Анны объявляет, что любого мужчину, который приблизится к школе ночью, будь он офицер или простой рабочий, будут хлестать кнутом. — Анна присутствовала на экзамене в школе. Результаты не очень хорошие, но чего можно ожидать от некомпетентных учителей? Самое лучшее — это детская одежда, которую шили девочки. — Когда девочки оканчивают школу, они готовы делать всё, что угодно, чтобы купить себе красивую одежду. Зарплаты они не получают, РАК платит за их учёбу. Когда они потом начинают работать, им выделяют годовое пособие, которое они получают, когда выходят замуж.

О деятельности Ивана Васильевича мы узнаём из писем жены и из его отчёта, который был опубликован 29.10.1864-го. Главный правитель нёс ответственность не только за дела РАК, но и за благосостояние населения, которое состояло из 4 категорий: служащих РАК, туземцев независимых, туземцев зависимых и креолов, т. е. детей смешанных браков. Он совершал 4 длительные инспекционные поездки по колониям, и где бы он ни находился, он говорил с коренными жителями, выслушивал их, заботился об условиях их жизни. — При нём в Новоархангельске открылись две новые школы: училище для девиц заслуженных родителей и общее колониальное училище, в котором программа общих предметов была одинакова с уездными училищами; к ней добавлены были предметы по мореплаванью и торговле, необходимые для колоний.

Колонии находились в плохом состоянии. 5 лет — короткий срок. Каждый новый главный правитель строил свои планы, не заботясь о преемственности дел своего предшественника. Дома гнили. Иван Васильевич приказал строить дома на каменном фундаменте; большинство его предшественников строили дома прямо на земле без всякого фундамента, не заботясь о сохранности построек во влажном климате. — Наступили трудные времена. Кончилась монополия на торговлю китайским чаем; неограниченной охотой почти истребили ценных морских бобров. — «..можно сказать утвердительно, что до тех пор пока не отыщутся в колониях металлы, торговля колониальными произведениями может быть выгодна только такими предметами, на добывание которых можно употреблять туземцев, а именно: лед и частию рыба» [2: 62]. — 9.01.1860-го в Сан-Франциско Ивану Васильевичу удалось заключить новый, более выгодный договор на поставку льда в данный город. За его пятилетнее управление колониями в Сан-Франциско было вывезено 17 448 т льда на сумму 115 638 долларов. Для сравнения экспорт рыбы дал за этот период всего 15 449 долларов.

Подошёл к концу срок службы Ивана Васильевича на Аляске, и в мае 1864-го накануне его с семьёй отъезда новый главный правитель Д. П. Максутов «устроил для них прощальный бал, который начался в 8 часов вечера и продолжался до 5 часов утра. Во время ужина Фуругельму была преподнесена великолепная серебряная чаша, выполненная искусными мастерами в Петербурге. Ее украшали вид двухэтажного правительственного особняка в Новоархангельске, различные животные Русской Америки и изображения трех вождей наиболее знаменитых индейских племен» [1: 45].

Эпилог. Уже в 1865 году И. В. Фуругельм с семьёй опять отправляется в далёкий путь, в этот раз на Дальний Восток в Николаевск-на-Амуре, куда он назначен на 5 лет военным губернатором Приморской области, командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана. Там в 1869 года родилась ещё одна дочь, Мэри Констанс, моя бабушка. Вскоре после прибытия в Петербург он был назначен старшим флагманом Балтийского флота и переведён на должность таганрогского градоначальника с производством в вице-адмиралы. В 1878–1880 гг. он командовал Ревельским портом, и с тех пор жил на родине в имении Хонгола, которое он купил в 1873 году и где уже давно жила его семья. Он скончался 21.09.1909 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болгурцев Б.* По обе стороны океана // Кают-Компания. Морской, исторический, литературно-художественный сб. СПб., 1997. № 1. С. 43–48.

2. Отчёт по управлению Российско-Американскими Колониями с 1859 по 1864 год Капитана 1 ранга Фуругельма. СПб., 1864.

3. Letters from the Governor's Wife: A view of Russian Alaska 1859–1862 / Ed. by Annie Constance Christensen. Aarhus, 2005.

Анна Кристенсен